

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Фонд «Либеральная Миссия»

Серия «Свобода и право»

Основана в 2012 г.

Алексей Давыдов

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

Виктор Шейнис

ВЛАСТЬ И ЗАКОН

Политика и конституции в России в XX—XXI веках

Владимир Малахов

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

Концепции и практики

Александр Оболонский

ЭТИКА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

И РЕАЛИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Леонид Никитинский

АПОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

(в завтрашний номер: о правде и лжи)

Эмиль Паин, Сергей Федюнин

НАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Перспективы управления культурным разнообразием

Игорь Клямкин

КАКАЯ ДОРОГА ВЕДЕТ К ПРАВУ?

СТАНДАРТЫ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

Международные и национальные практики

Под ред. Т. Г. Морщаковой

ВЕРХОВЕНСТВО И ПРАВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИКИ

(Международная коллективная монография)

Под ред. А. Г. Федотова, Е. В. Новиковой,

А. Р. Розенцвайга, М. А. Субботина

«ОСОБЫЙ ЦУТЬ» СТРАНЫ

Мифы и реальность

Под ред. А. В. Оболонского

Борис Палант

БИЛЛЬ О ПРАВАХ

Елена Лукьянова, Илья Шаблинский

АВТОРИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Под общей редакцией В.Л. Шейниса

·МЫСЛЬ·
Москва
2019

УДК 323/324(470+571)

ББК 66.3(2Рос),1

П50

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

П50 **Политический строй России: вчера, сегодня, завтра** / под общ. ред.
В.Л. Шейниса. — Москва : Мысль, 2019. — 159 с.
ISBN 978-5-244-01215-6

В середине 1980-х годов, когда была начата перестройка, не только убежденные сторонники либеральной демократии, но и многие из тех, кто с надеждой встретил начало перемен, полагали, что Россия (точнее, СССР) должна стать демократической, европейской страной, и отдавали себе отчет в том, какие препятствия придется преодолевать. По какому пути идет наша страна сегодня и каким может стать день завтрашний? Размышляющие об этом на страницах книги авторы убеждены в том, что уроки тех прекрасных и ужасных лет, заставших нашу страну врасплох, еще предстоит выучить и понять. Ибо ошибки и просчеты имеют обыкновение повторяться.

УДК 323/324(470+571)

ББК 66.3(2Рос),1

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРАХ	8
-------------------------	---

ВИКТОР ШЕЙНИС

ВВЕДЕНИЕ. АВТОРИТАРИЗМ или демократия?	9
---	---

ВИКТОР ШЕЙНИС

Что там — за поворотом?	20
Демократический транзит	20
Две попытки перехода к либеральной демократии	23
Уроки перестройки	27
Перестройка-2 — перспектива или фантазия?	42
Что делать?	53

МИХАИЛ КРАСНОВ

Ключевые вопросы — ответы.	62
---------------------------------	----

МИХАИЛ КРАСНОВ

Конституция — жертва конституции?	66
О ценностях и декларациях	66
О предопределенности	68
Об ошибках	73

АЛЕКСАНДР ОБОЛОНСКИЙ

Коллизии морального сознания времен перестройки и ранних девяностых, их политические последствия и новые перспективы (к вопросу о судьбах российского либерализма)	84
Исторические развилки и «особые пути»	85
Этика либерализма в советском сознании	87
Бюрократическая ментальность и либерализм.	89
Амплуа и роли новые, актеры прежние	91
Романтический период.	94
Моральная цена экономической трансформации	98
Негативные морально-психологические последствия.	99
Куда смотрели «правовики»?	101
Интуитивный либерализм против государственного пресса	103

ДМИТРИЙ ТРАВИН

РАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В НЕРАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ	109
Причины формирования автократии	109
Характер демократического транзита	111
Кто виноват?	115

Почему популярен бунт на колених?	119
Ковер-самолет или савраска?	123
Что впереди?	127

ТАТЬЯНА ВОРОЖЕЙКИНА

Развилки истории: был ли (есть ли) у России выбор?	131
Предпосылки перестройки: государство и общество	131
Перестройка: возможные альтернативы	138
Выбор девяностых	141
Возвращение к самодержавию	149
Есть ли выход?	153

ОБ АВТОРАХ

Ворожейкина Татьяна Евгеньевна — историк, политолог, Московская высшая школа социальных и экономических наук.

Краснов Михаил Александрович — юрист, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Оболонский Александр Валентинович — юрист, политолог, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Травин Дмитрий Яковлевич — экономист, экономисторик, Центр исследований модернизации Европейского университета Санкт-Петербурга.

Шейнис Виктор Леонидович — историк, политолог, Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук.

ВИКТОР ШЕЙНИС
**ВВЕДЕНИЕ. АВТОРИТАРИЗМ
ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?**

Прошло всего три десятка лет, а идеи, изложенные Фрэнсисом Фукуямой сначала на лекции в Чикагском университете, а затем, с оговорками и уточнениями, — в книге, переведенной на несколько десятков языков, не то чтобы оказались позабыты, но остались памятником в истории прогностической мысли. Между тем вызывающие соображения американского профессора возбудили не только академическое сообщество, но и более широкий круг читателей, задумывающихся над судьбами цивилизации. А утверждал Фукуяма, что наступает конец истории, потому что жизнеспособных соперников у либеральной демократии в мире не осталось. То есть, конечно, современные демократии сталкиваются со множеством проблем, но принципиальные решения существуют для всех них. И ни одна из них не такова, чтобы привести общество к краху — такому, какой на глазах нынешнего поколения претерпел коммунизм. Продвижение либеральных демократий в мире действительно было впечатляющим: в 1790 г. их было три, через два столетия — 61. «Из всех видов режимов, которые возникали в мировой истории, от монархий и аристократий до теократий, до фашистских и коммунистических режимов нашего столетия, до конца двадцатого века только одна форма дожила неизменной, и это либеральная демократия, — писал автор. — Даже не демократу придется говорить языком демократии, чтобы оправдать свое отклонение от единого универсального стандарта»¹.

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : Ермак, 2004. С. 88–89, 93–94.

У Фукуямы были предшественники, предрекавшие всемирное торжество одной — предпочитаемой ими — формы социального устройства. Он упоминает Гегеля. Можно назвать здесь еще одного. В программе Коминтерна 1928 г. было описано, как полагали ее авторы, предстоявшее распространение международной революции и диктатуры пролетариата по всему миру: от «стран высокого капитализма» к странам среднего его уровня, где понадобится промежуточный этап «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», к отсталым странам, где «большинство населения живет в условиях племенного быта» и где «дорогу развитию к социализму, без прохождения стадии капитализма вообще» откроют национальное восстание и помощь стран пролетарской диктатуры¹.

Представление будущего развития как однонаправленного вектора лишь с временными, не меняющими общего направления отклонениями от магистрали, присуще не только обыденному сознанию. В теоретическое видение будущего мира вводятся как бы продолженные известные процессы и явления прошлого и настоящего, тем или иным способом препарированные. При этом из великого многообразия знаковых событий концептуалисты отбирают то, что отвечает их опыту и ценностным ожиданиям — часто оптимистическим, иногда пессимистическим. Так возникают утопии и антиутопии, лишь изредка и всегда лишь частично получающие подтверждение или опровержение в реальной жизни.

Надо обладать уверенностью И. Валлерстайна, чтобы на пороге нового тысячелетия заявить: «Современная система как система историческая вступила в стадию завершающего кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет... Что мы действительно знаем — переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны,

¹ См.: Программа и устав Коммунистического Интернационала. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 106–112.

а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик». В лучший мир мы сможем войти, «если будем готовы бороться с теми, кто под каким бы то ни было видом и любым предложением предпочитает неэгалитарный, недемократический мир»¹. О неоднозначности и тревожности надвигающегося мира — и авторы юбилейного доклада Римского клуба. Планета, пишут они, деградирует, авторитаризм и фундаментализм на подъеме, спекулятивный капитал торжествует. Мы переживаем не циклический, а усиливающийся кризис. Он включает социальный, политический, культурный, моральный кризис, кризис демократии, идеологий, капиталистической системы. Мы должны быть готовы к альтернативной экономике, новому Просвещению, холистическому мировоззрению, планетарной цивилизации...²

В свете этих предостережений политическая картина современного мира вовсе не выглядит как всеобщее распространение демократических и вытеснение авторитарных режимов. Даже в исторических центрах демократии — в ряде государств Европейского союза и в США — в последнее время разворачивались дегенеративные процессы и происходили события, заставляющие усомниться в универсальности классических демократических способов решения современных проблем или по меньшей мере требующие разграничить либеральную и нелиберальную демократию. Неожиданная победа Трампа на президентских выборах в США и его сумбурные выходки, подрывающие единство западных союзов. Брексит, с небольшим перевесом вотированный на британском референдуме. Завоевание маргинальными до недавнего времени правыми популистами внушительного числа голосов на выборах в ряде европейских стран и их проникновение в структуры исполнительной власти. Сокрушительная победа на последних выборах в Бразилии (притом

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира // Социология XXI века. М. : Логос, 2003. С. 5, 6, 9.

² См.: Weizsäcker E., Wijkman A. Come on! URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/6832/>

прежде всего в наиболее продвинутых штатах!) политического шута с профашистскими и насильническими симпатиями, коего еще недавно не принимали всерьез, — подлинная трагедия, перечеркнувшая конструктивный вклад одного предшествовавшего президента Бразилии, проводившего социально перераспределительный курс, и другого, реализовавшего «институциональный, “центростремительный”, направленный на поиск компромисса проект»¹. Эти и другие разрушительные события недавних лет нельзя расценивать лишь как досадные отклонения от доминирующего вектора.

Это одна сторона дела. А другая заставляет задуматься, насколько всеобщий характер вообще носит вытеснение авторитаризма демократическими режимами в мире. До недавнего времени преобладало убеждение в том, что относительно успешная модернизация, осуществленная авторитарным режимом в Сингапуре (и сходные процессы в Восточной Азии), — исключительное явление, в большинстве своем удел малых и некоторых более крупных стран. Что дальнейшее продвижение по этому пути приведет и в этих странах к демократической модернизации. Но разновидностей авторитаризма в мире множество, и выход из одной его формы, даже с кажущимся обрывом традиции, еще не означает вступления на путь, ведущий к демократии. Одни авторитаризмы (может быть, даже большинство) блокируют развитие. Но, во-первых, некоторые из них могут продолжительное время способствовать развитию (или даже направлять его) не только в экономической, но и в некоторых областях социальной жизни. Так что причисление ряда стран к демократиям оказалось по меньшей мере преждевременным.

А во-вторых, следует внимательнее присмотреться к кардинально изменившейся роли Китая в мировой экономике и политике. То, что произошло в Китае и с Китаем в последние 40 лет, когда высший партийный орган провозгласил смену курса, — это не исключение, а новый тренд в мире.

¹ Ворожейкина Т. Карнавала не будет? // Новая газета. 2018. 31 окт.

Китай развил феноменальные для большой страны темпы экономического роста. За счет широкого привлечения капитала из зарубежных стран созданы высокотехнологичные отрасли производства, научные центры мирового уровня (в том числе при помощи профессионально поставленного воспроизведения и кражи чужих секретов). Китай — обладатель колоссальных валютных резервов и зарубежных инвестиций. Каждый год убывает доля населения, живущего ниже черты бедности. За несколько десятилетий реформ Китай стал второй по экономической мощи страной мира и поставил задачу к 2049 г., столетней годовщине революции, стать первой супердержавой. «Нет, это не торговая война. Это схватка за вершину мира», — написал главный редактор «Независимой газеты» Константин Ремчуков, показавший, с какой тревогой в США воспринимают возвышение Китая¹.

Трудно сказать, какое место займет и каким станет Китай в середине нынешнего века. Здесь необходимы серьезные исследования, которые еще предстоит осуществить. Но, во-первых, уже созданный экономический, военнотехнический и интеллектуальный потенциал великой страны никуда не денется. Во-вторых, миру продемонстрирован исторически продолжительный и небезуспешный симбиоз капитализма, который стал мотором развития, и социализма, гарантировавшего социальную стабильность. И в-третьих, и то и другое осуществлялось под жестким контролем компартии, которая, судя по последним сообщениям, собирается ужесточать внутреннюю дисциплину, преемственность (несменяемость) своего руководства и власть над населением. Не увлекаясь ни химерами «большого скачка», ни либеральными экспериментами. Китайский пример побуждает некоторых его симпатизантов к выводам, ниспровергающим базовые представления либеральной доктрины. «...Стало ясно, — утверждает, например, профессор

¹ Ремчуков К. Это схватка за вершину мира // Независимая газета. 2018.16 окт. (Воспроизведено в отдельной брошюре под тем же названием. См.: М. : Независимая газета, 2018.)

Ю.В. Тавровский, — что классические принципы либеральной экономической теории и организации общества не являются магистральным путем развития человечества, что ставит под сомнение будущее западной модели»¹. Профессору ясно? А как же уверенность российских ученых либерального крыла в том, что «в современном мире невозможно быть успешным и конкурентоспособным, действуя в самодержавной системе координат», что «такой подход является безусловным залогом неэффективности деятельности каких-либо институтов и государства в целом. Он приводит к вырождению кадров, снижению уровня жизни, гражданскому протесту и в итоге к неизбежному краху»... Что неизбежность этого заключения применительно также к китайскому да и к некоторым другим вариантам может подтвердиться «в пределах одного — максимум двух поколений»². И чтобы убедиться в справедливости такого предсказания, необязательно ждать столь долго. Может быть...

Но если и существовала когда-либо возможность рывка на пути, аналогичном китайскому, в СССР, то время для такого эксперимента ушло. Его давно уже не было, когда к руководству пришел Горбачев. Сегодня неспособность авторитаризма решать актуальные задачи национального развития в России очевидна. Это, в сущности, не нуждается в дискуссии. Здесь важно учесть другое. В середине 1980-х годов, когда была начата перестройка, не только убежденные сторонники либеральной демократии, но и многие из тех, кто с надеждой встретил начало перемен, полагали, что Россия (точнее, СССР) должна стать демократической, европейской страной, и отдавали себе отчет в том, какие препятствия придется преодолевать на этом пути. Сейчас стало очевидно, что если такая попытка и была вначале сделана,

¹ Тавровский Ю. 40 лет, которые потрясли Китай // Независимая газета. 2018. 24 окт.

² Лукьянова Е., Шаблинский И. Авторитаризм и демократия. М. : Мысль, 2018. С. 180–181.

то идет наша страна по другому пути. Почему? Неизбежно ли это было? И каким может стать день завтрашний?

Летом 2018 г. в «Либеральной миссии» был проведен круглый стол «Россия между конкурентной и авторитарной политической системой: развилки в истории». В развитие состоявшегося обсуждения научный руководитель НИУ ВШЭ Е.Г. Ясин предложил издать книгу, которую сейчас мы и предлагаем вашему вниманию. При общем согласии авторов с характеристикой установившегося ныне в России политического строя дискуссия меж ними, развернувшаяся на круглом столе, продолжается в этом издании. Некоторые различия в их подходах в суммарном виде могут быть представлены следующим образом.

Михаил Краснов — *конституционалист*. Под его руководством группой студентов Высшей школы экономики был подготовлен целостный оригинальный проект Российской конституции. По замыслу авторов, он призван восполнить дефекты принятой Конституции, и в частности главный из них — совмещение в лице (институте) президента двух разных функций: гаранта конституционного строя и верховного политического актора. *Их следует разделить*. Это позволило бы устранить три «фундаментальные ошибки», как он называет решения и действия, которые стали «главной причиной случившейся модернизационной неудачи». Право автора в качестве исходной точки объяснительной цепочки избирать решения политических акторов, предопределившие государственное устройство, и называть их ошибочными не может быть оспорено. Но важно учитывать, что за этими решениями и их воплощением в жизнь стояли реальные интересы противостоявших друг другу социально-политических сил, их столкновения и перепетии борьбы, в которой одним из них досталась победа, а другим — поражение. Хотя с течением времени те и другие могли поменяться местами. Краснов также единственный, кто в наброске своих ответов на вопросы, поставленные перед всеми авторами, чтобы четко зафиксировать скелет изложения, дисциплинированно последовал замыслу.

Александр Оболонский заявляет себя, в отличие от многих коллег, *скрытым историческим оптимистом*. Значительное внимание он уделяет проблеме развилок, пройдя через которые страна пришла к сегодняшнему дню и снова оказалась перед выбором. Он полагает, что очень значительное, в какой-то момент едва ли не решающее влияние на характер, ход и исход российского транзита оказали не экономические и политические, а *моральные и психологические факторы* и недооценка их сторонниками рыночного детерминизма стала одной из существенных причин последующих проблем и неудач. За проведение экономической трансформации 1990-х годов в жестокой форме, что, по его мнению, было тогда неизбежным злом, была заплачена очень высокая моральная цена: обманутое доверие и разочарование в либеральных лозунгах и ценностях. Возникновение феномена системной коррупции стало дополнительным негативным фактором. Тем не менее он полагает, что сейчас происходит *скрытая реинкарнация российского либерализма*. Причем, по его мнению, решающим фактором могут стать не позиция и желания политической и прочей элиты, гоняющей страну не один век по порочному кругу, а «воля и поведение рядовых граждан, поднявшихся с колен и обретших личностное сознание и достоинство». В их активе — Конституция, в исходные положения которой создатели заложили «человекоцентричную» шкалу ценностей, идеи русского либерализма. Протестные выступления он рассматривает как *форму гражданского участия в политике*, особенно в условиях неадекватной реакции на них властей, которая представляет собой смесь жестокости и глупости. Но государственному прессу противостоят интуитивный либерализм народа, возникающие горизонтальные связи, параллельные структуры, автономные по отношению к государству. Политическая динамика малопредсказуема. Но будущее открыто для различных сценариев.

Другой вариант осторожного исторического оптимизма представлен Дмитрием Травиным. По его мнению, воссоздание авторитаризма в России вообще не было

предопределено, как и жесткая автократия. Так же следует подойти и к анализу проблемы исторического транзита от авторитаризма к демократии. *Когда авторитаризм станет расшатываться, сказать трудно.* Но демократизация — это не путь к мгновенному всеобщему счастью и не прямая дорога в будущее, а узкая извилистая река, текущая по пересеченной местности... В одних странах препятствия могут затормозить ход демократизации на годы, в других — на десятки или даже сотни лет. Но демонстрационный эффект постоянно возобновляет стимулы к демократизации. *Помещенное в иррациональные условия, российское общество ищет и находит рациональные условия поведения.* Разлитое в стране «подданничество» не означает приверженности к авторитарному режиму. В авторитарной стране проблемы решаются иначе, чем в демократической. Действия масс и сейчас представляют собой рациональную реакцию на исторические условия. Реформы будущего для адаптации к ним населения потребуют на практике скорее либеральных мер, чем популизма.

Главные условия развития российского общества, утверждает Татьяна Ворожейкина, — *единство власти и собственности и подчинение общества и индивида государству.* Воздействие этих факторов — многовековое. В XX веке были сделаны две попытки сменить историческую траекторию. Автор показывает, почему после, как казалось, решительного разрыва с прошлым произошла реставрация самодержавного режима в особенно жестком и беззастенчивом виде. Открытым, однако, остается вопрос о возможности, способе и времени выхода страны из пресловутой исторической колеи. Во-первых, существует ли вообще возможность (согласимся — проблематичная) того, что Россия в мыслимое время сменит вектор развития и двинется к правовому, демократическому строю? Ответ на этот вопрос (по-видимому, положительный для других авторов) неочевиден, поскольку катастрофических испытаний на предстоящем пути у страны, решительно продвигавшейся в исторический тупик, — вдоволь. Во-вторых, бесспорно ли утверждение, что надежда

на модернизационный сдвиг в сознании и поведении существующего режима и правящих при нем групп сродни выволакиванию барона Мюнхгаузена из болота? Не стоит ли поразмышлять и внимательнее приглядеться к скудной пока инсайдерской информации о неоднородном составе и настроениях внутри нынешнего правящего класса, заведомо исключив возможность его расслоения и даже раскола? В-третьих, заслуживает уважения и поддержки внимание автора к массовым протестным движениям. Данная им оценка осторожна и справедлива. Но ведь реальная проблема вовсе не в том, что демократическая оппозиция отказывается числить в повестке дня социальные вопросы, волнующие людей, далеких от политики и даже чурающихся ее. На деле одна из самых сложных и нерешенных проблем — *каким образом поднять социальные выступления на политический уровень, совлечь их с «разрушительных (и подчас тоже политических. — В. Ш.) выбросов народного недовольства»*, о чем справедливо упоминает автор. Проблема и вовсе не в том, чтобы вписать разумные материальные требования в программные документы демократических организаций — они там есть. А в том, чтобы соединить низовые социальные выступления с политической борьбой, не ограничиваясь теоретически верной констатацией, что социальные движения, отстаивая собственные интересы, утверждают в нашем обществе закон и право. К тому же не только эти движения защищают права и достоинство граждан. Наконец, времени у демократической оппозиции на решение *разных задач* не только в 1990-е годы, но и сейчас действительно остается немного.

* * *

В 1980–90-х годах в истории нашей страны произошел перелом — самый значительный из тех, что совершались после начала XX века. Уже одно то, что в этот период она вошла как СССР, а вышла из него как Россия с более или менее адекватно очерченными границами, — веское основание считать, что события, завершившие русский XX век, — революция.

Ни одна из глубоких революций в Европе в XVII—XX веках не достигла целей, сформулированных ее идейными предшественниками и заявленных политическими вождями. В лучших случаях к ним подходили через десятки лет. Наши годы перестройки и постперестройки не были исключением. И не следует удивляться ни оценкам вознесенного к власти меньшинства, ни разочарованию и обиде большинства народа. На промежуточном перегоне мы пришли не к свободе и демократии, а к авторитаризму в подновленном облики, к еще более очевидному неравенству, к жесткой несвободе.

Почему так произошло, что нас ждет впереди — вопросы, на которые убедительного ответа нет. Говорят, что Чжоу Эньлай, один из лидеров коммунистического Китая в ответ на аналогичные вопросы о Великой французской революции, заданные ему в дни ее 200-летия, сказал, что время для ее оценки еще не пришло. Мы не настолько самонадеянны, чтобы вообразить, будто можем уверенно ответить на вопрос о событиях, происходивших у нас на глазах, через 25—30 лет после них — в другой стране и в незнакомом мире. И все-таки мы решили высказать о них некоторые соображения, будучи убеждены в том, что выбор, сделанный тогда нашей страной силой обстоятельств и волей современников, был не лучшим и не единственным из возможных. И в том, что уроки тех прекрасных и ужасных лет, заставших нашу страну врасплох, еще предстоит выучить и понять. Ибо ошибки и просчеты имеют обыкновение повторяться.

ВИКТОР ШЕЙНИС

ЧТО ТАМ — ЗА ПОВОРОТОМ?

«Останкино» — главный его постамент, там прямо клокочет зловонная бездна. И все-таки главный его инструмент — внушать легковерным, что все бесполезно.

— Смотрите! — шипит он. — Мне жаль бедолаг, которые верят в империю света. Уже ведь пытались — а вышел ГУЛАГ, и снова пытались — и вышло вот это... <...> ...Учитесь терпеть до скончания лет — в зловонном туманце, в распутице серой, и помните твердо, что выхода нет. Лубянка питается этой верой. <...>

Они искушают.

А вы — не ведитесь.

Дм. Быков

Демократический транзит

Десятилетия после Второй мировой войны по следам событий были названы временем демократического транзита в мире. Вслед за расчисткой Европы от фашистских и им подобных режимов знаменательным стал выход России из коммунизма. Этот процесс захватил не только Россию, но и другие 14 союзных республик, а также страны Восточного блока, ставшие трофеями СССР по итогам Второй мировой войны. Исчезли страны «социалистического выбора» на других континентах. Подошло к концу и мировое коммунистическое движение.

Но на том дело не кончилось. Пробил, казалось, час многих авторитарных, тиранических, партийных и персоналистских режимов. Политическая карта мира окрашивалась в демократические цвета. В 1790 г. демократических стран на всех континентах числилось три, в 1940 г. — 13, в 1990 г. — 61.

Тема победного шествия либеральной демократии, сокрушившей будто бы на мировом уровне враждебные идеологии, на короткое время приобрела исключительную популярность. Американский ученый Фрэнсис Фукуяма в разошедшихся по миру публикациях утверждал, что наступает конец истории, как это некогда предсказал Гегель. То, что такая страна, как Россия, подзадержалась в пути и от нее можно ждать «скатывания к примитивному авторитаризму», не меняет главного. Страны движутся, рассуждал автор, как вереницы фургонов по одной дороге в одном направлении в одно место. Встретившись, они решат, как быть дальше, чтобы не остаться в эпохе «всемирной скуки». Но пока что либеральная демократия справляет свой праздник. Равных ей по силе конкурентов в мире не останется¹. Так ли это? Вовлечение большинства в политику не гарантия от распространения фашистских и подобных им режимов, предупреждал еще лауреат Нобелевской премии Ф.А. Хайек. Они опираются на поддержку масс людей, которые не имеют твердых убеждений и «охотно примут готовую систему ценностей, если им достаточно часто и громко ее вдалбливать». И тогда «обещанный нам путь к свободе окажется столбовой дорогой к рабству»².

Перетолкование смысла демократии, использование демократических одеяний режимами, подавляющими свободу, стало одной из актуальных проблем в послевоенном мире. Нарушается баланс между демократией и свободой и в странах, которые исторически были родиной демократии. Здесь в некоторых случаях демократии должно было бы быть не больше, а меньше: есть вопросы, которые нельзя решать голосованием большинства, настаивает известный политолог Фарид Закария. Но особенно остро стоит проблема как раз

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории // Страна и мир. 1990. № 1. С. 93–97, 100–101; Он же. Конец истории и последний человек. М.: Мысль, 2004. С. 85, 93–94, 102–123, 504–505, 516; Войны будущего: Новая гипотеза знаменитого американского политолога // Независимая газета. 1995. 11 февр.

² Хайек Ф.А. Дорога к рабству. Л., 1983. С. 158, 89, 42.

в странах, объявивших о вступлении на путь демократического транзита, но не прошедших «эпоху Реформации и Возрождения, когда вызревали антиавторитарные тенденции и ограничивалась экспансия государства». Это относится и к России. Россия во многих отношениях часть западного мира, но многое, что было пропущено в прошлом, ей надо восполнить в переходный период. Для этого требуется время, а у руля должно стоять «дальновидное и ответственное политическое руководство, понимающее необходимость поступиться частью своей власти во имя блага отчизны»¹.

Чтобы стать богатыми, отставшим в развитии странам надо позаботиться о создании инклюзивных политических институтов — «одновременно достаточно плюралистических и централизованных». Не одна лишь демократия в традиционном понимании, а политические институты как «совокупность правил, которые формируют систему стимулов для различных политических игроков... порождают плюралистические политические системы... и в конечном счете определяют победителя» — к такому выводу приходят авторы современного обстоятельнейшего исследования о богатстве и бедности народов Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон².

Все это, конечно, общие соображения. Но из них вытекает, во-первых, что выход из коммунистического режима лишь подвел Россию к исторической развилке, на которой выбор либеральной демократии в лучшем случае возможен, но не гарантирован. Во-вторых, что такой выбор может потребовать продолжительного времени, которое предполагает прохождение нескольких развилок и не сводится к одностороннему демократическому транзиту. И в-третьих, что в любом случае это противоречивый процесс, в котором сталкиваются разные тенденции, причем одни могут быть

¹ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М. : Ладомир, 2004. С. XLVIII—XLIX, 16—17, 99, 285.

² Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные : Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : АСТ, 2016. С. 111—117.

развиты, а другие подавлены. Как это произошло в России после 1917 г. и растянулось на век или даже больше.

Две попытки перехода к либеральной демократии

В массовом сознании — и, что того хуже, в исторической литературе — под сильным влиянием большевистской аксиоматики закрепилось убеждение в исторической закономерности социалистического выбора в Октябре 1917 г. и победы большевиков в Гражданской войне. Как и скатывания на развилках дальнейшего пути в колею, на каждом отрезке которой сделанный выбор представлен не только как наилучший, но и чуть ли не как единственно возможный. Этот стереотип закреплен устоявшимся представлением общего характера: история не знает сослагательного наклонения. На научное обсуждение альтернативного развития («что было бы, если бы...») наложен запрет. Но если это так, то к чему тогда наука история? А если не так, то как провести грань между наукой и фантазией, пророчествами сивиллы? О том, почему не удалось ни в начале, ни в конце XX века вывести Россию на либеральный, европейский путь развития, написаны горы книг и заполнено громадное пространство компьютерной памяти. Но мифологические представления вытесняются трудно. Чаще одни иллюзии заменяются другими, столь же неплодотворными.

В преддверии 1917 г. в России налицо были реальные предпосылки радикальных перемен. Страна была наполовину неграмотной, но в ней действовала незадавленная политическая оппозиция. Была память о 1905 г. и юридически закреплённом отступлении царизма. Был опыт нескольких десятилетий земского движения. Земцы обладали навыками противостояния администрации. У России было несколько лет жизни по законам 1906 г. — русской протоконституции. Ее не любила, но с ней не могла не считаться власть. Существовала нецензурируемая печать и не управляемое

властями общественное мнение. Зарождалась самоорганизация структур гражданского общества не только в политической сфере. Ко всему этому следует добавить последнее по счету, но не по значению — если не раскол, то все же дробность политической элиты, ее размежевание, разнообразие политических ориентаций, в том числе у людей, не столь далеко отстоявших от исполнительной власти. Был зондаж компромиссных соглашений с думской оппозицией или ее влиятельными лидерами. Так выглядели некоторые заделы для эволюции, направляемой сверху.

Было, конечно еще и участие России в изматывавшей ее мировой войне, позор распутинщины, нарастание недовольства в верхах, раздражение в низах общества, которое могло прорваться по любому, необязательно значимому поводу. Так и случилось в феврале 1917 г., когда протест петроградских женщин против неурядиц в снабжении города хлебом (что можно было быстро поправить) вытолкнул в революцию солдат. Воинскими частями была сверх всякой меры набита столица. А десяти миллионам вооруженных крестьянских парней осточертели три зимы в окопах. Они сгорали от нетерпения приступить наконец к земельному переделу — и им дела не было до Проливов.

Итак, к началу 1917 г. в России существовали предпосылки для мирного выхода из конфликта между окрепшим обществом и слабеющей «исторической» властью.

Если бы не затянувшаяся война. Правда, и здесь была надежда на ее победное завершение. Четверной союз был измотан больше, чем Антанта. У России были сильные союзники. В торге с ними значительная часть ее политического класса рассчитывала после победы реализовать геополитические мечтания, которые будоражили ее воображение более сотни лет. А другая часть — удовлетворить ожидания крестьянского большинства и политической оппозиции в рамках исторического компромисса решительными, но легалистскими мерами через перевыборы Думы или Учредительное собрание.

Эту возможность смел Февраль. После него развитие резко поменявшейся ситуации в стране стали определять три

фактора. Выход из игры правившей в 1906—1916 гг. царской камарильи и ориентированных на нее сил, застигнутых врасплох. Политическая импотенция раздробленной оппозиции и представлявших ее партий. И главное — волны разбушевавшейся народной революции. Права Ирина Глебова — на улицах Петрограда стала твориться новая социальность: народ (солдат, матрос, рабочий, городские низы) эмансипировался и почувствовал себя реальной исторической силой. Он освободился от тяжести всяких социальных обязательств и принес в революцию свои желания, свое понимание свободы, власти, справедливости, нацелился не только на царя и царского чиновника, но и на тех, кто его от них освободил. «Народный выбор 1917 года — это выбор против освободителей, против свободы по-февральски... В войне и революции покончила с собой Россия европейская. Это означало конец гражданского общества, гражданского активизма, вымирание людей европейского склада. Все это победила Россия неевропейская... Проиграли все. Рванув из войны в революцию, страна, по существу, проиграла будущее, закрыла для себя те возможности и перспективы, которыми располагала и которые обещала довоенная и дореволюционная Россия»¹.

Каким образом сумела овладеть разлагавшимся национальным организмом и обратить плоды его разложения в собственный политический капитал маргинальная до того большевистская партия — отдельная тема. Здесь достаточно напомнить суждение А. Солженицына: Россия проиграла XX век. Метафора яркая. Но, как всякий образ, она уводит от очень важных результатов развития, с которыми страна пришла к концу XX века. От общего кризиса не капитализма, а советской системы, именуемой социалистической. От созревавших предпосылок ее эволюционного изменения. От возможного исторического разворота, противоположного по смыслу, но по масштабу и значению сопоставимого с тем, что принес 1917 г.

Вторая попытка России стать, по выражению Ю. Пивоварова, «вполне нормальной страной», была предпринята

¹ Глебова И. Время выбора // Независимая газета. 2017. 2 нояб.

в годы перестройки и постперестройки (1985—1993) — по мировому историческому календарю в совершенно иное время. Это, конечно, была во многом другая, чем в начале века, страна — индустриальная, городская, образованная, создавшая научные центры мирового класса, вырастившая несколько поколений интеллигенции (отвлечемся здесь от различий между интеллигентами и образованцами), накопившая социальный и интеллектуальный капитал.

Почему и эта попытка не удалась? В общем и целом в постсталинский период советский режим разлагался — это затрагивало все сферы экономической и социальной жизни. Власть оказалась неспособной решать поставленные ею самой задачи: ни выиграть соревнование двух мировых систем, ни удовлетворить ожидания населения. Проблемы выживания время от времени обострялись, но с ними научились справляться. Подтверждался исторический опыт: с нерешенными проблемами народы могут жить очень долго. Международное положение СССР выглядело прочным. Сохранялся и контроль над империей, время от времени прираставшей. «Итоги Второй мировой войны» в интерпретации так называемой доктрины Брежнева — линия разграничения сфер влияния в Европе была признана в 1975 г. на международной конференции в Хельсинки. Компромисс на полтора десятилетия продлил господство СССР в Восточной Европе.

Политическая атмосфера в стране была существенно иной, чем в 1917 г. Общество (точнее, «общественность») было менее зрелым. Предпосылок революционного решения «кризисных явлений» не было. Не существовало оппозиционных организованных сил, разорвана была преемственность по отношению к либеральным и революционным движениям начала века. Целые пласты сохранившейся дореволюционной интеллигенции, которые могли бы передать эстафету новым поколениям, были выброшены в эмиграцию или попали под каток массового террора. Социальный активизм, посягавший на политическую стабильность, был закатан под асфальт. Влияние зарубежной общественной мысли пресекалось разветвленными спецслужбами,

спецсредствами, спецхранами. Очажки диссидентского движения были изолированы и ощущали себя в пустоте. Свободная и полусвободная мысль тщательно отлавливалась натасканными на «крамолу» стражниками, а тех, кто позволял себе этакую роскошь, так или иначе карали.

Маразматическое состояние государства, еще сохранявшего немалую силу и лишь постепенно впадавшего в немощь, Юрий Левада и я назвали постепенным *погружением в трясину*¹. Это могло продолжаться еще некороткий ряд лет — условий для социального взрыва не было. Измерить глубину сдвигов в общественных настроениях, оценить время и характер возможных (или невозможных) перемен в жизни советской страны было трудно. Андрей Амальрик, предсказавший, что крах СССР наступит в 1984 г., скорее угадал, нежели вычислил приближение грозных событий. И все же власть, увлеченная преследованиями самиздатчиков и притеснением отъезжантов, переоценила устойчивость ситуации. В прорвавшемся на экран фильме шлягер «Хочу перемен!» стал популярным. Каких перемен? Повторявшие этот рефрен люди едва ли могли понять и объяснить смысл своих ожиданий. Но власть недооценила и тектонические подвижки в глубинах общества, и ожидание перемен в своей собственной среде. В ней, рекрутированной из массовой «социальной общности — советского народа», тоже постепенно размывалось единообразие представлений и устремлений.

Все это важно помнить, если мы хотим представить, что может (или не может) произойти в нашей стране в третий раз.

Уроки перестройки

«Есть у Революции начало, нет у Революции конца!» — гремело в переполненных залах. Перестройка началась 11 марта 1985 г. избранием Михаила Горбачева на главный

¹ См.: Левада Ю., Шейнис В. Погружение в трясину // Московские новости. 1988. 13 нояб.

партийно-государственный пост. Первая развилка на предстоящем пути была пройдена. Но в тот момент ни сам избранник, ни высшие иерархи, отдавшие ему голоса, этого не знали. В выборе, который пал на Горбачева, причудливо переплелись разные мотивы. Вполне объективные потребности коррекции курса, это учитывали политики, которые готовили и отстаивали принятое ими кадровое решение. Иллюзорные ожидания тех, кому вскоре пришлось пожалеть о своем выборе. И обстоятельства, во многом случайные, в частности состав лиц, дошедших до «скамейки запасных». Но принятое решение повлекло за собой последствия, подводившие мины под курс, выработка и реализация которого начинались с шагов, сделанных чуть ли не вслепую. Так было. Чего-то подобного, скорее всего, не избежать в переломные годы и впредь.

Горбачев, как известно, утверждал, что перестройка — революция. Не будем вступать здесь в дискуссию, само понятие революции в современном мире требует переосмысления. Юрий Левада, принявший активное участие в обсуждении содержания и смысла наступивших перемен, заметил: «...революции — не столько “локомотивы”, сколько *катаклизмы* истории». Не менее справедливы его соображения о том, *чего не было* (или, уточню, присутствовало в неполном, неполноценном или искаженном виде) в перестройке. И дефицит чего от начала и до конца сковывал и определял процесс преобразований. Это следует учитывать будущим реформаторам.

Итак, во-первых, не было в этом конфликтном процессе ни «организованности», ни «мотора», ни «зажигания», не говоря уж о каких бы то ни было «планах-программах». Во-вторых, отсутствовали факторы новой («перестроечной»), массовой мобилизации, без чего не обходятся революции. И, в-третьих, недоставало еще одного важного звена мобилизации — лидерства¹. Последуем за Левадой. Определило

¹ Статья Ю. Левады «2988–1998: десятилетка вынужденных поворотов» была впервые опубликована в № 1 вциомовского «Мониторинга...» за

ли общий итог перестройки отсутствие (или недостаточность) этих составляющих в мощном потоке, который смел коммунистический режим, продержавшийся в России почти три четверти века? Ведь она, перестройка, по широко распространенному мнению, завершилась неуспехом (или, скажем мягче, не решила поставленных в ее ходе задач). Почему не получилось тогда, почему безрезультатны оказались и предшествовавшие осторожные попытки реформировать советский социализм?¹

Видение реальных проблем, вставших перед реформаторами на следующий день после того, как они получили не просто высокие посты, а власть, максимально возможную при существовавшей системе, было пронзительным, но неполным. Примечателен разговор между Горбачевым и Шеварднадзе в 1979 г. Избранные в состав высшего партийного синклита — политбюро, два будущих реформатора еще присматриваются друг к другу. И вдруг соглашаются: «Все прогнило сверху донизу!» Они еще не оценивают «ситуацию как кризис системы»² и не знают, что и как следует делать, где те силы, на которые можно опереться. Имеющийся опыт подсказывает — партия. Представление о КПСС как о главном инструменте перемен сохранится надолго. Как и убеждение в том, что на каждый следующий шаг в продвижении по пути перестройки требуется санкция высших партийных структур — политбюро, ЦК, съезда. «Иначе вас сметут», — доверительно говорит Горбачеву член политбюро Вадим Медведев, примкнувший к его команде³. И Горбачев долго верит в свою способность и реформировать партию, и сохранить над нею контроль.

1999 г. См.: Левада Ю. От мнений к пониманию : Социологические очерки : 1993–2000. М. : Школа политических исследований, 2000. С. 161–165.

¹ «Почему тогда не получилось?» — так называлась наша с Ю. Левадой статья о хрущевском времени. См.: Московские новости. 1988. № 18.

² Горбачев М. Наедине с собой. М. : Грин Стрит, 2012. С. 277; Он же. Жизнь и реформы. М. : Новости, 1995. Кн.1. С. 208.

³ Запись интервью с В. Медведевым 28 июня 2004 г. (архив автора).

Партию начали менять, и это как будто удавалось. Коэффициент обновления высших органов КПСС от XXVI к XXVII съезду (1981—1986 гг.) достиг 45,9%, коэффициент выбытия — 44,4%¹. Это почти вдвое больше, чем в предшествующий межсъездовский цикл. Процесс ускорялся. В 1986—1989 гг. составы правительства и руководства партийных комитетов сменились более чем на 60%. На каждом заседании политбюро и секретариата происходили десятки «снятий». Вершина аппаратных маневров Горбачева — приуроченный к очередному пленуму ЦК в 1989 г. «добровольный» коллективный уход из ЦК «на заслуженный отдых» 74 его членов (из 301) и 24 кандидатов (из 157). Но подобранных по прежним критериям и при другом политическом климате функционеров просто пересаживали из нижних рядов на ступеньку-две вверх. И большинство «новопришельцев», по свидетельству Анатолия Черняева, не влились в актив перестройки. Многие из них стали яростными противниками Горбачева².

Ближайшие соратники подсказывали генеральному секретарю, что следует делать с партией. Александр Яковлев, привлеченный к работе в ЦК уже в декабре 1985 г., подал Горбачеву записку, в которой развивал прорывной на фоне господствовавшей тогда еще иной аксиоматики план. Проект предусматривал разделение КПСС на две партии, близкие идеологически и по уставной структуре — демократическую и социалистическую. Возглавить такую двугорбую партию должен был общий председатель — президент страны, избираемый на всенародных выборах.

¹ Коэффициент обновления — число новых членов, отнесенных к численности новоизбранных органов. Коэффициент выбытия — число выбывших членов, отнесенное к прежней численности прежде избранных органов. Подсчитано по стенографическим отчетам XXV—XXVII съездов.

² См.: Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): 1917—1991: Историко-биографический справочник. М.: Парад, 2005. С. 84—85; Правда. 1989. 26 апр.; 7 мая; Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. М.: Прогресс, 1993. С. 63.

Партиям, однако, надлежало конкурировать меж собой на выборах. По их итогам формировалось бы правительство. Так довольно-таки искусственная щель открывалась бы для политической конкуренции. Горбачев отнесся к этой экзотической схеме заинтересованно, но счел идею преждевременной!¹

Прошло шесть лет. Страна изменилась. Существование партии как единомышленной и дисциплинированной организации кануло в прошлое. Актив, разошедшийся по противостоящим друг другу, нередко враждебным течениям, малодеспособен. Устав, предписывающий порядок партийного поведения, номинален. Программа, объединяющая 18-миллионную громаду, фиктивна. Георгий Шахназаров донимает Горбачева посланиями, в которых настойчиво повторяет: надо признать реальность, пойти на разъединение партии, встать во главе отъединившейся партии демократического социализма, внятно заявить конкретные цели. Тогда удастся вернуть доверие общества. В прежнем виде у нее нет шансов сохраниться у власти, и достанется она консерваторам. Я глубоко убежден, пишет Шахназаров, что откладывать предлагаемые меры «нельзя уже ни на один день»².

В 1991 г. Горбачев говорит посещающим его иностранным делегациям: в ближайшее время будем раскалывать партию. Но решительный шаг откладывается — намерения уходят в песок. Ведь во всех схватках с партбюрократией, становящихся все более ожесточенными, — и на XIX партконференции, и на XXVIII съезде, и на пленумах ЦК, на одном из которых ему противостоит буквально «бунт на коленях», — Горбачев как будто выходит победителем. А страна уже подошла к путчу, в дни которого партия не сумела организовать даже для самосохранения и — рассыпалась. Ведь авторитарный режим, пестуя партию для собственных нужд, собирал человеческий материал, в массе своей неспособный

¹ См.: Яковлев А. Омут памяти. М. : Вагриус, 2000. С. 242–250.

² См.: Шахназаров Г. Цена свободы : Реформация Горбачева глазами его помощника. М. : Зевс, 1993. С. 445–450, 526–528, 539–540.

проявить самостоятельность в кризисной ситуации. В час испытания про- и привластная партия менее функциональна, чем хор в древнегреческом театре. Таков первый исторический урок перестройки, вполне согласующийся с международным опытом. Так, видимо, случится и в будущем с ее аналогами.

Итак, всеохватные структуры единственной в стране партии сначала обнаружили свою недостаточность, а затем и непригодность для проведения намеченных преобразований. Для того понадобилась другая опора, которая сначала могла бы дополнить, а затем и заместить аппарат партии. Собственно, идея «подключить народ» к перестройке была заявлена Горбачевым с первых шагов. Ответ на вопрос, каким образом можно мобилизовать и направить общественную активность, был на поверхности. Вспомнили о Советах, российском изобретении, сыгравшем заметную роль в первых революциях. Их сохранили впоследствии как декорацию, отличную от парламентско-муниципальной системы власти и сбереженную для возможной надобности в будущем. Органы под таким названием существовали повсеместно. Но чтобы теперь приспособить их к делу, надо было решить вопрос о способе их формирования и разграничении функций с партийными инстанциями, где, как приучили население, решались без всякого разделения властей с подачи верхов маловажные вопросы.

Чтобы употребить Советы в интересах перестройки, надо было решить две задачи. Во-первых, восстановить хоть в каком-то приближении реальные, то есть свободные и самостоятельные, выборы. А во-вторых — вступить в игру с нулевой суммой: изъять какие-то функции у партийных органов и передать их Советам. Хотя задача демократизации в «самой демократической стране в мире» в официальных документах была поставлена уже в 1985 г., дело продвигалось медленно и коряво. Вообразили, например, что демократические выборы для начала надо опробовать на руководителях нижнего звена на предприятиях. Хотя еще Энгельс писал, что производство требует авторитарного управления. Только

в 1987 г. в порядке эксперимента в некоторых местных Советах, чей срок полномочий подошел к концу, «блоку коммунистов и беспартийных» предписали провести «настоящие» выборы. А чтобы очертить функции обновленных Советов, требовалось в масштабе страны провести политическую реформу, которая не могла не ущемить интересов реально командовавшей в стране бюрократии. К ней шли еще более осторожно и медленно. Только на XIX партконференции в 1988 г. были утверждены общие очертания реформы, а в 1989 г. — внесены необходимые изменения в Конституцию, обновлен избирательный закон и проведены выборы в своего рода протопарламент — Съезд народных депутатов СССР. В 1990 г. (это был пятый год перестройки!) то же было повторено в республиках, областях и районах.

В принципе, это был перспективный (хотя медленный и окольный) способ выстраивания новой политической системы в масштабе страны. Выборы происходили в накаленной общественной атмосфере. Во многих городских избирательных округах развернулась острая конкуренция между кандидатами. Были забаллотированы многие видные партийные иерархи. Работа Первого съезда народных депутатов СССР стала событием, которое привлекло внимание, невиданное в стране уже много лет. Съезд, регламент работы которого создавался на ходу, занялся обсуждением острых вопросов (советско-германский пакт 1939 г., подавление демонстрации в Тбилиси в апреле 1989 г. и др.). Ряд делегатов ставили коренные вопросы дальнейшего развития страны. С проектом декрета о власти выступил Андрей Сахаров¹. Вопрос, конечно, не был решен. Не обсуждалась и идея, высказанная Алексеем Емельяновым: «Коль скоро мы идем к народовластию... то надо по-новому определить место партии в общественных структурах... Народ выше

¹ См.: Первый съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет. Т. III. М., 1989. (Далее: Первый съезд.) С. 325–328. В неурезанном виде выступление А.Д. Сахарова опубликовано в: Сахаров А. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо: Международные отношения, 1991. С. 260–266.

партии. Наш Съезд выше Съезда партии, Верховный Совет выше Центрального Комитета партии, Конституция выше Устава партии»¹. Слова Емельянова, прогремевшие с трибуны съезда и транслировавшиеся телевидением на всю страну, могли бы стать девизом для дальнейшего продвижения перестройки. Не стали.

Во-первых, как ни была к этому времени дискредитирована КПСС в лице ее официальных структур, съезд Советов не мог стать символом и организатором удаления прежней власти. При наскоро созданной системе выборов избиратели наделили мандатами много сотен управляемых депутатов (в том числе безальтернативно прошедших в округах, где не было конкуренции). Многие из них были безликими, неспособными к самостоятельному поведению, что вскоре и проявилось. К тому же была абсурдна и недееспособна порожденная аппаратной фантазией двухэтажная конструкция союзного протопарламента. Она могла стодиться для митинга, но не для работы.

Во-вторых, сколь ни ярким было освещение избирательной кампании в СМИ, в стране не сформировались организованные политические силы, которые были бы способны противопоставить довольно-таки расхлябанному курсу властей привлекательную и реальную альтернативу. На съезде был сделан к этому только робкий, не получивший последовательного продолжения шаг. Наиболее заметным достижением в политическом самоопределении съезда было создание демократически ориентированной Межрегиональной депутатской группы. Поверх региональной структуры съезда, которая способствовала его управляемости, группа была создана на основе политических притяжений участников. Ее ораторы, представленные телевидением стране, становились героями дня. Но их яркие речи, дельные предложения не могли восполнить отсутствия кропотливой, систематической работы по созданию законодательной базы для современной политической системы. Да и слишком разнородным

¹ Первый съезд. С. 83–84.

идеологически и политически, как вскоре выяснилось, был состав группы, чтобы собрать ее на продолжительное время под общим знаменем.

В-третьих, и это главное, когда лозунг «Вся власть Советам!» прозвучал с трибуны съезда, он воспламенил страну. В какой-то момент он мог послужить мобилизации сил, стремившихся заместить власть, унаследованную от прошлого, органами, прошедшими всенародные выборы. Но в теоретической модели советской власти содержался исключительно опасный принцип — концентрации власти в одном месте, отказ от разделения и относительной независимости властей друг от друга. Этот принцип не был развенчан и в представлениях прогрессистов. Зло видели в том, в чьих руках «вся власть», но не задумывались над тем, что демократическое общественное устройство не может быть основано на концентрации власти где бы то ни было и у кого бы то ни было.

Воскрешая в сознании людей идеализированный образ далекого прошлого, требование передачи всей власти Советам влекло за собой двоякие последствия. С одной стороны, этот образ мог выполнять роль политико-идеологического тарана, сокрушавшего партийную власть. В то же время, порождая иллюзии, он притуплял антипарламентское острие советской системы. Ибо под покровом всевластия Советов представительные органы теряют самостоятельность. Целеустремленные группы властолюбцев, действующие якобы от имени всевластных Советов, превращают последние в прикрытие своего господства. Их можно развернуть в любую сторону. Это вскоре подтвердил и союзный, и пришедший ему на смену российский съезд. Первый сразу после путча капитулировал под натиском президентов прежних республик СССР и бесславно сошел со сцены. Второй, сыграв вначале позитивную роль в продвижении перестроечных преобразований и сокрушении путча, в целом выполнил неоднозначную и противоречивую роль. Под конец он стал политическим постаментом для политиков, сформировавших на нем необходимое им большинство, вытеснивших и изолировавших своих противников. Таким был второй урок перестройки.

Противоречиво, с колес решалась в годы перестройки и следовавший за ней период проблема лидерства. У многих наших соотечественников, переживших и в большей или меньшей степени творивших перестройку, сохранилась благодарная память о роли Михаила Горбачева, развернувшего колесо управления советским государством. Но уже довольно давно в России к перестройке и ее инициатору преобладает критическое отношение. И это неудивительно. Открыть полосу реформации коммунистического строя в России не мог никто другой. «У власти в не вполне нормальной стране оказался человек с нормальными нравственными рефлексами и чувством здравого смысла», — написал один из помощников Горбачева¹. Естественно было бы ожидать, что он станет лидером перестройки. Этого, однако, не произошло.

Горбачев многое пересмотрел и понял. Он менялся вместе с переменами в стране. Но он не сумел совладать с силами, для выхода которых в политику сам открыл двери. Раздраженный демонстрациями нетерпеливых сторонников и испытывавший давление номенклатурных кадров, он продолжал добиваться широкой консолидации «направо» и «налево», которая в разбухенной стране была невозможна. И совершил, на мой взгляд, стратегическую ошибку: проводя реорганизацию государства в верном направлении (переводя страну от квазисоветской к президентской системе), опаздывал. И дистанцировался от сил, которые в складывавшихся условиях могли стать главной опорой курса перемен. Он переоценил свои возможности как лидера, способного объединить и примирить если не всех, то многих. И тем самым упустил свой и страны шанс (подчеркну: не больше, но и не меньше, чем шанс!) стать лидером коалиции демократов (за исключением, вероятно, крайних радикалов), умеренных реформаторов и тех политиков, которые еще не разбежались по объединениям, быстро формировавшимся в обстановке свобод. Вероятно, такая коалиция не была бы прочной и долговечной. Но она

¹ Грачев А. Горбачев. М. : Вагриус, 2001. С. 443.

могла бы в критический момент внести свой вклад в дальнейшее развитие событий.

В политике, как и в шахматах, действует правило: ключевой ход должен быть сделан вовремя. 1990 г. — год республиканских выборов — был переломным. Экономическую реформу нельзя стало откладывать дальше, возлагая надежды на экзотические планы вроде «радикально-умеренного», предложенного группой Леонида Абалкина. В порядок дня встал и вопрос о федеративном (или конфедеративном) устройстве союзного государства. Тем и другим, как и множеством других накопившихся в конфликтах проблем, предстояло заняться новоизбранным властям в республиках.

После выборов российские вопросы: итоги выборов, избрание председателя на Первом съезде, принятая на нем Декларация о суверенитете республики, подготовка новой Конституции — все, что было связано с оформлением российской государственности, которая была до того лишь тенью союзной, в политической жизни России становилось фактором первостепенного значения. В том, чтобы сохранить СССР, Горбачев видел свою миссию. Но сделать это было *невозможно*, не пересматривая главного посыла перестройки. *И не надо было пытаться делать*, потому что это возложило бы на Россию неподъемный груз поддержки феодально-байских режимов, сбросивших коммунистические одеяния и возвращавшихся к своему естеству во многих республиках. Справляться с проблемами государственного устройства в привычном порядке, когда все принципиальные повороты предreshались в центре, а затем принятые решения воспроизводились в республиках, становилось сначала затруднительно, а затем и невозможно. Поэтому пробуксовывало продвижение к Конституции СССР. Поэтому новые республиканские органы власти, как это было в России, все более энергично заявляли и отстаивали свою суверенную роль. Или, как в большинстве других республик, занимали выжидательную, уклончивую позицию.

Уже поэтому лидерство в процессе преобразований могло быть сохранено либо совмещением союзного и российского

государственных центров, либо выходом России из СССР. Кроме того, сторонники более энергичного и скорого проведения перестроечного курса были сильнее в обновлявшихся российских политических структурах, нежели в союзных. За разгоравшимся личностным конфликтом Горбачева и Ельцина стоял более принципиальный выбор: станут ли важнейшие решения принимать власти Союза или России. Продвинуть перестройку в усложнявшейся с каждым днем ситуации теоретически мог блок «Горбачев + Ельцин» («реформаторы + демократы»). Попытки соорудить нечто подобное предпринимались. Но дальше поверхностного зондажа они не зашли. По мере того как главенствующая роль переходила к российскому фактору, не говоря о других немаловажных обстоятельствах, политическое первенство, если оно какое-то время и было в руках Горбачева и его сподвижников, стало перемещаться в Россию. Тем самым решающая роль в развитии перестройки переходила к политическому центру, который формировался в России, и выбор здесь политического лидера выходил на первый план. Это не было своевременно осознано ни Горбачевым, ни его противниками.

Еще в конце 1980-х годов Борис Ельцин стал лидером «левой» политической оппозиции в СССР. Развилка, на которой он и его сторонники, чья численность и влияние быстро росли, должны были сделать выбор, вырисовывалась так: овладение союзным центром и его перекомпоновка или выход России из СССР. Решение было ускорено путчем и его последствиями. Почему именно Ельцин выдвинулся на роль первого лица в новой России, каким лидером он стал, как долго продолжал им быть и что из этого получилось — важные вопросы, к которым мы вернемся чуть дальше. Сейчас же важно отметить *еще один урок перестройки*.

Избрание Ельцина председателем Верховного Совета, а через год — президентом РФ, сокрушение путча, формирование российских органов исполнительной власти, продвижение команды Егора Гайдара на ключевые посты, переход к радикальной экономической реформе и т.д. — все это по горячим следам расценивались многими участниками

событий как более или менее уверенные шаги России к рынку и демократии. Многие российские демократы, ставившие в вину Горбачеву его колебания, в большинстве своем отхлынули к Ельцину и записали это в свой актив. Столь резкая переориентация оказалась опрометчивой, хотя и неизбежной. Смещение баланса сил в российской политике в годы перестройки и постперестройки действительно произошло.

Но, во-первых, несмотря на то что вклад демократов в происходившие события был значимым, переоценивать их роль в коалиции, складывавшейся вокруг Ельцина, не следует. Победы одерживал своеобразный политический конгломерат. Важная (и возрастающая со временем) роль принадлежала новой бюрократии, которую поставляла номенклатура второго и заднего рядов власти. За ней шла размножавшаяся в кутерье экономических реформ новая буржуазия. И наконец, в этот конгломерат потянулись разночинцы свежего помола, призванные в ряды власти потоком перемен. Уже на Первом съезде Ельцин проявил способность к маневру, добирая недостающие ему для избрания голоса среди депутатов, представлявших эти разноперые слои.

Во-вторых, в годы перестройки начали складываться специфические отношения между лидером и его социально-политической базой. «Это была демократия особого типа, суть которой состояла не в осуществлении перемен демократическими методами, а в выдаче избирателями права на ожидаемые преобразования одному человеку, Лидеру. И в регулярном подтверждении на очередных выборах этого права Лидера на полную самостоятельность», — написал Гавриил Попов, в то время идеолог демократов. Так вызревал *режим личной власти*. Президент выбирался не высшей номенклатурой, а на альтернативной основе всеобщим тайным голосованием. Поэтому, избранный всеми гражданами, он *«ни от бюрократии и даже ни от высшей номенклатуры... не зависел»*¹. Попов, описывая модель «вождь — народ» в оли-

¹ Попов Г. Реформы Бориса Ельцина. М. : Международный университет в Москве, 2012. С. 605–607.

гархическом государстве, на мой взгляд, несколько забегал вперед: в 1990-х годах модель эта только брала разбег. Кроме того, согласиться с ним в том, что речь идет о демократии особого типа, трудно. Это разновидность авторитаризма, в котором всенародные выборы уже приспособлены «под Лидера». А выборы 1993 и 1996 гг. были еще альтернативными, и к современному законченному виду, когда соперничество группировок, принимающих решение, будет совсем скрыто под ковром, дело придет уже не при Ельцине.

Фигура Бориса Ельцина была неоднозначной. Его мотивы, устремления и политическая роль на разных стадиях противостояния различались. ореол вождя демократов, который ему приписывали, далеко не окрашивал всю его политическую биографию и даже не был в ней главным. Так или иначе, бесспорный лидер демократических преобразований в 1990-е годы в России не выдвинулся. В эпоху Ельцина борьба еще шла за разные пути развития. Генеральный вектор определялся, лишь когда страна сделала выбор на нескольких развилках. То, что в итоге утвердился авторитарный режим в жесткой форме, не было предопределено и не было очевидно в начале пути. Но такая возможность уже тогда не была исключена хотя бы теоретически. В этой связи примечательно интервью двух известных политологов, Игоря Клямкина и Андраника Миграняна, опубликованное в 1989 г. в популярной газете¹. Пути этих ученых впоследствии далеко разошлись, но тогда их оценки во многом совпали.

По контрасту с преобладавшими тогда представлениями, что переход к демократии утвердился как магистральное направление избранного Россией пути, оба эксперта сошлись в том, что адекватного представления о сути демократии и путях перехода к ней у массы людей нет. И что как ни хорош лозунг «Вся власть Советам!», звучавший на

¹ См.: Клямкин И., Мигранян А. Нужна железная рука? // Литературная газета. 1989. 16 авг. Текст этого интервью см. также на странице А. Илларионова в «Живом Журнале»: <https://aillarionov.livejournal.com/1075735.html>.

Первом съезде народных депутатов, съезд сейчас не может взять всю власть, потому что гражданского общества еще в стране нет. Поэтому переход к демократии лежит через авторитаризм. Авторы разошлись в том, могут ли экономические и политические реформы проводиться синхронно. Но полоса авторитарного правления, настаивали они, объективно неизбежна. Поэтому действительное — разумно. В стране уже образуется реформаторское ядро, говорил Клямкин, но реформатору, чтобы корректировать и направлять этот процесс, не дать растянуть его аппаратными манипуляциями на годы, требуется дополнительная порция власти. Единственная возможность — получить ее от народа, а для этого нужен съезд. Интервью возбудило ревнителей демократии. Однако оно не стало поводом для широкой дискуссии об авторитаризме как механизме — за неимением других средств — поддержания порядка и (возможно) переходной модели к демократии.

В интервью за фигурой автократа-реформатора отчетливо просматривался Горбачев. Однако путь к устойчивому (и часто поверхностно модернизирующему страну) авторитаризму слишком часто перекрывали жестокие и далекие от общественных побуждений ретрограды. Вопрос: откуда на перепутья революции и контрреволюции, как выразился классик, «приходят Кавеньяки» и что с этим делать — ставился не раз. К заключению, что главная разделительная линия между политическими системами современного мира проходит не между демократическими и авторитарными режимами, Григорий Явлинский придет позднее. По его мнению, ни один из признаков демократии не является универсальным, поскольку само понятие демократии поддается чрезмерно широкой интерпретации, да и авторитаризмы сильно отличаются друг от друга. Поэтому главным он назвал разделение существующих в мире режимов на конкурентные (состязательные) и авторитарные (при которых власть не является предметом легальной конкурентной борьбы).

Современная история показывает несколько вариантов преодоления этой разделительной черты, как и примеры

«авторитаризмов ради прогресса». О причинах появления таких моделей, их потенциях и перспективах можно дискутировать. Но в чем Явлинский прав, так это в том, что в итоге глубоко противоречивого развития в 1980—90-х годах Россия попыталась разделительную черту преодолеть, но сделать этого не смогла¹. *Опасность восстановления авторитарного режима вслед за выходом из обветшавшего (советского) авторитаризма — еще один урок пройденного пути.*

Перестройка-2 — перспектива или фантазия?

«В российской конструкции власти, — писала Лилия Шевцова, — заложен мощный структурный источник неразрешимого противоречия — между демократическим и авторитарным началами»². К этому следует добавить третий компонент — анархию, своеволие мощных политических и экономических кланов, сцементированных локальными и групповыми интересами. Такая конструкция была неустойчивой и потому недолговечной. Но переходный период, который продолжался до конца 1990-х годов, не следует недооценивать. За ним несправедливо устоялось название «лихие годы». Курс реформ наталкивался на возрастающее сопротивление. Были противоречия, откаты, деформации. На большинство населения обрушивались неожиданные испытания, приходилось, как то назвал Р. Дарендорф, брести долиной слез, и пережила это не только Россия. Но были и важные достижения. Сохранялась возможность перехода развития в другую стадию.

Перелом в России произошел на рубеже веков. Вначале казалось, что продолжается перетягивание каната и сохраняется прежний вектор развития. В наступившем времени действительно сохранялись некоторые черты переходного

¹ См.: Явлинский Г. Периферийный авторитаризм: как и куда пришла Россия. М.: Медиум, 2015. С. 29–45, 59–72, 73–86.

² Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. С. 511.

периода. То, что под историческим циклом, начало которому положила перестройка Горбачева и продолжила эпоха Ельцина, подводится черта, стало очевидно не сразу. Самым явным знаком изменений был приход к руководству страной новой команды, в рядах которой замелькали выходцы из структур госбезопасности.

Обновленный курс вводился осторожно. Намечался качественный сдвиг в политике, но он не декларировался и был пока не всем заметен. Возможно, и не вполне осмыслен новым президентом и людьми, которые пришли с ним в кремлевские кабинеты. Не исключено, что их первоначальные действия представляли собой почти инстинктивную реакцию на раздражители. Раздражала свобода СМИ, и первые удары пришлось по телевидению. Публика поверила объяснениям, что это всего лишь «спор хозяйствующих субъектов». Подняли знамя победы в приспущенной было на тормозах при Ельцине чеченской войне. Но, ускоряясь, пробные шаги приобретали системный характер. Противники главных прогрессивных преобразований переходили во фронтальное наступление по всему фронту: в экономике, политике, праве, культуре, идеологии, отношениях с внешним миром. Кое-где они наталкивались на сопротивление. В одних случаях они его ломали, в других — искали обходные пути, в некоторых, крайне редких, — уступали.

Воссоздание авторитарной политической системы было вчерне завершено к окончанию второго срока президентства Путина. Тогда был запущен то ли ранее задуманный, то ли ситуативно появившийся замысел — замещение главного в государстве поста. Оно открывало возможность продлевать реальную власть одного лица бесчисленное число раз и закреплено было увеличением срока полномочий президента в полтора раза — единственным за все годы принципиальным изменением Конституции. Правда, эта комбинация чуть не дала сбой, когда врио президента обнаружил (или сделал вид, что обнаружил) амбиции побороться за свой второй срок, опираясь на поддержку сориентировавшихся на него парагосударственных структур

(вроде Института общественного развития). Выиграть соревнование он, конечно, не смог бы — слишком неравны были силы, но мог внести интригу в политический процесс и пробросить залог на будущее. Игра не состоялась, и прежняя конструкция власти была восстановлена.

Сказалась, однако, незавершенность системы — поднялась протестная волна против совсем уж беззащитной фальсификации думских выборов 2011 г. Выяснилось, что оппозиционные силы, выведя на уличные демонстрации сотни тысяч людей, еще способны бросить вызов системе власти. Чтобы наглядно продемонстрировать протестантам, кто в доме хозяин, надо было противопоставить оппозиции массовые силы поддержки на улицах и стадионах, а главное — пустить в ход заблаговременно подготовленную репрессивно-карательную машину. Что и было сделано. Натиск на власть был отбит, ее противники оказались слабы, неустойчивы и раздроблены. Путин пошел на третий, а затем и четвертый срок. Стержень воссозданной авторитарной системы показал стране и миру свою прочность.

Бурные события последних лет и все последующие шаги власти (Крым, Донбасс, Сирия, безуспешное противостояние санкциям Запада, слабость и полнейшая импотенция парламентской оппозиции, распад либерально-демократического фронта и многое другое) показали стране и миру, что ни в официальном политическом спектре, ни на улице не осталось сил, способных потеснить власть. Произошел перелом — необратимый или как минимум труднообратимый при нынешнем состоянии власти и общества. Политическое положение как будто опять стало застойным. Нет, возражает директор «Левада-центра» Лев Гудков, «нынешний период я бы назвал даже не застойным, а реакционным»¹. Надолго? Навсегда?

Следует, по-видимому, для начала отрешиться от представления о том, что реалии сегодняшнего дня даны нам

¹ Гудков Л. Социология общественного сомнения // Независимая газета. 2017. 24 окт.

навечно, что выход из них исключен. Вспоминаются стихи Пушкина:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?¹

Переведем слова поэта в лексику современного политического дискурса: вовлечение народа в противостояние, приход к руководству действенного политика, природные катаклизмы, случайность или стечение обстоятельств?

История не повторяется. Если и когда Россия станет возвращаться на магистраль мировой истории, то это свершится в другое время, другим образом, с другими действующими лицами и, вероятно, с другой последовательностью этапов. Но для обсуждения возможного будущего у нас нет иных понятий, кроме как почерпнутых из прошлого. Когда страна подойдет к следующей исторической развилке, ей придется выбирать (или за нее будет силою объективных обстоятельств сделан выбор) один из трех главных вариантов дальнейшего развития:

- сохранение всеми имеющимися средствами существующей системы так долго, как это окажется возможным;
- переход к смене власти (по обстоятельствам выборочно и осторожно приспособивая ее к меняющимся условиям или вступив на путь более радикальных, подталкивающих одна другую реформ);
- социальный взрыв, выход развития из-под государственного контроля, насильственная смена власти и существующего режима.

Возможна и смена вариантов, переход одного в другой по мере развития событий.

В первом варианте существующее положение всерьез и, возможно, надолго. В этом случае развитие будет более

¹ Пушкин А.С. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1954. Т. 3. С. 231.

или менее напоминать то, что происходило в СССР после 1953 г. Общество, в котором все-таки будут расти запросы и ожидания перемен, будет предъявлять власти более или менее настойчивые требования. Власть станет отделяться ничего существенно не меняющими паллиативными реформами. Советский режим на таком пути, как известно, продержался более 30 лет. Открытый вопрос: располагает ли нынешняя власть сопоставимым запасом прочности на такой срок? Ведь мир стал более динамичным. Оставаясь на избранном пути, Россия отодвигается на все более дальнюю его периферию, не располагая никакими более внушительными ресурсами для самосохранения по сравнению с тем, какой имели большевики (разве что за исключением военного потенциала, который невозможно теперь использовать по прямому назначению). Возможно ли столь длительное существование нелиберального режима?

Более вероятным представляется второй вариант, который условно можно назвать перестройкой-2, поэтому остановимся на нем более подробно. Главные вопросы: кто может стать инициатором благих перемен, как они могут происходить и когда начаться?

Наиболее подходит в качестве инициатора и организатора мирного перехода, который здесь назван перестройкой-2, лицо или институт, возглавляющий систему. Для этого нужна смена лидера, что сегодня не слишком вероятно. Теоретически перестройку может возглавить также деятель из окол властной интеллигентской группы, обладающий информацией о состоянии дел в стране. Такие люди в коридорах власти есть. Но большинство из них скептически относится к возможности осуществить разворот и не имеет ресурса, который обеспечил бы продвижение на властные позиции в нынешней системе.

Не приходится возлагать надежды и на верхушку бизнеса — времена «семибанкирщины», которая в 1996 г. определяла, кто станет президентом, прошли. Во власти-собственности предприниматели занимают подчиненную роль, теперь они предельно осторожны и не готовы рисковать своим

положением и собственностью. В недавнее время вспыхнули были надежды на реформаторскую активность среднего класса. Они так же быстро угасли. Численность аналога той социальной страты, которую к среднему классу относят на Западе, у нас невелика. Доля людей, владеющих более или менее независимым источником дохода, составляет 5–7%. Этого, может быть, было бы достаточно для первоначального шага. Но наш средний класс не консолидирован, помнит время, когда он подвергался поркам, и имеет резервные варианты поведения — внешнюю и внутреннюю эмиграцию.

Итак, в элитарных слоях, составляющих меньшинство народа, до сих пор не просматривались влиятельные фигуры и внушительные социальные группы, способные инициировать и возглавить движение за перемены. Чтобы вывести более широкие социальные страты из инерционного состояния, поднять уровень давления не только на власть, но и на привилегированный класс, требуется, чтобы заинтересованное в возвращении к реформам меньшинство достигло некой критической массы. И чтобы к прикосновенным к власти группам пришло понимание, что страна идет в тупик и что опасность сохранения status quo во всяком случае не меньше, чем риск поддержать неизведанные перемены. Но это условие недостаточное.

В России распространилось принятое за аксиому утверждение: страна издержала в прошлом свой лимит революций. Это неверно — никакого лимита революций, как и стихийных бедствий в природе, никто не устанавливал. Революции случаются тогда, когда правящий класс необъяснимо долго и упрямо противится эволюции, назревшим переменам. Революции, да и серьезные реформы, начинаются, когда ожидание перемен (как то было в 1917-м и в 1980-х годах) и вера в их осуществимость проникают и на более глубокие этажи социума.

Периодически вспыхивают надежды на новые поколения, не обремененные собственным опытом схваток с властями и поражений в них. Такие ожидания не совсем беспочвенны — это показали последние массовые акции,

среди участников которых увеличилась доля молодых людей. Но качественный перелом зависит не просто от изменения возрастной структуры общества, а от перемен в его культурном строе, от роста социальных слоев, усвоивших гражданскую, а не подданническую культуру.

Просматриваются ли сейчас в нем не постепенные культурные сдвиги, а возможность качественного сдвига? В настоящее время авторитарный синдром в России (питательной средой которого является подданническая культура), согласно исследованиям «Левада-центра», охватывает около 80% населения. Эти люди не испытывают дискомфорта от жизни в условиях авторитарного режима. Доля представителей либеральной (гражданской) культуры, которые не считают авторитарный порядок нормальным, едва достигает 5%. Система ценностей остальных 15% неустойчива и противоречива. Удельный вес подданнического типа культуры имеет тенденцию к медленному сокращению. Но для его постепенного вытеснения потребуются значительные усилия в течение активной жизни двух-трех поколений, то есть примерно 40–60 лет¹. Оптимистов и пессимистов в спорах как раз и разделяет то, какое время они отводят на сохранение нынешнего политического устройства. Спор этот имеет давнюю историю. «Лет чрез двести? Черта в стуле! Разве я Мафусаил?» — восклицал сто с лишним лет тому назад Саша Черный.

Верно, что культурные циклы в развитии народов длиннее (и основательнее) политических. Но автоматической связи между ними не существует. Политическое развитие в большей мере испытывает влияние неожиданных, подчас случайных обстоятельств, подвержено колебаниям, переходит из одного состояния в другое. Культурные народы, известно из истории, не раз впадали в дикарское состояние. В России сейчас правящую верхушку подвела легкость, с которой она подкупила и разгромила оппозицию, обеспечила

¹ См., напр.: Урнов М. Миражи авторитарного синдрома // Независимая газета. 2017. 26 дек.; Борисова Ю. Найди себя в смешении времен // Там же.

себе поддержку большинства и утвердила собственную монополию на власть.

Власть уверовала, что теперь она может делать все что угодно. И допускает грубые ошибки. В их ряду особенно заметной и труднопоправимой, по-видимому, оказалась перекройка пенсионной системы, которую стали проводить в неподходящее время и ненадлежащим образом. Рейтинги первых лиц поползли вниз. Отторжение возникло и в тех слоях населения, которые до того были главной социальной базой режима. Это сказалось на сентябрьских выборах 2018 г. Чтобы привлечь население к урнам, власти допустили конкурентную ситуацию и впервые понесли потери в ряде регионов: падение явки, поражение некоторых кандидатов, на которых была сделана ставка, недобор голосов. И организаторы выборов без выбора впали в панику: что же это такое — поправимая заминка в спектакле или предвестие перемен? *Не превратятся ли вновь выборы, обращенные в фикцию, в театр боевых действий?*

Наметился ли временный и обратимый перелом в политической ситуации, покажет время. А пока что между специалистами развернулся спор о сроке и характере возможных перемен в ближайшем будущем. Многие из них полагают, что упорядоченному и предсказуемому развитию подходит конец. События теперь могут понестись вскачь, утверждает Лилия Шевцова. Россия подошла к «мертвой точке». Превратив все институты в пародию, отняв у людей все способы легального волеизъявления, власть впадала в иллюзию полного и бесконечного контроля над обществом. Но «история говорит, что общества не могут оставаться в “мертвой точке” бесконечно долго. Они либо делают прорыв, либо...» Другие участники обсуждения полагают, что активная фаза транзита России в новое состояние начнется то ли в 2020–2021, то ли в 2023–2024 гг. Предположения о том, что будет происходить дальше, расходятся. Контроль власти над обществом — иллюзия, полагает Шевцова. В первую очередь интеллектуальное сословие («внутренние силы») «позволит стране получить “второе дыхание”». Молодежь

«еще может нас приятно удивить» — и тогда заговорит улица (вариант «либо...»)¹.

Нет, возражают ее оппоненты. В процессе транзита, считает Валерий Соловей, получит дальнейшее развитие то, что мы наблюдаем сегодня. Фактически «Единая Россия» выборы в законодательные собрания регионов проиграла везде, где была конкуренция. Будет еще хуже. Договариваться власть отвыкла, она может только господствовать. А на сцену выйдут силы, с которыми власть договориться не сможет. Ключевая группа элиты сохранит положение, привилегии и активы. На смену демократии, «которая становится избыточной, ненужной и чреватой рисками», придет властвующая группа, которая превратится «в сословие — закрытое и находящееся вне действующей правовой системы», произойдет «централизация и огосударствление экономики», «будет введена государственная идеология» и т.д.²

Более экзотический вариант перехода видится Владимиру Пастухову. Произойдет «левый поворот, который давно назрел и перезрел». Финансово-промышленную олигархию лишат ее привилегий и доходов. На политическую арену выйдет «третья сила», сложившаяся на базе окол властной прослойки интеллигенции во главе с Путиным (что маловероятно) или без него. Она и осуществит «мгновенную делегитимизацию власти»³.

Рассуждения о будущем не бывают свободны от налета фантазии. В каждом из этих предсказаний он присутствует — в оценках времени перехода, в его сценариях... Не будем относиться к ним пренебрежительно — они могут

¹ Шевцова Л. Мертвая точка. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/shevtsova/2268896-echo> (дата обращения: 30.08.2018).

² См.: Соловей В. Переход к открытому классовому господству? [Электронный ресурс]. URL: <https://echo/msk.ru/blog/vsolovej/2273032-echo> (дата обращения: 06.09.2018); Он же. Особое мнение на «Эхе Москвы». [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/2281616-echo/#mmread> (дата обращения: 21.09.2018).

³ <https://echo.msk.ru/programs/year2018/2273204-echo/>

послужить дискуссии. Отметим в них наиболее важные моменты. Россия опять подходит к развилкам пути. Время, когда стране придется делать ключевой выбор, вряд ли теряется в далеком будущем. Выбор многовариантен, диапазон его велик, он влечет за собой разные и далеко идущие последствия. В столкновениях различных вариантов дальнейшего развития возможна их смена, возникновение гибридных (не окончательных) комбинаций. Вероятно появление «третьей силы» и ее воздействие на ход событий. К добру или назло народу России — не знаю.

Велика опасность, что нынешний тупиковый путь сменится движением в другой тупик, к катастрофе. О последнем следует сказать особо. Выше он был обозначен как *третий вариант дальнейшего развития России*. Обычно даже ближайшее будущее представляется современникам как несколько видоизмененное настоящее. Полагать, что экономика и политическая ситуация в стране, социально-политические разделения в ней, партийно-политические ориентации и действия социальных слоев и групп, существующих сегодня, будут примерно такими же, как сейчас, привычно. Но важно держать в памяти мысль, что это далеко не гарантировано. Перешагнуть грани устоявшихся представлений, вообразить резкие и скорые сдвиги в политике под влиянием ворвавшихся в нее непредвиденных событий трудно. Но устоявшиеся условия и распорядок жизни могут быть обрушены резким толчком, случившимся внутри страны (например, в результате крупной экологической или гуманитарной катастрофы, утраты контроля над абсурдно разросшимся военно-техническим потенциалом и т.д.) либо «поступившим» извне (скажем, вследствие событий мирового масштаба, которые угрожают катастрофическими последствиями). В дискуссиях об этом стали выкристаллизовываться разные, подчас противоречивые точки зрения.

«Оставляет ли современный российский политико-экономический порядок пространство для реформирования?» — задаются общим вопросом петербургские авторы. Ведь «речь

идет не просто о реформировании, а о революции... Без полной смены политического строя она не состоится». Выход из нынешнего тупика возможен, но только если обрушатся охраняющие его конструкции. «А они не так непрочны, как порой кажется. И уцелеет ли российское общество после их гипотетического разрушения — трудно сказать. Как целостность в нынешнем виде, скорее всего, нет...»¹.

Более категорично о катастрофической перспективе говорил в конце своего жизненного пути известный историк Михаил Гефтер на исходе XX века. «Истинная проблема сегодня не в коммунизме и не в войне, а в *неисключенности катастрофы...*». Возможная катастрофа виделась ему в *неостановленной революции*, как это уже случилось в России в 1917 г. И в реанимации образа врага, в приходе фашизма. Фашизм не примитивен, он удовлетворяет человеческие наклонности. «Сталинизм и фашизм утилизировали потребность человека во вдохновении!»²

Коллапс может случиться как следствие самых неожиданных потрясений, постигших общество. Достаточно, к примеру, нарушения по каким-то причинам нормальной работы водопровода, электролиний и т.п. в стране, которая давно живет не в деревне, а в городских многоэтажных домах (как это было в Ленинграде во время блокады — но в масштабе страны). Мы стали слишком зависимы от нормального функционирования инфраструктуры...

Итак, какой же ждет Россию завтрашний день — там, за поворотом? При «средненормальном» развитии известных процессов — длительное незavidное существование; при ужесточении нынешнего режима и нарастающем отставании в мире — разворот, демократический, левый, правый, националистический и т.д., тем более причудливый, чем менее предсказуема его политическая окраска, или взрыв

¹ Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь : Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 269, 271, 272.

² Павловский Г., Гефтер М. Неостановленная революция 1917 : Сто лет в ста фрагментах. М. : Европа, 2017. С. 170, 178–180.

и катастрофа. Небогатая информация под конец пространного текста. Но ведь за поворотом может оказаться множество неизвестных, неразличимых пока вещей.

Что делать?

Вопрос этот пробуждал и угнетал не одно поколение русской интеллигенции. В недавней публикации его вновь поставил сотрудник ИМЭМО РАН Н.В. Работяжев. Его ответ: необходима политическая воля, какую, например, проявило правительство Е. Примакова в 1998—1999 гг. Пусть так. Избрание Примакова президентом на предстоявших тогда выборах было бы, вероятно, лучшим из существовавших тогда вариантов. Справедливо и то, что можно назвать парадоксом Макса Вебера: «...и возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному»¹. Но такой политической воли у нынешнего правительства нет, и взяться ей неоткуда. Поэтому речь далее о том, что, на мой взгляд, сейчас может и должна делать российская демократическая интеллигенция. Чтобы не поддаться расслабляющему бессилию и не уйти в духовную эмиграцию.

Миссия интеллигенции — просвещение народа. Возможностей реализовать ее в национальном масштабе у интеллигенции сейчас нет. Помимо застарелых предрассудков, представления большинства наших соотечественников о стране и мире, о государственной идеологии и политике, о собственном положении формирует пропаганда, главным образом через государственное телевидение. Оно довольно эффективно исполняет предназначенную ему роль зомбирования массового сознания². Существенно изменить это

¹ См.: Независимая газета. 2017. 14 дек.

² Один пример. Согласно опросам «Левада-центра», в марте 1999 г. Россию считали великой державой 31% респондентов и не соглашались с ними 65%. К ноябрю 2017 г. эти показатели сдвинулись: 72 и 22% соответственно. В декабре 1989 г. полагали, что наша страна окружена врагами со всех сторон, 4%. в декабре 2017 г. — 23%. На те же даты корень зла

положение могла бы только реализация конституционной нормы о свободе информации и переход СМИ из рук государства под контроль общественных организаций, и то не сразу. Но информированный и сознающая свою гражданскую ответственность интеллигенция может распространять реальное знание среди тех групп населения, которые готовы к ней прислушиваться. Есть возможность их число увеличивать и убеждать, что многие укоренившиеся представления и оценки не только неверны, но и безнравственны.

Особое место среди российской интеллигенции занимают люди, по призванию, подготовке и профессиональному опыту пригодные к аналитической работе. Это везде меньшинство, но его роль и возможности исключительно значимы. Мы видели, насколько в переломные годы демократическим политикам не доставало знаний и умений. Конечно, сочинить наперед сценарии, которые впоследствии будут разыгрываться актерами на исторической сцене, невозможно. Но различные прожективные варианты развития на будущее разрабатывали инициативные группы экспертов, обладающих соответствующим опытом. Такие исследования были несистематическими и рассредоточенными. Важно же обсуждать, согласовывать и доводить до сведения активистов политического процесса планы адекватного развертывания их действий до того, как наплыв событий не оставит времени на обсуждение и перебор вариантов. Влиятельные сообщества совместимых экспертов полезно создавать и испытывать заранее, а не привлекать первых заявивших о себе людей

усматривали в наших собственных ошибках соответственно 48% и 16%. Чувство гордости за Вооруженные силы России испытывали в 2014 г. 14% респондентов. Эта группа занимала тогда одно из последних мест в перечислении. В 2017 г. гордость испытывали 37% и группа занимала третье место. Положительную роль отводили перестройке в 2017 г. 15%, отрицательную — 50%. «Запас прочности» в представлениях населения (отношение ответов «Жить можно» и «Можно терпеть» к «Наше бедственное положение терпеть уже невозможно») во второй половине 1990-х годов колебалось от 1 до 2, после 2014 г. — от 5 до 8. Число таких примеров можно легко продолжить. См.: Общественное мнение — 2017: Ежегодник. М., 2018. С. 16, 30, 193, 229; Независимая газета. 2018. 23 янв.

с улицы. Такие более или менее спаянные авторитетные сообщества, подготовленные деятелями КОСКОР в Польше, сыграли важную роль, когда пришло время «Солидарности».

Наша интеллигенция должна реализовать свою роль в политике. В России в 2000-е годы режим ужесточался. Усиливались репрессии. Демократические партии терпели поражения на выборах, вытеснялись из Думы и региональных парламентов. Политическая оппозиция дробилась, втягивалась во внутренние разборки, теряла влияние. На ее поле стало вырастать антикоррупционное движение, соперничающее с демократическими партиями и пошедшее на сомнительные контакты с националистами. Параллельно начали разворачиваться децентрализованные низовые протестные движения в защиту попранных прав различных групп населения. Но надежды на самопроизвольную политизацию этих движений не оправдались. Их активисты, сознававшие неполноту и временность своих достижений, не торопились объединяться с политиками. Во многих случаях они небезосновательно полагали, что это ограничит их возможности по побуждению власти к уступкам. Локальные протестные акции создавали напряжение в отдельных точках, кое-где добивались успехов, но это не вело к политическим сдвигам в стране. Группы интеллигенции, которые участвовали в демократическом движении, распадались и вытеснялись в маргинальное политическое пространство. Возрождение поникшего общенационального демократического движения оставалось трудной задачей. В известной мере более трудной, чем прежде.

Задачу политизации протестного движения, консолидации имеющихся и вовлечения в него новых сил в России, собственно, некому решать, кроме демократической интеллигенции. Распространилось убеждение в том, что такая активность скована и репрессиями, и недоговороспособностью групп демократического меньшинства. Что сейчас нельзя рассчитывать не только на существенный успех, но и на видимое продвижение. Но, нимало не преуменьшая трудностей и препятствий, важно подчеркнуть, что *все*

действительно главные вопросы решаются в сфере политики. Поэтому вернуть в национальную жизнь не просто публичную политику, но и политику вообще, которая сейчас замещена внутриэлитными договоренностями и техникой управления, остается задачей первостепенной важности.

До сих пор демократам надо было, опираясь на ростки гражданского общества, выстоять перед натиском репрессий и провокаций, санкционированных и направляемых из Центра. Им противостояла монолитная вертикаль власти и контролируемая ею массовка, исполняющая вспомогательные функции. Похоже, что для упрочения власти над страной власть пойдет на новое ужесточение режима, активизацию разросшегося репрессивного аппарата, некоторые перестановки лиц в аппарате управления и дальнейшее ограничение даже имитационных демократических процедур, на опасные авантюры в международной политике. Эта известная линия противостояния никуда не денется.

Но положение, по-видимому, стало меняться, а задачи демократической интеллигенции — усложняться. В политическом классе происходят противоречивые процессы. В нем стали появляться признаки политической дифференциации. Вероятно, станут увеличиваться внутриэлитные напряжения. Не исключено и переформатирование состава и расстановки сил в государственной системе, как в окол властных, так и в ныне далеких от власти кругах.

На этом можно было бы закончить разговор о политизации нашей общественной жизни, если бы под конец 2018 г., событийно небедного, не обозначились сдвиги, выпадающие из, казалось бы, уже сложившейся ситуации. Их, в частности, отразили выпорхнувшие на страницы печати две нерядовые публикации. Статья Валерия Зорькина, рассуждающего о том, что пришла пора «оживить» Конституцию и как это следует сделать. И опубликованный сразу вслед за нею доклад Комитета гражданских инициатив (КГИ) об изменениях общественных настроений в России и их возможных последствиях. По своему содержанию, модальности и времени появления оба эти выступления — материал

скорее для публициста, торопящегося отметить нерядовые явления, чем для аналитика, стремящегося за текущими событиями разглядеть контуры намечающихся процессов, скрытых пока «там, за поворотом». Но было бы неоправданным пройти мимо мелькнувших сдвигов (или их миражей?), ожидающих нас, возможно, в недалеком будущем.

В политическом классе существует неформальный уговор: в основе своей Конституция-93 хороша. Если уж ее нормы пойдут не в лад с реалиями жизни, их можно поправить частными изменениями. Лишь изредка это согласие нарушается нетерпеливыми активистами, предлагающими поскорее вымарать из Конституции наиболее ценные положения (об отказе от государственной или обязательной идеологии, о равенстве, за немногими исключениями, общественных объединений, светском государстве, приоритете международного права и международных норм и т.д.). Но их предложения, быть может и нелишние для нынешнего режима, уходят в песок.

Это согласие нарушил председатель Конституционного Суда (КС). Как он полагает, приходит пора заняться точечными конституционными изменениями, если они не посягают на «глубокий правовой смысл» Основного закона. Радикальная же конституционная реформа «недальновидна и опасна». Пусть так, но все дело в том, какие изменения, по мнению В. Зорькина, становятся актуальными. Он начинает с перечня недостатков Конституции, которые действительно ей присущи. Это «отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной ветви власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между президентом и правительством» и др. Он утверждает далее, что до «реального действенного общественного договора» предстоит пройти — и притом «в условиях весьма большой неопределенности» — немалую дистанцию. И завершает рассуждением, что «права меньшинства могут быть защищены в той мере, в какой большинство с этим согласен»¹.

¹ Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 окт.

Эти и другие соображения В. Зорькина, далеко не последнего человека в российском государстве (во многом отличные от того, что он защищал и реализовывал в решениях КС в недавнее время), можно рассматривать как приглашение к дискуссии. Я бы начал ее с ряда вопросов автору. Во-первых, разве он не видит, что поставленные им важные вопросы далеко не исчерпывают задачи преобразований? И что начинать придется не «из середины» — с Конституции, а с политической реформы? А во-вторых, можно ли утвердившийся политический порядок (вертикаль власти, сосредоточенную в одном институте и в руках одного лица, приоритет интересов государства перед правами человека и многое другое) откорректировать точечными поправками в Конституцию? Найдутся и другие вопросы, от решения которых будет зависеть наш завтрашний день. Их придется задать в другое время и в другом месте. Здесь же важно подчеркнуть следующее. Своей публикацией В. Зорькин вторгся на заповедное поле, которое официоз предпочитает обходить. Неслучайно поэтому поток комментариев сразу же был перенаправлен «не в ту степь». В их центре оказался вопрос, всего более занимающий наш правящий класс: *как вежливо поступить с Конституцией, перестраивая систему государственной власти так, чтобы сохранить в ней самое главное? А именно: как запечатлеть в ней (скажем, в структуре Госсовета или другого «гаджета») доминирующую роль нынешнего президента (или его преемника) до 2020, 2024 или иного отдаленного года?* Зорькин сунул палку в муравейник, слаженность в котором, вероятно, не так велика, как может показаться извне.

Известно, что одна ласточка не делает весны. Но вслед за нею из гнезда вылетела другая. В апреле — мае 2018 г. три сотрудника КГИ провели, а в октябре опубликовали итоги исследования, выявившего, как они утверждают, «потенциально значимые изменения в массовом сознании, которые ведут к перелому сложившихся трендов»¹. КГИ и его шеф

¹ Дмитриев М., Белановский С., Никольская А. Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия. М., 2018.

Алексей Кудрин занимают в российской общественной системе и экспертном сообществе особое место. Кудрин не раз публично оппонировал макроэкономическому курсу и внешней политике, угрожающей экономическому развитию¹. КГИ — формально негосударственная институция, в документах которой выражались критические представления какой-то части окол властной элиты и реформаторской интеллигенции. При благоприятных условиях здесь мог бы возникнуть центр притяжения внутри политического класса. Трудно сказать, в какой мере заключения авторов доклада, неоднократно подчеркивающих сугубо предварительный характер сделанных в нем выводов, совпадают с оценками руководителя КГИ, а теперь и контрольного органа — Счетной палаты. Тем не менее выводы опубликованного доклада поразительно отличаются от устоявшегося взгляда на массовое сознание российского общества.

Во-первых, утверждают авторы доклада, перемен хотят, по данным ВЦИОМ и «Левада-центра», 80–90% респондентов. Представления о том, в каких переменах нуждается наша страна, аморфны и неустойчивы. Но они резко диссонируют с предпочтением стабильности и неготовностью к риску, которые возобладали после катаклизмов 1990-х годов и закрепились вслед за присоединением Крыма. Стал доминировать запрос на масштабные, рискованные и непроверенные изменения — лишь бы они наступили вскорости.

Во-вторых, предпочтение сильной власти, которая даст людям блага, стало уступать запросу на социальную справедливость. Причем растет число тех, кто первостепенное значение придает не столько поравнению в распределении материальных благ, сколько равенству перед законом (что характерно для среднего класса).

В-третьих, наблюдается отчуждение от власти и ориентация на общественную интеграцию и в более широких слоях населения. Растет понимание того, что выжить в одиночку невозможно. Усиливается критическое восприятие

¹ См.: Новая газета. 2018. 17 окт.

информации, поступающей из официальных СМИ. Телевизор начинает проигрывать информации, которая извлекается из индивидуального опыта, социальных сетей и личных контактов.

Что будет дальше? Власть, по-видимому, слишком далеко зашла, чтобы в нынешнем своем составе приступить к серьезным реформам сверху. Может ли изменить политическую ситуацию давление снизу? Всполохи протестных выступлений в разных местах и по разным поводам породили надежды, что давление на власть будет усиливаться. Но их роль не следует преувеличивать. По своей природе они носят локальный характер и направлены на решение ограниченных задач. Организаторы и участники протестных акций нередко рассчитывают на помощь государства. Они опасаются выводить свои требования на политический уровень и отвергают либеральную идеологию. На нее они возлагают ответственность за пережитые тяготы и ущемляющие их интересы действия государства. Все это ведет к фрагментации протестной активности и препятствует возникновению массового движения с консолидирующим набором требований. Даже пенсионная реформа вызвала почти всеобщее и стойкое отторжение, но не повлекла сопротивления. Но святу месту не быть пусту. Есть углубляющийся кризис. Намечается как будто перелом в настроениях населения. В Европе и Америке заявил о себе джинн контрэлитного негативного популизма, который в ряде стран смешал карты политической игры. Нечто подобное, утверждают авторы доклада КГИ, может произойти, хотя и с запозданием, в России.

Массы людей можно увлечь обещанием простых и привлекательных, ни к чему, кроме катастрофы, не приближающих решений — так не раз бывало и в нашей истории. *Может прорезаться альтернативная нынешней власти более или менее внушительная третья сила.* Она будет претендовать на лидерство и поведет борьбу за влияние на те слои, прежде всего молодежные, которые пока стоят вне политики и не имеют собственного опыта ни жизни при коммунистическом режиме, ни прохождения извилистого пути выхода из

него. Зато у них немало оснований для недовольства своим положением. Это продвинутые группы, которые живут и общаются меж собой в мире соцсетей. При обострении ситуации из их рядов смогут выдвинуться потенциальные лидеры новых образований, которые уже приобрели некоторую известность или заявят о себе в будущем. Из хорошо знакомых им социальных групп, а затем и более широких слоев они попытаются мобилизовать офицеров и солдат для армии левого или правого националистического разворота. И тогда наша страна для либерально-демократической интеллигенции станет не то чтобы более привлекательной, но неузнаваемой. Конечно, сейчас все эти предположения могут показаться натянутыми. Но не стоит ли допустить, что в политическую борьбу завтра или послезавтра вмешается тот, кого Пушкин назвал русским богом? Может быть, за поворотом он ждет своего часа. Сказал же один шутник в дни перестройки: в России происходит только невозможное.

МИХАИЛ КРАСНОВ

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ

Всемирно-исторический транзит от авторитарных, цезаристских, партийных режимов к демократии во второй половине XX века — переходящая концепция времени или отражение определенной реальности?

Социальные и экономические успехи демократических стран кардинально изменили отношение к демократии, и весь XX век ее география расширялась по экспоненте. По подсчетам Роберта Даля (1999), в 1900—1909 гг. существовало всего 8 демократических стран (17% всех государств), в 1940—1949 гг. — 25 (33%), а по состоянию на 1994—1997 гг. — уже 86 (45%)¹.

Но почему демократия стала притягательной для множества людей? Ведь они ценят вовсе не народный суверенитет. И не всеобщее избирательное право. И не политическую конкуренцию, позволяющую менять элиты. И даже свобода, связываемая с демократией, ценится лишь меньшинством. Демократия в массовом сознании совершенно разных обществ ассоциируется главным образом с правовой *защитой личного достоинства*, с правовой реакцией на полицейский или чиновничий произвол, с экономическим процветанием, которое достигается опять же прежде всего благодаря правовому порядку. Именно право, но право в его высоком понимании («высокое право»), обеспечивает не просто экономическое процветание, но и социальную государственность. В общем, демократия, и только в этом ее ценность, ассоциируется с верховенством права, или с правовым государством.

Именно государства с высокой степенью демократии обеспечивают высокий уровень правовых институтов и их

¹ См.: Даль Р. Смещающиеся границы демократических правлений [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/sm_gran.php (дата обращения: 10.10.2013).

эффективность. Показательно, что, если сравнить 25 государств, занимающих первые строки в Индексе Economist Intelligence Unit, с 25 верхними строками Индекса международной неправительственной организации World justice project¹, по которому измеряется степень реализации принципа верховенства права², можно увидеть, что 19 стран, относящихся к «полным демократиям», являются передовыми и в правовом отношении.

Показательно, что современные авторитарные правители формально не отказываются от некоторых институтов демократии, но уничтожают главный объект ее предназначения.

Знает ли наука история сослагательное наклонение («что было бы, если бы...»)? Если да, то как отграничить историческое исследование от мечты, фантазии, пророчества Сивиллы? Если нет, то к чему она?

Сослагательное наклонение в исторических исследованиях необходимо, ибо, во-первых, так лучше познается суть настоящего; во-вторых, можно более осмысленно планировать действия для создания лучшего будущего; в-третьих, снимается вопрос о «биологической предрасположенности» того или иного народа к определенному порядку вещей.

Россия в начале и в конце XX века: революция и диктатура. Что в сухом остатке двух попыток — повторение пройденного или неусвоенные уроки?

Ни то ни другое. У каждого из этих периодов и состояний есть свои причины. Нас завораживает некоторое

¹ См.: WJP Rule of Law Index 2016. URL: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/RoLI_Final-Digital_0.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

² Оценка проводилась по восьми критериям: 1) ограничение государственной власти; 2) порядок и безопасность; 3) регулирование правопорядка; 4) гражданское судопроизводство; 5) отсутствие коррупции; 6) открытость правительства; 7) уголовное судопроизводство; 8) фундаментальные права.

сходство «результатов», и мы начинаем искать общие для них причины. Причины же разные.

Поучителен ли опыт перестройки 1980–90-х годов? Если да, то в чем?

Он поучителен для «обеих сторон». Для властей — тем (об этом говорилось в нашей публицистике), что, глядя на Перестройку (предпочитаю писать это слово с прописной буквы, так как это самостоятельный и значимый феномен), они уверены: стоит отпустить вожжи, и режим начнет рушиться. Для тех же, кто хочет перемен, опыт Перестройки состоит в том, что первые победы и даже окончательная победа не должны вводить в эйфорию и благостность.

Существует ли возможность демократических перемен в России в обозримом будущем? Устойчив ли установленный режим?

Не знаю. Социальная жизнь не физика или химия. Здесь есть, конечно, общие закономерности, но привходящие факторы очень часто не позволяют закономерностям срабатывать. А какими будут эти факторы, знает только Бог.

Экономические и политические реформы. Перспективы «властесобственности». Актуальны ли сейчас изменения Конституции-93? Если да, то с чего и как начинать?

Эти изменения актуальны будут до тех пор, пока не исправлено распределение властных прерогатив между основными институтами власти. Но какой смысл говорить об актуальности, если властям наступление баланса невыгодно.

А начинать, если когда-нибудь придется, нужно с главного: обставить красными флажками тот институт, который по природе своей несет в себе семена авторитаризма. Нужна модель не президента-правителя, а президента-хранителя.

Что делать в сложившихся условиях демократической интеллигенции?

Во-первых, не кривить презрительно губ в отношении тех, кто не разделяет идеалов интеллигенции.

Во-вторых, стать моральным авторитетом для общества. Задавать паттерны благородства и жертвенности. Понимаю, что это самое трудное и вряд ли исполнимое, но иначе интеллигенция не станет подлинной элитой, за которой можно будет пойти обывателю.

А вообще, вопрос поставлен не очень корректно, ибо «демократическая интеллигенция» — это не организация и тем более не партия. Здесь люди в большей степени сами по себе. Поэтому такой вопрос может (должен) задать себе и ответить на него каждый человек самостоятельно.

МИХАИЛ КРАСНОВ
**КОНСТИТУЦИЯ – ЖЕРТВА
КОНСТИТУЦИИ?**

О ценностях и декларациях

Думаю, многие люди с либеральным направлением мыслей задают себе вопрос: *почему ценности, провозглашенные российской Конституцией, остались формальными декларациями?* За этим несколько академично сформулированным вопросом стоят едва ли не все жгучие вопросы современной России. Почему процветает чиновничий и полицейский произвол? Почему при провозглашенном плюрализме жестко ограничиваются свободы мысли, слова, печати, в том числе под предлогом борьбы с экстремизмом, а люди с критическим складом мышления считаются врагами государства? Почему почти все медиапространство контролируется властью? Почему не работает в конституционном режиме практически ни один публично-властный институт? Почему нет политической конкуренции и власть по большому счету остается несменяемой? Почему не работает принцип разделения властей и все мало-мальски крупные государственные решения принимаются лишь с одобрения президента? Почему так трудно заниматься предпринимательством? Почему «друзьями» России оказались главным образом авторитарные режимы? О том, почему в стране царит гнетущая морально-политическая атмосфера, говоря словами Е.Н. Трубецкого — «атмосфера ноющей бессмыслицы»¹, я уже не спрашиваю.

¹ Стоит привести полную цитату из этого прекрасного мыслителя: «В болезнях и муках совершался процесс нашего духовного рождения, и наблюдателю со стороны нелегко было решить вопрос, что это такое: болезнь роста или недуг смертельный, процесс разложения общественного организма. До 1903 года над Россией носилась *атмосфера ноющей бессмыслицы* (курсив в оригинале. — М. К.), та самая, которая нашла себе

Это, разумеется, не все «почему». К тому же некоторые из них частично отвечают на другие «почему»... Но я не собирался представлять исчерпывающий и логически выверенный перечень всего того, что не соответствует конституционному духу. Сейчас более важен другой вопрос: *почему все это стало возможно после, казалось бы, очистительной бури, пронесшейся над Россией?*

Однозначного ответа дать невозможно. Социальные процессы всегда имеют множество причин. И, надо сказать, никто никогда точно и исчерпывающе назвать их не в состоянии. В социальных науках вообще плоховато с пониманием причинно-следственных связей. Не от недостатка интеллекта исследователей, а от неимоверной сложности, запутанности факторов, влияющих на последующее развитие. Может быть, поэтому людям свойственно считать, что история не повторяется; что поскольку в разные периоды ее творят разные люди, постольку и получается разный результат; что нельзя сравнивать условия прошлого и настоящего и т.д. и т.п. Во многом это так. Тем не менее если мы не станем размышлять над причинами того, почему наше положение именно такое, а не иное, то не сможем более-менее адекватно воспринимать настоящее и намечать контуры будущего. Да и вообще общество тогда уподобится большому амнезией, то есть утратит свое «Я», свою идентичность.

Важно, однако, сначала установить, произошел ли *срыв «проекта»* (модернизационный срыв) или мы имеем дело с *нормой*, а существующим положением вещей недовольна лишь кучка интеллигентов-нытиков? Что ж, для кого-то (возможно, даже для большинства) нынешняя российская

бесподобно яркое изображение в произведениях Чехова. Общественность отсутствовала, и сонная Россия, казалось, потеряла свое духовное я, утратила смысл своего существования; а острое чувство тоски, развивавшейся среди этого общественного безмыслия и бездействия, заглушалось двумя могущественными суррогатами жизни и смысла — водкой и картами. Нас разбудил удар грома на Дальнем Востоке — несчастная война, пещерная в кровавую смуту» (Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М. : Республика, 1994. С. 383).

реальность — нормальное положение вещей. Но в данном случае неважно общественное мнение. Вполне можно ограничиться эталоном нормы: принципами, которые провозглашены в главе 1 Конституции РФ («Основы конституционного строя») и в главе 2 («Права и свободы человека и гражданина»). Если сравнить с ними реальность, мы отчетливо увидим страшный разрыв. Но как назвать это состояние?

Э.А. Паин говорит об *«имперском синдроме»*¹. Он включает в это понятие три элемента (проекции): «имперский порядок» («политический режим империи»), «имперское тело» («многочисленные ареалы компактного расселения ранее колонизированных этнических сообществ, обладающих собственными традиционными культурами») и «имперское сознание» (последнее, правда, я бы назвал скорее «тоской по величию»)².

Каковы же причины нынешнего состояния? Попытаюсь предложить свое видение самых важных, ключевых из них.

О предопределенности

Довольно популярное объяснение имперской реставрации сводится к существованию *предопределенности*. Правда, в научной литературе этот термин не употребляют, а говорят о «матрице», «колее»³, культурном коде и проч.⁴ Но это не

¹ Паин Э.А. Исторический «бег по кругу»: (Попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России) // Общественные науки и современность. 2008. № 4; Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия: Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.

² См.: Паин Э.А. Указ. соч. С. 13; Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Указ. соч. С. 195, 222.

³ А.А. Аузан так предлагает переводить известный эффект path dependence (см.: Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54). Однако слово «колея» несет в себе скорее интенцию как раз предопределенности, нежели зависимости от предшествующей траектории.

⁴ См., напр.: Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994;

меняет сути основного посыла: есть нечто фундаментальное, что с неизбежностью возвращает развитие России на прежнюю траекторию.

Тут самое время напомнить о названии статьи. Напомним, что слово «конституция» имеет два значения. Первое — *установление* — адресует к некоему *волевому акту* по поводу каких-то фундаментальных правил. Понятно, что речь идет о неких юридических актах, устанавливающих, как говорил М.М. Сперанский, «коренные законы»¹ (начиная с XVII века в американских колониях Британии стали появляться конституции, похожие на современные, но первой конституцией современного типа считается Конституция США 1787 г.).

Другое значение слова «конституция» — *устройство*, *устройство* — подразумевает тоже нечто фундаментальное, но существующее *помимо человеческой воли*. В этом значении это слово употребляется, например, в биологической науке, когда нужно обобщенно сказать об основных морфологических и функциональных особенностях организма животных и человека, сложившихся на основе наследственных и приобретенных свойств.

Любое общество имеет конституцию в «биологическом» смысле. Ее составляют характер отношений между людьми, доминирующее мировоззрение, традиции, массовые привычки, стереотипы и проч. и проч. И если такая «биологическая» конституция включает в себя укорененное и повсеместное неуважение к личной автономии, отсутствие у людей всяких навыков самоорганизации, привычку покоряться

Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10; Яковенко И.Г. Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность // Общественные науки и современность. 2007. № 3; Аузан А.А. Указ. соч.; Олейник А.Н. Преемственность и изменчивость преобладающей модели власти: «эффект колеи» в российской истории // Общественные науки и современность. 2011. № 1.

¹ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Юридические произведения / под ред. и с биогр. очерком В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. С. 274.

властным велениям только под страхом сурового наказания, отсутствие чувства ответственности, понимание большинством власти только как строгой иерархии, возглавляемой одним лицом, и т.п., либеральная юридическая конституция в таком государстве будет рано или поздно либо официально отвергнута либо сохранится только как имитация.

Разумеется, подобный исход конфликта вовсе не неизбежен. Возможно, что закрепленные в юридическом акте (актах¹) новые для данного общества принципы и ценности постепенно будут приниматься массовым человеком, если есть факторы, благоприятствующие такому процессу, — высокое качество властной элиты, конфигурация властных институтов, предполагающая политическую конкуренцию, и т.д. Так, может, именно «биологическая» конституция России не позволяет действовать Конституции РФ? Отвечаю: нет!

Во-первых, наша конституция в «биологическом» понимании отнюдь не такова, чтобы можно было говорить о сколь-нибудь существенном разрыве с принципами и ценностями действующей Конституции РФ. Да, конституционные принципы во многом непривычны для нашего общества. Но отнюдь не чужды массовому сознанию. Это подтверждают все социологические исследования. А во-вторых, несовершенным оказался сам инструмент, позволяющий воздействовать на «биологическую» конституцию, — юридическая Конституция России. И вновь: почему?

Может быть, действовала социокультурная и институциональная *инерция*? Да, она присутствует везде, всегда, во всех социальных процессах. Даже большевики, желавшие максимально расчистить «место» для «строительства нового общества» и для этого сломавшие множество существовавших в России институтов, и те не смогли избежать силы инерции. Но *нельзя и преувеличивать значимость этого фактора*. Если

¹ Напомню, что конституция может представлять собой как один акт, так и несколько.

бы сила инерции была *так* велика, человечество до сих пор оставалось бы в первобытном состоянии.

А может, сработал эффект path dependence? Его суть, напомним, в том, что «важное влияние на возможный результат могут оказать *отдаленные* события прошлого, причем скорее *случайные события, чем систематические закономерности* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — М. К.)»¹.

Для объяснения технических и технологических стандартов это представляется вполне естественным. Неслучайно П. Дэвид, первым сформулировавший этот эффект (1985 г.), назвал его QWERTY, поскольку изучал, почему на клавиатуре пишущих устройств закрепилось именно данное расположение букв². Затем эффект зависимости от предшествующей траектории (path dependence) стали включать в объяснения явлений экономической и даже социальной истории. Согласно концепции path dependence, образуется веер различных альтернатив и «при бифуркации *судьбоносными* могут оказаться даже совсем *мелкие субъективные обстоятельства* — по принципу “бабочки Брэдли”»³. Но то и оно, что концепция path dependence вряд ли применима при анализе социальной истории: она являет собой слишком «грубый» и в то же время слишком поверхностный инструмент.

Однако я бы не отмахивался от нее при объяснении дизайна некоторых конституционных институтов. Конституционная конструкция системы власти в России во многом обусловлена именно «субъективными обстоятельствами», хотя далеко не все из них «мелкие». Поэтому я бы хотел немного поспорить С.И. Каспэ, который пишет,

¹ Нуреев Р.М. Институциональная среда российского бизнеса — эффект колеи [Электронный ресурс] // Сайт «Нуреев Рустем Махмутович». URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/05/388.pdf> (дата обращения: 30.03.2016).

² См.: Там же.

³ Там же. См. также: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа) : учебное пособие. 2-е изд., перераб. М. : КНОРУС, 2017. С. 18.

что «необходимо решительно отстраниться от двух самых распространенных способов объяснения политического неблагополучия России, по видимости противоположных, но в сущности сходных. Один способ отсылает к “культурным кодам” и “цивилизационным циклам” (мало отличающимся от “духовных скреп”), к некоей “русской традиции” и “русской системе”, самодовлеющей, самодвижущейся и самовоспроизводящейся. <...> Другой способ состоит в поиске фатальных исторических ошибок — единичных действий, совершенных (или не совершенных) в тот или иной момент времени. <...> На самом деле *оба дискурса построены на отрицании свободы воли*. Первый отрицает ее явно. Второй — чуть более прикровенно, но тоже отрицает, поскольку постулирует непреложную зависимость жизней и судеб миллионов человеческих существ от уникального акта, совершенного одним из них (да хоть десятком из них), причем на годы и годы вперед, до следующего такого акта. В интервалах же между ними *места для свободы воли нет, а есть лишь “зависимость от колеи”, path dependence*, да еще и трактуемая самым грубым, примитивным образом»¹.

Повторю: конечно же эффектом path dependence нельзя объяснить модернизационные срывы. Но им хорошо объясняются особенности институционального дизайна. А уже в свою очередь эти особенности влияют на последующее развитие событий — где-то сильнее, где-то слабее. У нас влияние конституционной конструкции власти довольно серьезный негативный фактор. Серьезный потому, что мы не имеем ни качественной политической элиты, ни политически просвещенного народа; наше общество знавало и знает демократические институты, но практически никогда не жило при демократии.

В то же время даже когда мы обоснованно применяем концепцию path dependence, не следует абсолютизировать ее. «Субъективные обстоятельства», которые в этой концепции являются центральным пунктом, часто вовсе не

¹ Каспэ С. Политическая форма и политическое зло. М. : Школа гражданского просвещения, 2016. С. 94–95.

являются случайными. Их возникновение обусловлено логикой, определяемой самой ситуацией. А ситуация, в свою очередь, часто формируется вполне осмысленными решениями и действиями.

Ошибочные, неправильные решения и действия (буду называть их просто *ошибками*) и являются, на мой взгляд, *главной причиной случившейся модернизационной неудачи*. Сами ошибки обуславливались разными причинами — и недостаточным пониманием исторического момента, и политической неопытностью реформаторов, и отсутствием желания и умения идти на компромиссы, и завышенными личными амбициями. На мой взгляд, есть три фундаментальные ошибки.

Об ошибках

Ошибка первая. В истории современной России есть дата, по своему историческому значению являющаяся более значительной, чем даже день принятия Конституции. Это 21 августа 1991 г. — день поражения ГКЧП, который можно считать днем *Августовской революции*¹. Можно. Но мало кто так считал и тем более считает сегодня. Власти (союзные — понятно, но ведь и российские тоже) всем своим поведением как бы подчеркивали: коммунистический режим пал, но государство остается по большому счету прежним. Даже активные участники августовских событий народные депутаты РСФСР/РФ О.Г. Румянцев, ответственный секретарь Конституционной комиссии Съезда, и В.Л. Шейнис в своих обстоятельных исследованиях, посвященных периоду 1991–1993 гг.², отмечают

¹ Мой друг А.Б. Зубов называет ее Преображенской (государственный переворот был совершен 19 августа — в двенадцатый христианский праздник Преображения Господня). К несчастью, подлинного преобразования России так и не произошло.

² См.: Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего: История явления: (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов). М.: Библиотечка РГ, 2013; Шейнис В.Л. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014.

Август как важный момент новейшей российской истории, но не говорят о его революционном значении.

Показательно, что и официально это событие у нас никак не отмечено. Есть лишь две косвенные привязки к нему. Во-первых, через год после августовских событий — 2 июля 1992 г. появился Закон РФ «Об учреждении медали «Защитнику свободной России»¹. И во-вторых, в 1994 г. (лишь через три года после Августовской революции) Указом Президента РФ был установлен «День Государственного флага Российской Федерации»², но в самом его тексте ничего не говорится о том, почему именно на 22 августа назначен этот праздник. Причем День Государственного флага вообще не вошел в законодательный перечень памятных дат³.

Особенно контрастно отказ признать Август 91-го демократической революцией смотрится на фоне чрезвычайной легкости и распространенности употребления слова «революция» в 2000-е годы, правда с прилагательными «оранжевая», «цветная» и проч. И это при том, что события, происходившие в некоторых арабских странах и в ряде государств на постсоветском пространстве, вовсе не были революциями. Это были вооруженные восстания против правителей, фактически узурпировавших (или пытавшихся узурпировать) власть.

Итак, восторжествовала эволюционная логика (показательно, что главным словом девяностых было «реформы»). Это можно было бы только приветствовать, если бы такая логика соответствовала доавгустовскому развитию событий. Но после Августа она вошла в противоречие с совершенно иной политической, экономической и социальной ситуацией. А эта ситуация требовала принципиально иных политических и юридических решений.

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1865.

² Указ Президента РФ от 20 августа 1994 г. № 1714 «О дне Государственного флага Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 17. Ст. 1956.

³ См.: Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // СЗ РФ. 1995. № 11. Ст. 943 (до 2005 г. — Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России»).

Прежде всего, необходимо было *провести переучреждение российского государства*. Юридически это, наверно, трудно было сделать, пока Россия существовала в рамках СССР. Хотя и в этот период вполне можно было бы как минимум провести новые выборы как президента, так и законодательного органа. Но, без сомнения, акт переучреждения следовало провести после подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений, юридически оформивших распад СССР. Переучреждение предполагало, что и законодательный орган, и президент сложат с себя полномочия, передав их (по сценарию Февраля 1917-го) в руки временного органа управления, который одновременно готовил бы выборы в учредительное собрание (неважно с каким названием), которое должно было бы принять новую конституцию страны.

Одновременно требовалось решить весьма сложный с правовой точки зрения, но крайне необходимый *вопрос о правопреемстве*¹, что, в свою очередь, вызвало бы необходимость вынесения правовой оценки советскому периоду в целом и порожденным этим строем соответствующим институтам. Гораздо проще казалось (и оказалось) объявить о международной правосубъектности России как наследницы СССР². Такое правопреемство помогло сохранить заграничную собственность, но стало троянским конем советского духа, ныне распространившегося под лозунгом «Советский период — просто один из этапов развития российской государственности». Ярким выражением этой

¹ См. подробнее, напр.: Преемственность и возрождение России: Сборник статей. М.: Посев, 2001.

² См., напр. (в хронологическом порядке): Письмо МИД РФ от 13 января 1992 г. № 11/УПП [доступ из СПС «КонсультантПлюс»]; Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615; Постановление Правительства РФ от 17 мая 1993 г. № 459 «О подписании с государствами — республиками бывшего СССР соглашений об урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего СССР» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 21. Ст. 1962; Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах» (ст. 1) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

идеологемы стала преамбула Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», где сказано: «Российская Федерация — есть правопреемник и правопродолжатель Российского государства, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза Советских Социалистических Республик (СССР)»¹. Хотя советская государственность официально как раз не была продолжателем российской.

В мою задачу не входит анализ причин, почему Август не был признан и не был объявлен революцией. Но две из них назвать стоит.

Во-первых, переучреждение государства, как уже сказано, требовало досрочного прекращения полномочий всех органов власти — как федеральных, так и региональных, поскольку они были сформированы в совершенно иных политических условиях и вообще при принципиально ином общественном и государственном строе. Однако расставаться с недавно обретенным статусом мало кому хотелось. Любопытно, как О.Г. Румянцев «снимает противоречие» между осознаваемой им необходимостью принятия новой Конституции и нежеланием досрочно прекращать полномочия. По его мнению, «принятие новой Конституции РФ, предусматривающей новую структуру законодательной власти, должно было *предотвратить роспуск Съезда и Верховного Совета* России, предлагавшийся некоторыми *горячими головами*»². История показала, однако, что как раз эти «горячие головы» и были наиболее трезвомыслящими людьми, понимавшими суть момента.

И во-вторых, Б.Н. Ельцин, судя по всему, ощущал, что для решительного разрыва с советскими институтами ему, как ни странно, не на кого опереться. «Лагерь демократов» был весьма аморфным, поскольку состоял из очень

¹ СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.

² Румянцев О.Г. Указ. соч. С. 77–78.

разных по своему мировоззрению групп. Наряду с либералами (хотя во многом тоже пропитанными советскими стереотипами) в него входила и часть коммунистов, националистов и даже имперцев. Сам же государственный аппарат, особенно его «силовая» часть, оставался еще практически советским (в широком смысле этого понятия). Здесь можно согласиться с тезисом В.Л. Шейниса, что «после Августа его (Ельцина. — М. К.) зависимость (и зависимость той части номенклатуры, которая ринулась под знамена победителя) от поддержки демократов существенно ослабла». В том числе из-за того, что ««новая бюрократия», вобравшая в себя и часть демократического актива, оказавшаяся *падкой на блага и символы власти*, утратив реальный противовес в лице тт. крючковых, шейных и К^о (члены ГКЧП. — М. К.), стала значительно свободней в своих действиях»¹. Кстати, *фактор соблазна* «благами и символами власти», особенно проявляющий себя в период революционных перемен, вообще слабо изучен, хотя является очень существенным.

Ошибка вторая. Она является очевидным следствием первой. Нежелание (или страх?) политических лидеров начала девяностых преобразовывать советскую государственность в революционной логике (что вовсе не обязательно требует насилия, но требует радикальных перемен в системе и персональном составе власти, усилий по формированию новой идентичности) привело не к принятию новой Конституции, а к созданию на основе советской Конституции РСФСР 1978 г. совершенно немислимой властной конструкции, которую, кстати говоря, нельзя было отнести ни к одной из существующих форм правления (моделей власти)². Она представляла собой *жуткую смесь из остатков*

¹ Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 485.

² Эту систему я постарался описать в работе: Краснов М.А. Создание Конституции России как особый случай эффекта «path dependence» // Труды по руссиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения; гл. ред. Глебова И.И. Вып. 6. М., 2016. С. 85–128. Настоящая статья основана именно на этой моей работе.

советского типа с элементами одновременно и президентской и полупрезидентской форм правления.

В свою очередь, межумочная конституционная конструкция стала одним из решающих факторов созревания конфликта президента Ельцина и депутатского корпуса.

Можно сказать, что этот конфликт — тот случай, когда *свойства личности* способны фундаментально повлиять на функционирование институтов. Но можно посмотреть на дело и иначе: если правовое регулирование в сфере организации публичной власти не учитывает реальность, оно будет провоцировать перерастание конституционных конфликтов в силовые. Ведь право наиболее хрупко и наименее защищено как раз в сфере властеотношений, ибо, когда правовое регулирование переходит *границы, которые властный институт считает для себя максимально приемлемыми*, этот институт отказывается от понимания своей власти как *authority* и прибегает к власти как *power*, в том числе пренебрегая формальными ограничениями. Иными словами, «максимальная приемлемость» означает готовность соблюдать ограничения только до того момента, пока юридические нормы сами не переходят границы права — справедливости, разумности и соответствия реальности.

Понимаю, что это опасный концепт. Но он способен объяснить мотивы действий Б.Н. Ельцина. Ради выполнения своего долга и своей миссии он готов был терпеть личные оскорбления от представителей законодательного органа. Однако когда стало очевидно, что существующий *дисбаланс властных прерогатив*, которым законодательный орган все активнее пользуется, *не позволяет осуществить обещания, данные народу на президентских выборах*, что под прикрытием юридических норм творится *не право*, о чем президент прямо заявлял¹, — только тогда он прибег

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Верховному Совету Российской Федерации «О конституционности» // Известия. 1993. 25 марта. Подготовил этот текст Ю.М. Батулин (см.: Батулин Ю.М. Конституционные этюды. М.: Институт права и публичной политики, 2008. С. 9–12).

к силовым ресурсам для слома угрожавшей стране ситуации. Конституционный судья Э.М. Аметистов в своем Особом мнении к Заключению КС РФ от 21 сентября 1993 г. совершенно верно заметил, что положения Указа Президента РФ № 1400 «*необходимо рассматривать в неразрывной связи, во-первых, с причинами издания Указа и его целями, изложенными в преамбуле, во-вторых, с правами и обязанностями Президента, установленными Конституцией, и, в-третьих, с определенными особенностями Конституции Российской Федерации, касающимися исполнения Президентом его прав и обязанностей*»¹.

Конфликт между президентом и Съездом был отнюдь не предопределен. Но он породил новую точку бифуркации (и вот здесь как раз особенно сказался эффект *path dependence*), откуда берут начало пороки Конституции, которые не говорю что предрешили, но во многом способствовали формированию режима личной власти (другое дело, что в период президентства Б.Н. Ельцина такой характер политического режима был почти незаметен, поскольку объективно влияние президента оказалось далеко не таким, как сегодня). В свою очередь, пороки нынешней Конституции России (точнее, пороки предусмотренной ею властной конструкции) обусловлены тем, что *ее текст готовился практически в безоппонентном режиме*.

В проекте Конституционного совещания, выработанном в июле 1993 г. (а именно он стал основой действующей Конституции), было покончено с рудиментами советской идеологии и советской властной конструкции. Однако сила конфликта, в разгар которого рождался этот проект, взаимное неприятие акторов, представлявших институты президента и законодательной власти, оказались столь велики, что неудивительно желание «победившей стороны» нормативно отвести место парламенту как политическому пигмею, что и составляет основной фактор персоналистского режима.

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 6.

Стоит, однако, отметить, что даже после издания Указа № 1400 события *могли развиваться по иному сценарию*, в рамках которого была возможна более взвешенная конструкция будущей власти. В Указе предлагалось: «Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями рабочей группы Конституционной комиссии». Другими словами, президент был готов к объединению двух проектов. Но вооруженный мятеж в Москве и его подавление (3–4 октября 1993 г.) не позволили этому сценарию реализоваться. 15 октября Б.Н. Ельцин издает Указ № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации»¹, где уже отсутствует поручение представить к 12 декабря согласованный проект и предусматривается, что в этот день пройдет референдум, на который будет вынесен окончательный текст Конституции. Тем не менее по-прежнему демонстрировалась видимость демократизма: «Для доработки проекта Конституции, одобренного еще 12 июля, была образована Государственная палата Конституционного совещания, состоявшая из представителей президента, правительства, субъектов Российской Федерации, Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего арбитражного Суда, Генеральной прокуратуры. Вместе с созданной еще 24 сентября Общественной палатой Конституционного совещания Государственная палата должна была в сжатые сроки (президент поставил задачу опубликовать проект Конституции 10 ноября) завершить подготовку документа»². Но это была именно видимость.

Только в рамках некоей идеальной модели можно вообразить, что рабочая группа по доработке конституционного проекта станет руководствоваться исключительно стремлением обеспечить эффективную систему сдержек

¹ См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 42. Ст. 3995.

² Эпоха Ельцина : Очерки политической истории. М. : Вагриус, 2001. С. 370.

и противовесов. В реальной жизни ожидать такого поведения от людей, многие из которых заинтересованы в создании определенной конструкции власти (а именно от них и зависело окончательное решение), бессмысленно. Ни состав участников, ни царившая атмосфера, ни даже само место, где шла доработка (здание президентской администрации), не позволяли говорить о том, что Конституция готовится в режиме компромисса. К тому же в то время в аппарате президента господствовала мысль: нужна система власти, которая бы позволила без помех проводить реформы. Сегодня думаешь: неужели люди не могли просчитать хотя бы на шаг вперед? У меня нет ответа на этот вопрос. Правда, возражения все же звучали, но эти мнения отменялись, если не вписывались в общую идею президента, доминирующего над всеми другими институтами власти.

Так что нынешняя структура публичной власти обязана своим появлением не действию какой-то «матрицы», национального архетипа, политической традиции, а тому, что экономисты называют *рациональным поведением*. Те, кто отвечал за окончательную подготовку конституционного проекта, видели свою задачу в существенном ослаблении прерогатив представительного органа, воспринимавшегося как помеха на пути реформ. Будучи избавлены от видимого сопротивления, они действовали в полном соответствии с условиями, в которых оказались.

Ошибка третья. Она вызвана непониманием (забвением) того, что выстраивать новую государственность приходится, во-первых, в гигантской по территории стране; во-вторых, стране, части (регионы) которой обладают огромнейшим разнообразием; наконец, в-третьих, в стране, долгое время позиционировавшей себя как великая держава и бывшей, по существу, империей. Проще говоря, реформаторы действовали так, будто речь идет об обычном европейском (среднем по размеру) государстве с более-менее однородным (социально, религиозно, этнически) населением. Между тем пространственные параметры и культурная (этнокультурная) гетерогенность России не позволяют глубоко реформировать

общественные отношения в такой же парадигме, в какой это возможно в небольших или средних по размеру и численности населения государствах, где новации способны распространяться равномерно и с высокой скоростью. Если крупными мазками описать картину реформ, то было кипение жизни в Москве и сонная архаика в большинстве регионов. С.И. Каспэ верно подметил: «На периферии империи, особенно на дальней, может, и наблюдается какое-то “растекание и разжижение” политического; но в центре, наоборот, происходит “каление” невиданной силы»¹.

Как отмечает Н.М. Плискевич, инициаторы авторитарных модернизаций не только используют мобилизационные методы, но и поддерживают их «устоявшимися традиционалистскими кодами»². Парадокс, однако, состоит в том, что и либеральные модернизации у нас опираются на «традиционалистские коды» — введение новых правил рассчитано главным образом на *усилия власти, причем власти центральной*.

Мне скажут: легко теоретизировать, а реальность была такова, что России грозил территориальный распад, по крайней мере такая угроза исходила от нескольких региональных элит. Но тогда тем более следовало смотреть на федерализацию (переход от формальной федерации к реальной) не как на вынужденную уступку, а как на благо.

Вообще, основной идеей строительства новой России следовало сделать «строительство снизу», начиная с населенных пунктов (местного самоуправления). Соответственно, нужно было как минимум не пытаться унифицировать систему власти в регионах и, главное, коль скоро это не получилось на федеральном уровне, не допускать персоналистских режимов в субъектах Федерации и развивать именно там навыки политической конкуренции. С этой

¹ Каспэ С. Указ. соч. С.29.

² Плискевич Н.М. Модернизация в России и Китае: стартовые условия и специфика государства // *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 95.

целью наиболее целесообразно было бы поощрять переход регионов на парламентскую модель организации власти.

Строительство государственности «снизу», естественно, должно было сделать центральным пунктом государственной заботы создание условий для реального местного самоуправления. Все это предполагало совсем иную бюджетную и налоговую политику, иное распределение предметов ведения и полномочий, да и экономические реформы пришлось бы проводить в ином режиме. Такая парадигма государственного и экономического строительства привела бы к созданию довольно существенного препятствия для реставрации «имперского синдрома», для преодоления «тоски по величию».

АЛЕКСАНДР ОБОЛОНСКИЙ

**КОЛЛИЗИИ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ
ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ И РАННИХ
ДЕВЯНОСТЫХ, ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ И НОВЫЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ (К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА)**

Пункты исторических развилок, перекрестков, бифуркаций (есть разные термины для их обозначения) — тема важнейшая. Я, к примеру, описал в свое время целых семь таких перекрестков. Две книжки этому посвятил¹. Но в общем плане она находится за пределами настоящей работы. В открывающей ее главе Виктор Леонидович Шейнис сосредоточил внимание главным образом на последней развилке, случившейся, по его мнению, в период конца 1980-х — первой половины 1990-х годов. И я в целом согласен с его взглядами и оценками политических аспектов происходивших тогда процессов. Но в развитие и дополнение его позиции я постараюсь описать в качестве относительно самостоятельной линии другую — моральную и отчасти психологическую — их сторону. Она представляется очень важной и оказавшей, с моей точки зрения, едва ли не решающее влияние на характер, ход и исход нашего транзита. Очевидная недооценка «человеческого измерения» процессов, сведение их к экономическим и политическим преобразованиям представляются корнем многих проблем и разочарований последующего времени. Поскольку я публиковал свое мнение по данному вопросу, то в данном случае ограничусь лишь этим напоминанием. Специальное внимание будет уделено коллизиям бюрократического сознания,

¹ См., напр.: Оболонский А.В. Человек и власть : Перекрестки российской истории. М. : Наука, 2002.

то есть сознания тех, кому выпало проводить и обеспечивать технологическую сторону преобразований, и их столкновению с более широкими, массовыми требованиями и ожиданиями. Кроме того, в контексте проблематики книги хочется привлечь внимание к происходящей сейчас *скрытой реинкарнации российского либерализма*, хотя и в формах, несколько непривычных для сознания, воспитанного на либеральной классике. Именно с этими процессами, которым посвящена заключительная часть моего текста, я связываю свой осторожный исторический оптимизм.

Исторические развилки и «особые пути»

Активизация внимания к теме исторических развилки в интеллектуальной повестке «Либеральной миссии» — факт важный и позитивный. Она представляется одной из ключевых для понимания и прошлого, и настоящего, и сценариев будущего. И очень хорошо, что доклад Виктора Леонидовича ее поднял. Это важно в самых разных отношениях. В том числе и с точки зрения психологии либерально мыслящих людей. Ведь мы сейчас наблюдаем не только очернение либеральной идеологии ее идейными и политическими противниками и просто конъюнктурщиками. Упаднические lamentации в разных вариантах звучат из уст и самих либералов. При всей их интеллектуальной изощренности, вариациях и фактографических аргументах, по сути, они сводятся к идеям исторического фатализма и «особого пути» России, якобы не предполагающего какого-либо нашего единства с выработанной и выстраданной западной культурой и цивилизацией «человекоцентричной» шкалой ценностей и соответствующим ей способом организации политической и общественной жизни как минимум в ближайшем историческом будущем.

Не буду углубляться сейчас в эту извечную для российской, да и не только, историко-философской рефлексии тему. В рассуждениях о ней пролито много чернил, в том числе и мной. Скажу лишь, что концепцию зависимости

от исторического пути (path dependence) я признаю с одной принципиальной, на мой взгляд, оговоркой: не вижу достаточных оснований и аргументов, подтверждающих якобы невозможность смены «колеи», нашу историческую «обреченность» оставаться в рамках все тех же социально-культурных стереотипов и отношений. Напротив, и в отечественной, и в мировой реальности есть много фактов и примеров, свидетельствующих прямо об обратном. Смена исторической «колеи» — вещь вполне возможная и отнюдь не уникальная. Идея о якобы невозможности покинуть однажды выбранную историческую «колею», об обреченности вечно следовать предназначенному исторической судьбой path dependence, как мне кажется, минимум небезупречна не только в фактическом, но и в научно-методологическом отношении. Она основана на сугубо эволюционистском взгляде на историю, исключающем качественные скачки, прорывы за грань эволюционной постепенности. Что, как известно, исторической реальности не соответствует. Тому есть множество примеров, даже в истории XX века.

Еще один момент: якобы безальтернативность истории, воплощенная в звонкой фразе «история не имеет сослагательного наклонения», дошла уже даже до лексикона спортивных комментаторов. И в энный раз особо в нее углубляться не вижу необходимости. Разумеется, как хроника событий, как описание уже свершившегося она безальтернативна. Но как предмет научного анализа она очень даже предполагает рассмотрение разных альтернатив. А дурной детерминизм, воплощенный в идее безальтернативности, на мой взгляд, есть наследие вульгарной версии марксизма-ленинизма. Желающих же всерьез разобраться в данной проблеме могу отослать, например, к сборнику «Одиссей», изданному Институтом всеобщей истории РАН¹.

А наш действительно особый путь как раз состоит в необходимости вырваться из порочного круга, воспроизводящего

¹ См.: Одиссей : Человек в истории : История в сослагательном наклонении? М. : Наука, 2000.

все те же архаичные модели взаимодействия народа и властей предрежащих. Они много раз доказали свою историческую бесперспективность. Из-за них Россия трагически проиграла XX век. Но сегодня они опять навязываются нам, теперь в оболочке якобы консерватизма, а на самом деле — ретроградства, имеющего мало общего с консерватизмом подлинным. В нынешний же век они просто разрушительны, грозя стране и ее гражданам сначала коллапсом, а затем и окончательной катастрофой.

До сих пор мы как социум были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как все сложится на этот раз? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных сценариев. Но важно в полной мере осознать собственную ответственность за судьбу страны. И история, и свежайший пример соседней (совсем недавно еще братской) страны — Украины — показывают, что в критические периоды не только позиция и желания так называемой политической и прочей «элиты», а воля и поведение обычных людей, рядовых граждан, в подлинном, а не в казенно шовинистском смысле поднявшихся с колен и обретших личностное сознание и достоинство, может стать решающим фактором, который существенно повлияет на дальнейшую траекторию развития. А если мы по-прежнему будем упиваться своей «уникальностью» или сокрушаться из-за нее (в данном случае модус несуществен), то действительно рискуем «уговорить» себя продолжать бег все по тому же порочному кругу.

Этика либерализма в советском сознании

В данном случае я исхожу из классического понимания либерализма, не углубляясь в его различные мировоззренческие и исторические нюансы, тем более что даже российская интеллектуальная элита в период, о котором пойдет речь, не обладала, за небольшими исключениями, достаточно четким и адекватным представлением о приоритетах и стандартах либеральных взглядов и подходов к политическим

и социальным реформам. В плане же этической парадигмы я основываюсь на работах таких авторов английской школы либеральной этической философии, как Джордж Мур, Людвиг Витгенштейн, Карл Поппер, иногда называемой «новой этикой», а также на трудах «тюменской» школы прикладной этики, обычно связываемой прежде всего с именем В.Д. Бакштановского.

В данном тексте я самоограничиваюсь вопросом о либеральных и административно-бюрократических взглядах и подходах к российским реформам на последнем этапе существования СССР и в первые постсоветские годы, а также одним, но представляющимся чрезвычайно важным, а в некоторые моменты — и сыгравшим ключевую роль *социально-этическим аспектом* событий, ибо имевшая место серьезная недооценка этических факторов породила кризис либеральных ценностей и долговременные негативные последствия, наложившие отпечаток на все последующее развитие событий. Представляется, что в общественном восприятии горбачевской перестройки, особенно на первых ее этапах, был очень значим *этический фактор*, поскольку ее пафос был во многом направлен против имманентно присущим жизни в СССР лжи, лицемерию, бесчестности, двойному мышлению. Поэтому можно сказать, что при всей многофакторности связанных с ней процессов она как минимум содержала и значительный *моральный* компонент, связанный с либеральными ценностями и ожиданиями. К сожалению, политиками, осуществлявшими преобразования в постгорбачевский период, это недооценивалось.

Вообще, во времена СССР отношение к либерализму содержало в себе элемент парадокса. На формальном, официальном уровне оно было сугубо отрицательным — негативно презрительным. Что было по-своему логично, поскольку либерализм исходит из посылок, полностью противоположных советской доктрине максимального огосударствления всего и вся. А в риторическом плане презрительно унижающее отношение к либералам произрастало из печально известной фразы Ленина, согласно которой либералы не мозг нации, а субстанция принципиально иного свойства,

отбросы, выделяемые человеческим организмом, поименованные к тому же при этом словом из обценной лексики. Разумеется, в специальной, научной литературе советского времени можно найти и гораздо более элегантные, пристойные по форме пассажи и оценки. Однако в целом либерализм как явление с точки зрения официоза даже в лучшем случае оценивался как нечто в основах своих неверное, наивное, психологически и ментально неполноценное.

Парадокс же состоит в том, что вопреки этому позитивный, хотя и довольно смутный, образ либерализма как чего-то хорошего, даже идеального во всех отношениях выжил и «теплился» в закоулках интеллектуальной рефлексии, причем у разных слоев общества. И когда идеологическое и политическое давление ослабло, он поразительно быстро превратился в весьма значимый элемент общественного настроения и надежд. Правда, довольно странным образом, о чем будет сказано несколько ниже.

Бюрократическая ментальность и либерализм

В принципе, бюрократическая ментальность не слишком согласуется с либеральными взглядами. Даже в западных странах. Бюрократы по самому характеру деятельности более склонны к дирижизму и даже к патерналистскому видению своей роли по отношению к обществу, к гражданам и их нуждам. Это связано и с традициями, и с объективной позицией чиновника в системе правления. И это вдвойне справедливо по отношению к бюрократам советского образца, к чиновникам, порожденным советской системой.

Классический советский бюрократ был антиподом либерала, как говорится, по определению. И по общей идеологии системы, и по роли в ней чиновника он должен был обеспечить проведение в жизнь принципов дирижизма, максимального контроля над всем и вся. Кроме того, он, в отличие от чиновника в демократических политико-управленческих системах, был ориентирован не «вниз», не на нужды и ожидания

граждан, а прежде всего на выполнение приказов и требований вышестоящего начальства. Ведь *публичной службы* в подлинном значении слова в советской системе *не существовало*. Она и не могла существовать хотя бы из-за ее несовместимости с авторитарической моделью правления и номенклатурной системой отбора управленческого персонала.

Впрочем, СССР был отнюдь не уникален в этом отношении. Во всех странах советского блока чиновники были лишь приводным ремнем для осуществления политической линии правящей партии. Линии, кстати говоря, периодически довольно существенно менявшейся. Обычная в XX веке для западных стран *merit system* — система заслуг и достоинств при отборе кандидатов на управленческие позиции — практически ни в одной из них не существовала. Вместо нее господствовала партийно-номенклатурная система.

После падения коммунизма несколько постсоциалистических стран предприняли определенные усилия по созданию подлинно публичной государственной службы. В некоторых из них результаты таких усилий дали больший позитивный результат, в некоторых — меньший. Но, на мой взгляд, едва ли можно найти в этой части мира хотя бы один полностью удачный пример реформы государственной службы. Скорее можно говорить о возникновении ряда полностью бюрократизированных государств, то есть государств, где непомерный объем власти оказался в руках социально безответственной и коррумпированной бюрократии.

Думается, Россия представляет собой классический пример подобной метаморфозы. Хотя формально она прошла с 1991 г. минимум через пять «раундов» попыток реформ и три объявленные государственные программы реформирования, качество ее государственной службы скорее ухудшилось, чем улучшилось. Особых достижений ни объективный анализ, ни общественное мнение, ни даже оценки «начальства» не отмечают. И даже само слово «публичная» не привилось, она по-прежнему называется государственной. При этом я не думаю, что все или даже большинство российских чиновников изначально были безнадежно «плохими

парнями». Их «моральный портрет», как представляется, существенно многоцветнее и сложнее.

А чиновники советские, которые и стали первым поколением постсоветского чиновничества, все без исключения были обучены, работали и оценивались по целиком антилиберальным правилам, в рамках полностью антилиберальной парадигмы. Можно предложить их следующую грубую типологию:

- правоверные коммунисты советского образца;
- колеблющиеся ревизионисты в мыслях и на словах, но на деле безропотные исполнители любых распоряжений, независимо от личных взглядов;
- просто рабочие лошадки, винтики системы, не думающие о последствиях своих действий за пределами личного горизонта;
- циники.

Разумеется, возможны и другие, более тонкие и нюансированные классификации. Например, по формальной должностной позиции, по месту в системе, по типу органа — партийные, государственные, профсоюзные... Можно выделить и страту «придворных» бюрократов — аппарат ЦК (хотя там тоже были свои тонкости — как заметил в свое время глубокий «включенный наблюдатель» системы, но при этом сохранивший по отношению к ней интеллектуальную дистанцию А.Е. Бовин, «система у нас была хоть и однопартийная, но многоподъездная»). И так далее.

Амплуа и роли новые, актеры прежние

Однако главная проблема состояла в другом — в условиях новой, радикально изменившейся в сторону либерализма политики *все* бюрократы утратили привычное сознание своего общественного статуса как важного звена социальной системы. Их роль в новой системе отношений в значительной мере утратила свою значимость. Полномочия изменились и сократились. Предыдущие профессиональные навыки и компетенция стали невостребованными, а к новому характеру

профессиональной работы большинство чиновников не были готовы ни профессионально, ни морально. За небольшим числом исключений, унаследованные постсоветской Россией бюрократы были просто не в состоянии обеспечить объективно необходимый уровень профессиональных административных управленческих действий. Отсюда, помимо прочего, и неизбежное понижение самоуважения.

В результате возник эффект ресентимента, или, следуя терминологии Эмиля Дюркгейма, *моральной аномии*. А формы адаптации к нему варьировались в амплитуде от отчуждения и эскапизма до открытого или чаще скрытого сопротивления переменам. Между этими крайностями расцвели коррупционная психология и соответствующий ей тип поведения. И господствовавшая тогда «ситуация Клондайк» — мгновенное по историческим да и любым рациональным меркам перераспределение гигантских объемов собственности — этому способствовала. Что добавило в общую ситуацию транзита немало дополнительных серьезных проблем, сложностей и несправедливости.

Исходя из опыта транзита нескольких постсоциалистических стран, полагаю, что и нам было необходимо провести определенную *люстрацию* персонала государственных органов. Серьезные кадровые изменения, проведенные в должное время и должным образом, могли бы существенно улучшить многое. Я, разумеется, не имею в виду какого-либо массового увольнения порядочных и политически нейтральных администраторов, какой-либо «охоты на ведьм». Однако хоть что-то в этом направлении должно было быть сделано. А не сделано было ровным счетом ничего. И постсоветская Россия, унаследовав административный персонал советских времен, возложила практически на тех же людей функции по проведению политики, прямо противоположной всему их жизненному и профессиональному опыту. С одним, впрочем, печальным исключением: лучшая часть кадров, люди, как-то сориентировавшиеся в новых обстоятельствах, использовали прошлые связи и доступную им информацию о деталях конкретных приватизационных и финансовых операций

и перетекли в новообразованные коммерческие и прочие структуры. А на госслужбе остались «худшие», более инертные и не сумевшие приспособиться. Эмпирические данные на сей счет производят, надо сказать, тяжелое впечатление. По данным О. Крыштановской, даже к середине 1990-х годов в правительственных структурах было 75%, а в бизнесе — 61% членов бывшей советской номенклатуры¹. Причем больше половины из них попали туда даже не при Горбачеве или Ельцине, а куда раньше — при Брежнев².

Однако политическое руководство тех времен игнорировало эту абсурдную ситуацию. И в результате мы получили явно *избыточную персональную преемственность* в аппарате управления, что, по моему мнению, стало одним из критических препятствий для успешного прохождения периода транзита. Это принципиально отличает опыт России от опыта посткоммунистических трансформаций в странах Восточной Европы и отчасти объясняет как особо драматические трудности наших девяностых, так и последующее развитие событий, а также ситуацию, в которой оказалась страна ныне.

Качество нашей бюрократической машины стало хуже, чем в любые предшествующие времена, по крайней мере в последнюю пару веков. Это сознают все — и политическое руководство страны, и эксперты, и потребители госуслуг на всех уровнях населения. И положение действительно трудное. Никакими полумерами проблему уже не решить. А для мер радикальных нужны политическая воля, решимость и готовность к риску. Особую сложность в данном отношении представляет сопротивление радикальным переменам со стороны нынешнего бюрократического аппарата, что нетрудно спрогнозировать. А между тем он и объективно необходим, и представляет одну из главных опор политического режима. В сознании самих же бюрократов также произошли

¹ См.: Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую советскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 65; Она же. Финансовая олигархия в России // *Известия*. 1996. 10 янв.

² См.: Савваттева И. О тех, кто нами правит // *Известия*. 1995. 15 мая.

радикальные перемены: из испуганных временщиков девяностых они трансформировались в едва ли не хозяев государства. Многие политологи так и говорят, что *произошел захват государства бюрократией*.

Более того, некоторые ученые (Т.Е. Ворожейкина, В.А. Четвернин) не без резона считают, что в современной России государства как системы демократических публично-властных институтов просто нет, а то, что существует на его месте, заслуживает других названий, поскольку оно представляет и защищает не публичные, а частные интересы ограниченной группы лиц. Разделяя пафос и логику их высказываний, все же замечу, что тогда следует распространить эту терминологическую новацию практически на все существовавшие в истории государственные образования, а также на значительную часть современных. Но корректно ли подобное несколько «легкое» обращение с ключевыми, веками устоявшимися терминами и их значениями? Мне кажется, можно обойтись дополнительными уточняющими характеристиками и оговорками, подразделяющими государства на различные классификационные типы. Впрочем, это вопрос из сферы семантики и этимологии.

Но вернемся в наши девяностые.

Романтический период

На первой стадии трансформаций, во времена, получившие название перестройки, и особенно на рубеже 1980-х и 1990-х годов, и в «высоколобом», и в массовом сознании людей, ориентированных на перемены в либеральном направлении, доминировали отнюдь не экономические и даже не правовые аспекты либерализма, а его морально-политическая сторона и пафос: *свобода слова, печати, критики, собраний* была главной в повестке дня. Наверное, это было неизбежно после многих десятилетий советского идеологического морока. При ослаблении пресса на поверхность вышли естественные человеческие потребности — просто выговориться,

объединяться или, напротив, группироваться без чьей-либо указки, открыто высказывать и демонстрировать свою накопившуюся неудовлетворенность разными сторонами жизни и т.п. Страна в немалой степени превратилась в подобие гигантского дискуссионного клуба. Причем это касалось отнюдь не только мегаполисов.

Из личных наблюдений: в конце восьмидесятых, проходя по улице заштатного городка в Вологодской области, мы с женой могли практически без пауз слушать трансляцию выступления Горбачева на одной из последних партийных конференций; дело было летом, окна были открыты и практически из каждого доносился его голос. А к вечеру на лавочках, в городских скверах, на берегу озера шли горячие дискуссии спонтанно собравшихся людей (кстати, тогда и в голову никому не приходило запрашивать на это какое-либо «согласование»). Во времена же Первого съезда народных депутатов в мае 1989 г. эмоциональный интерес к политике достиг почти эпидемического уровня: люди практически не выключали транзисторов; даже идя по улице или гуляя на природе, они прижимали их к уху. Возможно, это было не вполне нормальным и не могло продолжаться долго. Но такое состояние было необходимым, как легкие болезненные ощущения после прививки.

То были очень *романтические годы, полные надежд, ожиданий и, к сожалению, иллюзий*. Вообще, политический романтизм, при всей его красоте, эстетизме и возвышенности, не очень эффективен в практическом плане. Имманентно присущая ему повышенная эмоциональность упрощает политическую реальность, требуя быстрого отклика и результата. (Это, в частности, можно наблюдать на примере постмайданной динамики настроений украинской революции, о чем, впрочем, разговор отдельный.) Романтизм довольно быстро выдыхается в удушающе прагматичной атмосфере так называемой *real politic*, порой переходящей в противоположную крайность — политический цинизм и национализм.

Проблематика совмещения общечеловеческих ценностей (популярное выражение горбачевских времен) и ценностей национальных, соотношения патриотизма и национализма

также очень важна в контексте рассматриваемых вопросов. Ведь в те годы либеральное сознание впервые за советские времена соединилось с патриотическими чувствами. Стихийные либералы вместо стыда и неловкости за свою страну стали гордиться ею. Я, как и многие советские невыездные, начал тогда ездить за границу и, общаясь с самыми разными людьми, чувствовал их уважение и даже восхищение по отношению к нам — без чьей-либо помощи, хотя и с серьезными издержками и потерями, сбросившим советский полутоталитарный режим. Помню, как не стеснялся тогда говорить «я горжусь быть российским гражданином» и, более конкретно, «горжусь быть москвичом». Ни ранее, ни впоследствии подобные слова мне ни в голову, ни на язык больше не приходили.

А патриотизм в те годы, в отличие от последующих времен, не носил ни мифотворческого, ни агрессивного характера. Поскольку я довольно подробно обсуждал эту шепетильную тему в своей последней книге, то в данном случае просто поделюсь одной малоизвестной цитатой из английского христианского мыслителя К. Льюиса: «Когда патриотизм становится бесом, он плодит и множит зло... Это чувство не безопасно. История любой страны кишит постыднейшими фактами... Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование. Чтобы он не приносил вреда, его надо принимать как сказание... Разновидность патриотизма — уже не чувство, а вера, твердая, даже грубая вера, что твоя страна или твой народ действительно лучше всех. А если наша нация настолько лучше всех, не обязана ли она всеми править? В самой крайней форме такой патриотизм становится тем расизмом толпы, который одинаково противен и христианству, и науке»¹.

В целом годы, о которых идет речь, были *временем расцвета этических ценностей*, открытости и солидарности

¹ Льюис К. Любовь. Страдание. Надежда : Притчи. Трактаты. М., 1992. С. 248.

перед лицом трудностей. К несчастью, было больше слов, нежели практических дел.

На этом *высокоэмоциональном фоне* такие хоть и либеральные, но *прозаические* вещи, как, в общем плане, неприкосновенность частной собственности, сочетание свободы и уважения к праву, минимизация государственного вмешательства в бизнес и т.д., а в плане личном — необходимость интенсивного труда, ответственность за свою работу, готовность рисковать, особо не рассчитывая на поддержку со стороны государства, *оставались на периферии* повестки дня, даже в среде интеллектуалов. Конечно, экономические реформы обсуждались, и даже довольно интенсивно, но главным образом внутри узких профессиональных кругов и гораздо меньше занимали публичное внимание, чем вопросы, связанные с политическими свободами, и определенно меньше, чем они того заслуживали.

В кругах либерально мыслящих экономистов преобладала точка зрения, что введение свободного рынка с его «невидимой рукой» расставит все по местам и в других сферах. Иными словами, доминировала концепция «человека экономического», или экономического романтизма, причем, на мой взгляд, в упрощенном виде. Демократический проект, как справедливо заметила как-то Т.Е. Ворожейкина, бы сведен к проекту рыночному, в рамках которого к тому же рядовым гражданам отводилась роль не участников процесса, а его объектов, материала.

И, презюмируя всемогущество «невидимой руки рынка» (превратившиеся в клише слова Адама Смита), как-то не очень задумывались о том, что рука эта «произрастала» из определенных этических стандартов мышления и поведения, исторически связанных прежде всего (хотя не исключительно) с протестантизмом и его этикой (вспомним хотя бы название наиболее известной работы Макса Вебера). А ведь неслучайно главный, может, труд А. Смита называется «Теория нравственных чувств».

К тому же явно недооценивались трудности периода транзита. Разумеется, этика предпринимательской деятельности

развивалась независимо от интеллектуальных дискуссий, но в значительной мере в довольно «специфических», если не сказать больше, формах. Акцент был сделан не на производстве товаров и иных благ для предложения их на рынке, а на перераспределении уже существующего массива собственности, причем в формах, зачастую безупречных даже в формально юридическом плане (не говоря уж о плане моральном), и в амплитуде от относительно честной приватизации до чисто мафиозных операций по захвату. Возможно, это было неизбежно после 70 лет советского режима, запрещавшего любую независимую экономическую активность и преследовавшего ее как тягчайшее преступление. Однако, так или иначе, это имело очень негативное влияние на характер приватизации и всю специфику постсоветского бизнеса на его первых этапах.

Таким образом, это был весьма *избирательный либерализм*. Политика и экономика развивались как бы мало завися друг от друга. Полагаю, мы имеем все основания смотреть на это как на печальный парадокс первого этапа перестройки и демонтажа советского общественно-политического устройства.

Моральная цена экономической трансформации

При этом *одновременно с улучшением ситуации с политическими и интеллектуальными свободами положение в экономике все ухудшалось, а материальный уровень жизни подавляющего большинства людей падал*. Экономика приближалась к состоянию коллапса. Оказалось, что запустить процесс гласности и даже начать политическую демократизацию много легче, нежели справляться с нарастающими экономическими проблемами. Люди были вдохновлены открывшимися широкими возможностями в сферах политического и интеллектуального либерализма, о которых буквально за несколько лет до того подданным СССР и помыслить было нельзя. Да и вообще, за исключением краткого периода от февраля к октябрю 1917 г., они были беспрецедентными для нашей страны. Люди, поверившие в волшебную палочку либерализма, *были готовы*

терпеть материальные лишения. Но отнюдь не беспредельно. Довольно скоро красная черта терпения была перейдена.

Первое правительство Ельцина оказалось в почти трагической ситуации. Время для более мягких и постепенных реформ, и без того краткое, было растрчено в политических интригах и схватках. И теперь пришлось действовать максимально быстро и жестко, не оглядываясь особо на массовые чувства и настроения. Пространства для маневра в тот момент практически уже не оставалось. Зато вполне реальной и даже прогнозированной многими стала полная катастрофа со всеми вытекающими последствиями. Пришедшие в правительство либералы были вынуждены реализовывать эффективный и принесший быстрый экономический результат, но социально очень болезненный сценарий. И это было сделано. Фактически страна была спасена от экономической катастрофы. Но за очень высокую политическую цену. Благодаря мерам Гайдара и его команды Россия не только избежала падения в пропасть, но и значительно отодвинулась от ее края. *Однако платой за это было массовое разочарование в либеральных ценностях. Жесткие экономические меры ассоциировались в массовом сознании с либерализмом.*

Одним из симптомов кризиса стало повышение популярности идеи «особого пути» России как цивилизации, якобы неподвластной общим закономерностям. Что, по мнению аналитиков, является социопсихологическим маркером неблагополучия¹.

Негативные морально-психологические последствия

Ко всему этому добавился еще и *кризис идентичности*. Он был связан с тем, что социальные и профессиональные группы, обладавшие в советские времена наиболее высоким

¹ См., напр.: Травин Д.Я. Почему ищут особый путь... которого нет // «Особый путь» страны : мифы и реальность / под общ. ред. А.В. Оболонского. М., 2018. С. 119.

моральным престижем, его лишили и вообще утратили всякое влияние на происходившие в обществе процессы, оказались как бы на обочине. Я имею в виду прежде всего научную и творческую интеллигенцию, хотя не только ее. Так или иначе, но именно эти люди, будучи основной частью интеллектуального либерального капитала страны, инициировали и продвигали процессы ее либерализации. А в новые времена подавляющее большинство из них оказалось невостребованным и столкнулось с необходимостью элементарного выживания и существования на низком материальном уровне. В то же время вокруг буквально из ничего возникали гигантские состояния, а их обладатели мгновенно вошли в роль новых хозяев жизни с соответствующими манерами и стилем поведения. И этот переворот, разрушивший самоуважение и понимание смысла жизни у миллионов людей, также был отнесен на счет либералов, воскресив насаждавшуюся советским режимом подозрительность и неприязнь к ним и найдя вульгарное воплощение в уничижительной кличке «либерасты». В качестве ограниченной аналогии можно вспомнить так называемый *позолоченный век* (gilded age) в США XIX столетия. Но наша ситуация была значительно более драматичной, масштабной и негативной по последствиям.

Другим фактором, имевшим очень сильное негативное влияние на общественное мнение и сознание, был *феномен обманутого доверия*. Во время перестройки возник общественный запрос на реальную демократию и устранение персонажей прежнего режима на всех уровнях власти (чего, как было сказано выше, не произошло). Но все же в политической и деловой элите появились и некоторые новые лица, а лица прежние освоили демократические манеры и стали произносить демократические слова. И люди им, в общем, поверили. К сожалению, вера эта не выдержала проверки реальностью. Хуже того, она цинично эксплуатировалась и нуворишами, и их административными соратниками, и мелкочиновной челядью. Как крайняя форма цинизма возник даже термин «новое дворянство». Причем особенно охотно его стали примерять к себе сотрудники спецслужб!

Разумеется, разрыв между высокими, завышенными ожиданиями и суровой реальностью, порождающий феномен последующего социального разочарования в оценке происшедших перемен, — вещь в период транзита неизбежная. Реальность всегда отличается от романтических надежд и упрощенных идеализированных образов «счастливого будущего». Однако в нашем случае разрыв оказался чрезмерным, неприемлемо большим. И ценой, заплаченной за это, стала *потеря доверия к демократическим институтам как таковым, к социальной справедливости вообще и даже к принципиальной возможности иметь честное правительство.* Одним из последствий стало возникновение нынешнего авторитарного режима. А *страшный рост системной коррупции как имманентной части государственного управления, превращение государства в главного правонарушителя* завершили дело.

Куда смотрели «правовики»?

В данной связи возникает естественный для либералов, да и не только для них, вопрос: а куда смотрели юристы и вообще так называемые правоохранители? Почему они не защищали попиравшиеся права граждан? Однако в нашей реальности этот вопрос, увы, повисает в воздухе. Объем текста не позволяет входить в детали. Поэтому ограничусь краткими соображениями, возникающими при взгляде на сегодняшнее состояние системы.

Холодная бесчеловечность «государевых слуг» особенно драматически и жестоко проявляется в действиях наших так называемых правоохранительных органов (которые во многих случаях уместнее называть правонарушающими). В этическом же плане их действия порой представляют собой просто демонстративное попрание всех моральных норм, элементарных принципов порядочности. Причем это касается не только прямых силовиков, но и инстанций, которые по своему основному назначению должны защищать права и свободы граждан, в том числе — от их попрания силовиками. Я имею в виду суды. Надо сказать, что это не исключительно

российская проблема. И в других странах полиция порой проявляет избыточную, выходящую за рамки закона жесткость по отношению к гражданам, особенно во время протестных акций. Однако в странах реальной демократии и гуманитарной политической культуры суды сплошь и рядом набрасывают на них правовую уздечку с соответствующими последствиями. У нас же, как известно, суды в делах подобного рода самоограничились функцией псевдоюридического оформления неправовых в своей основе действий, являясь, в сущности, лишь завершающим звеном репрессивной системы. Видимо, имеет скрытый семантический смысл то, что в западных странах данная система называется не «силовой», а *law enforcement system*, то есть принуждающей к соблюдению права)¹. За различием в словах стоят разные реалии.

В данной связи представляется очень важным существование у нас принципиально разных морально-психологических типов юристов. Таких типов как минимум два. Одни служат воплощаемым в праве идеалам справедливости, что является главным атрибутом неформального кодекса чести подлинного юриста, другие — начальству, текущей конъюнктуре, своекорыстным карьерным и материальным интересам. Об этой типологии и последствиях отсеивания честных юристов от государственно-властных решений и замене их «чиновниками от юриспруденции» довольно точно написала Е.А. Лукьянова: «В моей стране много высокопрофессиональных независимых экспертов в области права. Но они, как правило, отстранены от принятия государственно-властных решений, потому что в течение 20 лет государство отбирало для себя таких юридических исполнителей, которые были ему удобны... В итоге сформировалось два юридических сообщества, которые говорят на совершенно разных языках и оперируют различными юридическими конструкциями»². И далее она довольно подробно

¹ Подр. см.: Оболонский А.В. Право граждан на уличный протест и полиция: опыт США // Вестник Института Кеннана в России. 2013. Вып. 24. С. 40–49.

² Лукьянова Е.А. О верховенстве права // Труды по руссиеведению. М., 2013–2014. Вып. 5. С. 307.

описала морально-психологические установки «чиновников от юриспруденции» и губительные последствия их доминирования в важных правовых коллизиях. А мне вспомнилась ремарка Ханны Арендт: «Гитлер, говоря, что он с нетерпением ждет, когда профессия юриста станет в Германии позорной, был очень последователен в своей мечте об идеальной бюрократии»¹. Понятие бюрократизированного юриста (или юридического бюрократа, порядок слов не суть важен), к несчастью, весьма применимо к нашей реальности.

Должен заметить, что в связи с этим возникает желание отчасти переосмыслить толстовское негативное отношение к юстиционной системе тогдашней России. Роман «Воскресение» с описанием ее бесчеловечной несправедливости по отношению к Катюше Масловой (по современному говоря — кейс Катюши Масловой) вызвал острую критику и неприятие идеи якобы имманентной незащитности человека, оказавшегося в руках «правовиков», невозможности добиться справедливости в силу самой логики правоприменительной системы и функционирующих в ней людей. И в самом деле, человечество вроде не придумало ничего лучшего для защиты людей, чем механизмы обеспечения соблюдения по отношению к ним норм права. Однако с высоты опыта людей нашего столетия (а вернее сказать — из-под глыб напластований советской карательной юстиции и сегодняшней циничной и безнаказанной правонарушающей полицейской и судебной практики) невольно думается: а может, Лев Николаевич был не так уж и неправ?!

Интуитивный либерализм против государственного прессы

В завершение хотелось бы, однако, добавить немного оптимизма. Основания для этого, на мой взгляд, есть. Одно из них — это возрождение в обществе такой этической установки,

¹ Арендт Х. Ответственность и суждение. М. : Институт Гайдара, 2013. С. 94.

как *запрос на честность и справедливость*. Нынешнее российское общество, как известно, несправедливо во многих отношениях и на всех уровнях. Однако люди, в отличие от прошлых лет, *все менее и менее готовы терпеть эту социальную патологию*, мириться с ней как с якобы непреодолимым фактором. Что проявляется как минимум в двух отношениях.

Во-первых, в *нарастающих волнах протестных выступлений* по разным причинам, чаще всего связанным с политикой, но не всегда напрямую, и порой по отдельным локальным поводам, например экологического, инфраструктурного или градостроительного характера. Причем *неготовность (или даже неспособность) властей к адекватной на них реакции* ситуацию обостряет, усугубляет. Их типичная реакция в большинстве случаев — смесь порожденной страхом жестокости и глупости. Избиения и жесткие задержания полицейскими спецотрядами выходящей на мирные демонстрации молодежи и подростков — за рамками норм даже наших весьма сомнительной конституционности «антиманифестационных» законов, не говоря уж о нормах морали и простой рациональной осмысленности действий чиновных персон. Более того, система последующего формального судебного штампования обвинительными приговорами сплошь и рядом фальшивых полицейских протоколов, по моему мнению, доказывает централизованный характер выбора такой модели реагирования на гражданское выражение оппозиционных мнений и настроений. Разумеется, все это вызывает у молодых людей (и не у них одних) самое негативное отношение к властям с соответствующими последствиями для их легитимности и перспектив выживаемости во все более накаляющемся обществе. Так что полицейская brutality на грани садизма по отношению к мирным протестным акциям контрпродуктивна не только в плане негативных моральных, репутационных последствий для самой власти (этим она, похоже, все больше пренебрегает), но даже и с вульгарно прагматической точки зрения.

Вообще, на мой взгляд, *протест следует рассматривать как естественную форму политического участия (political*

participation), приобретающую повышенную актуальность *либо при отсутствии других эффективных его форм* (как у нас), *либо при неудовлетворенности ими* (например, движение Оссиру в США). Тема гражданского протеста и реакции на него властей представляется одной из ключевых для понимания как общественных процессов, так и существа политического и административного режима страны. Не входя в конкретные причины, вызвавшие протест (они очень разные), отметим, что общая суть протеста — выражение гражданами публичного несогласия с теми или иными действиями властей, пренебрегших, по их мнению, их нуждами и ожиданиями, причем часто в демонстративно оскорбительной по отношению к ним форме. Поэтому обладателям властных полномочий надо наконец понять, что *протестная активность не какая-то опасная патология, угрожающая «основам», а нормальный элемент независимой социальной активности, что, в свою очередь, является условием существования гражданского общества*. А протестующие — его часть. Протест не игра с нулевой суммой, он должен давать выигрыш обеим сторонам. Конечно, государству (если под ним понимать конгломерат чиновников с их специальными интересами) это порой может быть дискомфортно. Но вряд ли это должно быть главным критерием. К тому же если смотреть на протестующих как на врагов или, хуже того, «иностранных агентов», то не исключены самые неблагоприятные сценарии.

Другие примеры интеллектуальной неадекватности власти — манипуляции вокруг выборов. Таковыми были, в частности, отчаянные усилия московских бюрократов среднего уровня изменить в свою пользу неблагоприятные для них результаты муниципальных выборов в 2017 г. Для этого использовался весь набор управленческих ухищрений — от технологических трюков и манипуляций до прямого давления и подкупа членов местных избирательных комиссий (многие факты всплыли, став достоянием гласности). А нужной им полной победы они так и не достигли. Из того же ряда — беспрецедентные и порой выходящие за пределы закона действия разных госструктур по повышению явки на

президентских выборах и выборах московского мэра в 2018 г. И полученные результаты могут убаюкивать лишь совсем недалёковидных людей, которые, впрочем, похоже, преобладают сейчас в среде принимающих решения и обеспечивающих их проведение в жизнь. Фактическое уничтожение реального конкурентного политического процесса, а в последние годы и все большее циничное пренебрежение атрибутами даже имитационной демократии подрывают саму легитимность власти, за что всем нам, очевидно, предстоит расплачиваться, причем во вполне обозримом будущем.

А пример, наиболее, на мой взгляд, наглядно демонстрирующий несоответствие этики поведения полномочных представителей властных структур даже минимальным стандартам приличий, а попросту говоря, отсутствие у них самого понятия чести, — это поощряемое ими систематическое циничное надругательство над памятью бывшего вице-преьера российского правительства Бориса Немцова, сродни пляскам на могиле. Как известно, на Москворецком мосту, на том месте, где он был убит выстрелами в спину, силами добровольцев возник и уже несколько лет поддерживается стихийный народный мемориал: цветы, фотографии Немцова, свечи. Больше того, добровольцы несут там круглосуточное дежурство, круглый год, в любую погоду. И вот этот мемориал регулярно уничтожается, причем по ночам, чтобы свидетелей было поменьше, — либо под фальшивым предлогом очистки тротуара, либо безо всякого предлога, грубо и безжалостно, иногда даже дважды за ночь. Люди вновь и вновь приносят цветы, а прикрываемые властью мародеры их вновь и вновь сметают и увозят. Жалобы и заявления в полицию имеют нулевой эффект. А на все обращения граждан и разных организаций с просьбами установить какой-либо памятный знак на месте убийства следует циничный отказ. Он аргументируется отсылкой к общему правилу о десятилетнем посмертном сроке для этого, хотя закон отнюдь не исключает возможности отступлений от данной нормы: лишь за последние несколько лет в городе установлены монументы и даже названы улицы в память о совсем недавно ушедших людях. Характерно, что

и в этом, и в других сходных случаях власти порой не гнушаются обращаться к услугам реальных подонков и маргиналов, обеспечивая им разные виды прикрытия и даже тем или иным образом поощряя их. Кроме того, боязнь упоминать саму фамилию Немцова наводит на размышления из области то ли патопсихологии, то ли исторической антропологии на тему современной реинкарнации архаического типа сознания, присущего некоторым языческим культам, запрещавшим, табуировавшим произнесение определенных слов и имен.

Во-вторых, я весьма оптимистично оцениваю потенциал *усилий людей с иногда не осознанными, но, по сути, либеральными моральными и психологическими установками сформировать горизонтальные связи, параллельные структуры, не связанные или минимально связанные с государством*. Общий знаменатель, идеологический посыл таких действий — *стать максимально независимыми от государственной бюрократии*. В стране на самом деле есть немало либерально ориентированных людей и их групп. Как правило, это объединения, сообщества не политические в узком смысле слова, а деловые, социальные, благотворительные, культурные, просветительские. Правда, они не консолидированы и часто даже друг о друге не слышали. Более того, многие из них не идентифицируют себя в качестве либералов, а порой и слова такого не знают либо знают лишь его навязываемые официозом негативные и уничижительные коннотации. Но возможна или даже необходима ли «интуитивным либералам» такая консолидация — вопрос отдельный с неочевидным для меня ответом.

Так или иначе, согласно многочисленным социологическим опросам, *люди не доверяют большинству государственных институтов и не верят в «государственный разум», благие намерения и даже просто в честность их персонала*. Государство как гарант нормальной жизни людей, прав и свобод граждан страны себя дискредитировало. А неправдоподобно высокий уровень вербального выражения доверия президенту — вопрос для отдельного обсуждения. Заметим лишь, что персональный культ и даже обожание «вождя народа», «отца нации» и т.п. — вещь эфемерная и непредсказуемая

даже в кратковременной перспективе. Вспомним хотя бы заоблачный уровень популярности и последующее мгновенное падение его до нулевой отметки у таких отечественных политических лидеров, как А.Ф. Керенский (в течение нескольких месяцев он был просто всеобщим идолом, кумиром, его в буквальном смысле слова носили на руках — от петербургских интеллектуалов и эстетов до солдат из окопов)¹, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин. Да и качели цифр путинского рейтинга, не говоря уж о различных интерпретациях их происхождения и степени соответствия реальности, тоже должны наводить на размышления. И в любом случае никакая личная популярность отнюдь не компенсирует низкого доверия к иным государственным институтам и персонам.

А общее недоверие к системе правления, которая стала все больше походить на советскую модель, парадоксальным образом работает на возрождение либеральных ценностей. В этом, на мой взгляд, есть база для умеренно оптимистичного взгляда и надежд на развитие страны по позитивному сценарию. Относительно же времени наступления перемен могу лишь заметить, что современный уровень прогнозирования в социальной науке не дает оснований для особого к нему почтения. Политическая динамика, особенно в таких обществах, как Россия, — вещь почти непредсказуемая. А исторические и страноведческие аналогии, равно как и концепт *path dependence*, имеют, на мой взгляд, скорее когнитивную, ориентирующую, но никак не директивную ценность. Будущее, даже ближайшее, открыто для очень разных сценариев, от самых благоприятных до близких к катастрофичным. И, мне кажется, в любом случае то или иное отношение к либерализму должно будет сыграть в рамках любого из сценариев не последнюю роль.

¹ См.: Колоницкий Б. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М. : НЛО, 2017.

ДМИТРИЙ ТРАВИН

**РАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
В НЕРАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

Текст профессора В.Л. Шейниса, который открывает данную книгу, дает нам качественный и интересный анализ проблем российского перехода к демократии. Можно вполне согласиться с автором, что «во-первых, выход из коммунистического режима лишь подвел Россию к исторической развилке, на которой выбор либеральной демократии в лучшем случае возможен, но не гарантирован; во-вторых, такой выбор может потребовать продолжительного времени, которое предполагает прохождение нескольких развилок и не сводится к однонаправленному демократическому транзиту». В то же время не менее справедлив тезис В.Л. Шейниса о необходимости «отрешиться от представления о том, что реалии сегодняшнего дня даны нам навечно, что выход из них исключен».

Причины формирования автократии

Формирование авторитарного режима в России не было предопределено. Во всяком случае, нет никаких оснований говорить, будто народ в России склонен именно к подобным формам организации власти. Нынешние печальные российские реалии являются следствием сочетания трех обстоятельств: массового разочарования в реформах девяностых, быстрого экономического роста нулевых и некоторых личных особенностей нынешних правителей России. Переход к рыночной экономике оказался сложен для миллионов людей, трудившихся на неэффективных предприятиях и не обладавших навыками, позволявшими быстро сменить рабочее место, на котором не платят зарплату. Рост экономики, наметившийся с 1999 г., сформировал много хорошо

оплачиваемых рабочих мест и вызвал массовые симпатии к политическим лидерам, при которых столь позитивные перемены произошли. Общество вело себя в этом смысле вполне рационально, поддерживая те силы, которые (как они понимали) действуют в их интересах. Ну а политические лидеры предпочли (также по вполне рациональным причинам) использовать рост экономики и массовую поддержку населения для укрепления автократии, а не для развития страны и закладывания фундамента будущих успехов¹.

Из трех факторов, обусловивших нынешнюю ситуацию, один довольно жестко детерминирован особенностями исторического пути России, но два других представляют собой историческую случайность. «Лихие девяностые» не могли быть иными при любой программе реформ, поскольку российская экономика отличалась структурой, совершенно не подходящей для плавного перехода к рынку. Высокая доля ВПК и отраслей тяжелой промышленности, формирующих сырьевую базу для оборонки, большое число предприятий (в сельхозмашиностроении, станкостроении и т.д.), созданных волонтаристски, без учета реальной потребности в них экономики, а также многие другие причины обусловили наличие к началу 1990-х годов такой экономики, в которой не могло не быть тысяч предприятий-неудачников, попавших в бедственное положение при переходе к рынку. Поэтому число людей, недовольных переменами и склонных искать твердую руку для наведения порядка, объективно оказывалось велико².

Но вот экономический рост, фактически легитимировавший автократию, мог начаться значительно раньше или значительно позже 1999 г. Ни азиатский экономический кризис 1998 г., ни быстрый рост цен на нефть в нулевые годы не были жестко запрограммированы. А ведь именно они повлияли на рост ВВП. Если бы, скажем, не случилось кризиса,

¹ Подр. см.: Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года? СПб. : Норма, 2016. С. 7–84.

² Подр. см.: Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь : Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 29–93.

но цены на нефть поднялись еще в середине 1990-х годов, положение дел в российской экономике стало бы выправляться еще при Ельцине и многое в настроениях населения страны могло бы поменяться¹.

Наконец, думается, что, если бы у власти в нулевые годы оказались люди с иным менталитетом, даже объективно складывавшиеся условия для автократии не были бы использованы в столь полной мере. Не стоит, конечно, идеализировать никаких правителей. Всякий политик склонен бороться за власть и держаться за нее, коли уж она ему досталась. Но пример Михаила Горбачева и Бориса Ельцина показывает, что, при бесспорном наличии любви к власти, лидер страны может все-таки сочетать стремление сохранить свои позиции со стремлением развивать страну и обеспечивать в ней позитивные перемены. Стремление правителей полностью подменить реформаторскую деятельность рентоориентированным поведением является не исторической закономерностью, а скорее спецификой конкретной ситуации, сложившейся в России в нулевые годы.

Таким образом, можно, наверное, предположить, что, хотя развитой демократии в России вряд ли удалось бы добиться к настоящему времени и авторитарные начала все равно имели бы место в нашей политической системе, столь жесткая автократия, фактически остановившая развитие страны, не была исторически обусловлена. Примерно так же следует, на наш взгляд, подойти и к анализу проблемы всемирно-исторического транзита от авторитаризма к демократии.

Характер демократического транзита

Существует важный фактор, объективно способствующий этому транзиту. Его можно назвать демонстрационным эффектом. Успех развитых демократий соблазнителен как

¹ О проблемах экономики 1990-х годов подробнее см.: Травин Д. Очерки новейшей истории России : 1985–1999. Кн. 1. СПб. : Норма, 2010.

для широких народных масс, так и для элит. В демократиях в среднем выше уровень жизни, чем в автократиях, больше возможностей для развития, а также лучше обеспечены права собственности и личная безопасность человека. Соблазн демократизации постоянно преследует человечество, однако конкретный характер транзита к демократии всегда зависит от особенностей исторического пути той или иной страны¹. Демократизация — это не путь к мгновенному всеобщему счастью. Это всегда сложный процесс адаптации миллионов людей к совершенно новым для них институтам. И адаптация эта не проходит безболезненно.

Существуют различные группы интересов. Одни группы быстро выигрывают при демократизации, поскольку получают именно то, к чему стремятся, — защиту собственности и личную безопасность, возможность выбрать ту экономическую нишу, в которой личные доходы будут расти наиболее интенсивно. Другие же поначалу проигрывают, поскольку теряют твердые позиции, обретенные в условиях авторитарного режима. Кроме того, проигрывают те, кто не обладает способностью адаптироваться к постоянным переменам, происходящим при демократиях. Неудивительно, что проигрывающие от демократизации группы оказывают ей сопротивление и могут порой надолго затормозить процесс перемен.

На эти объективно существующие проблемы демократизации накладывается целый комплекс информационных искажений, препятствующих адекватному пониманию преимуществ демократии. Эти искажения могут возникать, например, в связи с отдаленностью демократизирующейся страны от Европы или Северной Америки, причем отдаленностью не только географической, но также культурной или административной (создание железного занавеса). Информация, при прочих равных условиях, менее доступна

¹ См.: Травин Д. Почему ищут особый путь... которого нет // «Особый путь» страны: Мифы и реальность / под общ. ред. А.В. Оболонского. М.: Мысль, 2018. С. 98–119.

обществу с низким уровнем образования, менее урбанизированному, хуже технически оснащенному современными средствами коммуникации и т.д.

Таким образом, демократизация — это не прямая дорога в будущее, а скорее узкая извилистая река, текущая по пересеченной местности, огибающая разнообразные преграды и иногда даже останавливающаяся из-за искусственно созданных плотин. В одних странах препятствия могут затормозить ход демократизации на годы, в других — на десятки или даже сотни лет. Невозможно предсказать, как и когда удастся обойти очередное препятствие. Но демонстрационный эффект действует постоянно, и потому постоянно возобновляются стимулы к демократизации даже в тех обществах, которые, казалось бы, плотно застряли в развитии.

В конце XX века российское общество было значительно лучше готово к переменам, чем в его начале. Оно было более урбанизированным, более образованным, более информированным. На него больше воздействовал демонстрационный эффект, а проблемы, порожденные зависимостью от сложного исторического пути России, в меньшей степени тормозили развитие. Конечно, наличие всех позитивных факторов, способствовавших модернизации страны, не означало беспрепятственного хода преобразований. Откат вновь наметился по причинам, о которых говорилось выше. Однако масштабы этого отката сегодня значительно меньше, чем в сталинские годы. Если сталинизм выглядел плотиной, почти полностью остановившей течение реки модернизации, то сегодня скорее можно говорить о необходимости обогнуть естественные складки местности для того, чтобы течь в нужном направлении.

Правда, складки эти серьезные. Не будем сейчас гадать о том, как быстро нынешний авторитарный режим начнет расшатываться и уступит место демократии. Отметим лишь, что ключевым фактором, обуславливающим преобразования, является не классовая борьба, как полагают марксисты, и даже не борьба «холодильника» с «телевизором», как принято нынче говорить, а внутриэлитный конфликт.

Как справедливо отметил в тексте, открывающем эту книгу, В.Л. Шейнис: «В политическом классе происходят противоречивые процессы. В нем стали появляться признаки политической дифференциации. Вероятно, станут увеличиваться внутриэлитные напряжения. Не исключено и переформатирование состава и расстановки сил в государственной системе, как в околоставных, так и в ныне далеких от власти кругах».

Подробнее развивать тему конфликта элит мы сейчас не будем. Отметим только, что на интенсивность его развития воздействует, в свою очередь, множество частных обстоятельств, предсказать появление которых невозможно. Есть тем не менее один важный вопрос, который нуждается в оценке, и именно ответу на него в первую очередь посвящена данная статья. Нынче можно слышать немало скептических комментариев относительно способности российского общества в целом принять демократию. Немало говорят о рабской сущности народа, о природной его предрасположенности к автократии, о так называемой *московитской матрице*, которая отпечатывается на каждом последующем поколении россиян чуть ли не со времен Ивана Грозного¹. На самом деле, как нам представляется, ничего подобного этой матрице не существует, а некоторые нынешние социально-политические обстоятельства, которые публицистика интерпретирует негативно, при ближайшем рассмотрении можно оценить совершенно иначе.

В.Л. Шейнис приводит в своем тексте данные, согласно которым «в настоящее время авторитарный синдром в России (питательной средой которого является подданическая культура), согласно исследованиям «Левада-центра», охватывает около 80% населения. Эти люди не испытывают дискомфорта от жизни в условиях авторитарного режима. Доля представителей либеральной (гражданской) культуры,

¹ См., напр.: Васильев Л.С. *Метаморфозы России. Т. 1 : От вынужденного отставания к самодержавию, дворянам и крепостным.* М. : КДУ, 2016. С. 360–462.

которые не считают авторитарный порядок нормальным, едва достигает 5%. Система ценностей остальных 15% неустойчива и противоречива». Это, бесспорно, очень важная и справедливая характеристика современного российского общества. Попробуем, однако, подойти к этой проблеме с иной стороны. Многие люди вполне комфортно чувствуют себя в качестве подданных. Но означает ли это, что они являются убежденными сторонниками именно авторитарного режима и готовы его поддерживать при появлении тенденций к демократизации? Не будут ли они так же комфортно чувствовать себя и при смене политических условий?

Кто виноват?

С давних пор существует две шуточные трактовки отношений власти и общества. Первая: «Всякий народ имеет то правительство, которое заслуживает». Вторая: «После того, что правительство сделало с народом, оно обязано на нем жениться». Первый подход возлагает вину на общество, неспособное выбрать себе приличную власть. Второй отождествляет отношения власти и общества с изнасилованием или по крайней мере с циничным соблазнением, при котором наивный податливый народ заслуживает скорее жалости, чем осуждения.

Из различия в аналитических подходах следует и различие в практических действиях. Если народ ушербен и сам порождает власть, которая стрижет на нем шерстку, то выходит, что Россия безнадежна. У нас вечно будет застой в экономике, при котором обогащаются лишь махинаторы, устанавливающие взаимовыгодные отношения с властью имущими, а народу будут то возраст пенсионный повышать, то налоги. И значит, каждый, кто не желает так жить, должен скорее бежать отсюда. Если ж проблема в изнасиловании или соблазнении, то в перспективе появляется надежда. Без насильника и соблазнителя жизнь может стать иной, если, конечно, самим не искать приключений на свою голову.

На первый взгляд кажется, будто народ имеет именно то, что заслуживает. На выборы ходим, голосуем, поддерживаем одних и тех же раз за разом, хотя жизнь лучше отнюдь не становится. Подхалимничаем, на коленях стоим перед хозяином, чтобы нас пожалел и обидчиков наших наказал. Трудимся плохо: все норовим к нефти, газу или силовикам пристроиться, где доходы повыше, а работы поменьше... Вот если б народ трудился побольше в тех отраслях, где нет сверхдоходов, где платят мало, но польза обществу большая... Вот было бы хорошо...

Стоп. Мы ведь вроде не коммунизм строим, а рыночную экономику развиваем. И признаем, что работаем за деньги, что хотим нормально кормить семью, иметь уютный дом, машину, а не мечту о том светлом будущем, которое когда-нибудь наступит... или, скорее всего, не наступит. А в рыночной экономике — что в нашей, что в финской, что в американской — люди стремятся вести себя рационально, то есть работать именно там, где выгодно. Другое дело, что в одних странах выгодно создавать бизнес, повышать квалификацию, инвестировать деньги в долгосрочные проекты. А в других — пристраиваться к государству в надежде ухватить хоть маленькую долю той нефтяной ренты, которую в основном распиливают между собой лица, связанные с высшей властью. Наш случай как раз второй.

Проще говоря, получается, что наши люди ведут себя примерно так же, как люди в других рыночных экономиках: ищут, где лучше, и при наличии стимулов готовы вкалывать. Но государство, создав систему антистимулов, вынуждает общество не столько работать, сколько хапать. И люди хапают, как хапали бы на их месте и финны, и американцы, поставленные в аналогичные условия. Рыночное хозяйство при хороших институтах (правилах игры)¹ — это способ стать богаче. Рыночное хозяйство при плохих институтах — это путь к деградации.

¹ См.: Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010. С. 94.

Постояйте, скажет здесь человек, полагающийся, что народ у нас все же неправильный. В экономике, возможно, эти люди ведут себя рационально, почти как западные, но в политике-то они иррациональны. Голосуют постоянно за одних и тех же представителей власти, а значит, за те уродливые правила игры, которые те для них создали. Выходит все же, что народ достоин такой власти, со всеми ее депутатами, бюрократами, «абреками и кунаками».

Согласимся, пожалуй, что достоин. Но если перед нами стоит задача не просто осудить народ и уехать из России подальше, а еще понять, как можно действовать, то вновь степень разочарования в народе снизится. Кремль ведь жестко отсекает сегодня от политического поля всякую альтернативу себе и ставит избирателя в безвыходное положение. Выборы превращаются в формальное голосование без реального выбора, а кажущаяся демократия — в типичный авторитарный режим. И в нем нет особой разницы между тем, голосуем ли мы за одних и тех же представителей власти или, скажем, бойкотуем такой избирательный фарс. Рационально мыслящий избиратель полагает, что если ему предлагают выбрать между реальным лидером, с которым худо-бедно он как-то уже существует почти 20 лет, и группой направленных для участия в выборах клоунов, от которых еще неизвестно чего ждать, то не лучше ли поддержать Путина.

Согласимся, что с моральной точки зрения подобный аполитичный подход к выборам представляется очень плохим. Но, как и в случае с уходом ради больших денег в силовики или газовики, голосование за одних и тех же представителей власти выглядит вполне рационально. Наш избиратель боится хаоса так же, как боится его и преуспевающий гражданин какой-нибудь западной страны. Другое дело, что опасности жизни без патронажа со стороны Кремля современный россиянин сильно преувеличивает, но при такой пропаганде, которая обрушивается на его слабую голову, это неудивительно. И у немцев в 1930–40-х годах возникал хаос в голове при осуществлении массивной

пропагандистской кампании, и у многих других народов, выглядящих сегодня вполне цивилизованными, было нечто подобное.

И немцы, и другие народы бывали вполне достойны тех людоедских правительств, которые себе создавали. И вели себя с этими правительствами вполне рационально. Доходя в своем рационализме до бесчеловечности. Например, убивали евреев, поскольку подобная жестокость тогда поощрялась. А когда власть переменилась, немцы довольно быстро стали строить цивилизованное общество с демократией и толерантностью, причем не только под давлением оккупационных сил, но и по собственному желанию¹. Благо при новой власти это поощрялось. С моральной точки зрения легкость, с которой народ погружается то в зло, то в добро, конечно, отвратительна, недаром немцы по сей день каются. Но если мы сейчас анализируем не проблемы морали, а вопрос о нормальном развитии общества после смены автократии на демократию, то выясняется, что оно вполне возможно.

Так получается, что всякий народ в любой момент может построить демократию, скажет, усмехнувшись, скептик, не верящий в возможности развития России. Нет, конечно, не всякий. Нормальное развитие обычно невозможно тогда, когда в обществе иррациональное поведение откровенно доминирует над рациональным. Ну, например, когда жутко хочется строить коммунизм, хотя здравый смысл подсказывает, что он неосуществим. Или когда молитва рассматривается в качестве способа решения посюсторонних проблем (повышение зарплаты, сдача экзамена и т.д.). Или когда внезапно разыгравшиеся страсти доминируют над разумом.

Лет сто назад в России страсти, молитвы и фантастические мечты широких масс явно доминировали над рациональным стремлением небольшой части общества к строительству рыночной экономики и демократии. А сегодня

¹ Об экономических реформах в послевоенной Германии см.: Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара: М. : АСТ : Астрель ; СПб. : Terra Fantastica, 2011. С. 461–474.

все наоборот. Массы стали весьма рациональны. Кажется порой, что чересчур. Рационализм доходит до конформизма и откровенного приспособленчества. У людей совестливых это вызывает неприязнь. Появляются штампы: «быдло», «ватники», «совки».

Тем не менее, как и другие народы в прошлом, прагматичные, рациональные и конформистски настроенные россияне могут легко превратиться в нормальных граждан цивилизованного мира, когда власть перестанет предлагать нам всякие деструктивные стимулы. Нормальные выборы заставят задуматься о том, какой из кандидатов лучше (как задумывались люди в начале 1990-х годов). Нормальная экономика заставит производить пользующиеся спросом товары (как в конце 1990-х — начале 2000-х годов), а не пристраиваться к жуликоватой бюрократии.

Как из нынешней деструктивной политической системы построить нормальную Россию — это особый вопрос, который в данном коротком тексте мы не рассматриваем. Но то, что народ наш способен к конструктивному развитию при наличии разумных правил игры, сомнений не вызывает.

Почему популярен бунт на коленях?

В последний год было зафиксировано несколько случаев, когда люди встают на колени перед Владимиром Путиным, чтобы президент помог решить какую-то их насущную проблему, например проблему обманутых дольщиков¹. Затем они делают видеозапись своего обращения и выкладывают ее в интернет на всеобщее обозрение. Даже во время прямой линии 7 июня 2018 г. промелькнул на экране один колено-преклоненный россиянин.

Комментарии к этому в социальных сетях всегда однозначны: рабский народ... покорный... не размышляющий...

¹ См.: Обманутые дольщики на коленях попросили Путина помочь [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2018/06/01/halp/>

и абсолютно безнадежный для развития. Более того, подобные комментарии все чаще появляются у нас не только в отношении коленопреклоненных сограждан, но и в отношении сограждан в целом. Небольшая мыслящая часть общества разочаровывается в огромной немыслящей. В той, что хочет патернализма властей и не готова самостоятельно развивать Россию.

Спору нет, стояние на коленях перед барином, царем или президентом — сцена трагическая и отвратительная одновременно. Но интерпретация этой сцены может предполагать и совершенно иные подходы к проблеме. Как ни парадоксально, подобное поведение представляет собой вполне рациональную реакцию на сложившуюся в России трагическую и отвратительную ситуацию, а вовсе не свидетельство векового русского рабства — «бессмысленного и беспощадного».

Давайте попробуем от общих гневных слов перейти к конкретному анализу и задать вопрос, что должны, скажем, сделать обманутые дольщики, чтобы получить шанс на возврат своих денег или приобретение жилья?

Действовать через суд? Иногда это, конечно, помогает, но чаще правоохранительная система охраняет у нас что угодно, только не право. Отчаявшиеся граждане, как правило, через этот этап отстаивания своих прав уже прошли.

Перекрыть федеральную трассу, привлекая к себе внимание? На такой шаг может пойти, скажем, небольшой провинциальный городок, где закрылся завод-кормилец. Но обманутых дольщиков для такой акции маловато. Велика вероятность, что их просто в кутузку сволокут, дабы не нарушали порядок.

Выйти на митинг протеста и заклеить политическую систему в целом? Мы прекрасно знаем, что никакого практического результата это не даст. Такого рода протестные акции работают в демократических государствах со свободной прессой, где отдельный случай нарушения прав граждан может стать поводом для крупного журналистского, а затем и парламентского расследования, на которое власти

вынуждены будут реагировать, чтобы не потерять поддержку народа перед выборами. У нас же выборы выигрываются хорошо известными специфическими способами, и протесты на результат народного волеизъявления никак не влияют.

Что еще можно сделать? Вступить в какую-нибудь демократическую партию и последовательно бороться за свои права? Это, конечно, хорошо для формирования гражданского общества, но к решению конкретной проблемы здесь и сейчас никак не приведет. А ведь у людей проблема столь острая, что им нужен быстрый результат.

Понятно, шансы на получение этого результата в любом случае невелики, но то, что делают у нас коленопреклоненные страдальцы, представляет собой всяко более рациональный вариант подхода к проблеме, чем то, что предлагают обычно политически подкованные граждане, любящие рассуждать о рабской психологии народа. Возможно, политически подкованные люди в целом умнее и образованнее своих несчастных обманутых мошенниками сограждан, а потому просто не попадают в подобные трагические ситуации. Но то, что они советуют делать вместо стояния на коленях, — это наивный и идеалистический подход, никакого отношения к реальному решению проблемы не имеющий.

В авторитарной бюрократической стране проблемы решают совсем иначе, чем в демократической. Обычно посредством «доступа к телу», при помощи которого можно договориться с высокопоставленной персоной о тех или иных условиях получения нужного результата. Как получает такой результат бизнес, мы все прекрасно знаем. Взятки, откаты, распилы. Бизнес, который имеет что дать «телу», обычно имеет и неплохие шансы на доступ к нему и на достижение договоренности. Но как вести себя, опять же, обманутым дольщикам?

Естественно, какому-то небольшому числу страдальцев Путин может помочь, чтобы показать народу, какой он добрый, заботливый и любящий «царь». Поэтому реальной задачей людей, желающих решить свою проблему, а не просто поболтать о ней, является привлечение внимания

президента. Они должны победить в конкурентной борьбе за «царскую милость» сотни тысяч таких же страдальцев. То есть перед ними фактически стоит задача в области пиара. Весьма конкретная, практическая и требующая нестандартного подхода. Именно эту задачу и решает стояние на коленях с последующей раскруткой ролика в интернете. Необычность и возмутительность сюжета сами по себе привлекают внимание и повышают шансы на успех. Надо признать, что это стандартный маркетинговый ход, который не возмущает нас в том случае, когда используется для рекламы колы или сосисок.

В общем, никакого проявления рабской психологии народа в коленопреклонении нет. Люди ведут себя ужасно... но при этом значительно более рационально, чем мудрецы, предлагающие выходить на протестные акции и бороться за свои права по не работающим у нас европейским стандартам.

Что в голове у коленопреклоненного народа, мы не знаем. Ненависть к тем, кто довел его до такого состояния, или апатичное отношение ко всему, что лично страдальцев не касается? Надежда отомстить когда-нибудь за свои унижения или же безразличие к тому, что случится со страной в будущем?

Иногда, впрочем, глубоко запрятанные чувства выходят наружу. Так, одна из коленопреклоненных групп, принимая свою смиренную позу, поинтересовалась, не стыдно ли Владимиру Владимировичу за то, что они вынуждены делать? Комментаторы данной сцены часто вспоминали жителей города Глупова, которые знали, что бунтуют, но не стоять на коленях при этом не могли. Салтыков-Щедрин, создавая сей впечатляющий образ, еще не представлял себе, как поведут себя глуповцы в дальнейшем. А мы зато хорошо представляем. Через несколько десятилетий они устроили революцию, сожгли губернаторский дворец, расстреляли местное дворянство, обчистили купчин и отправили в ГУЛАГ попов, которые долгое время страшали глуповцев всякими небесными карами. К счастью, в современных условиях подобное поведение по описанным выше причинам маловероятно.

Ковер-самолет или савраска?

Итак, мы пришли к выводу, что борьба за демократию обществом воспринимается сегодня как нечто нерациональное и не решающее актуальных проблем. Но это не единственное объяснение сложившейся в России ситуации. Следует обратить еще внимание и на особенности мышления широких слоев населения.

Человеку модернизированного общества свойственно мыслить абстрактно. И нам иногда кажется, будто это свойство должно быть присуще всем. Отсюда порой наше недовольство значительной частью российского населения, которая приросла к «ящику» и просто впитывает ту информацию, которую ей вкладывают в голову. Казалось бы, так ли уж сложно усвоить мысль о преимуществах демократии? Так ли уж сложно понять, что пора выступить против манипулирования, которое регулярно совершается?

На самом деле действительно сложно. Поскольку человеку традиционного общества абстрактное мышление не вполне свойственно. И это вовсе не означает, что он глуп, что он «ватник» или «быдло». Частота использования грубых эпитетов в последнее время говорит скорее о том, что мы плохо понимаем то общество, в котором живем. А общество это, находящееся в состоянии модернизации, обладает одновременно чертами современными и традиционными. Как обладало ими в свое время любое модернизирующееся общество — английское, французское, немецкое...

Человек традиционного общества отнюдь не глуп, но он мыслит весьма конкретно. Он решает сегодняшние задачи, поскольку именно это ему нужно для выживания. А постановка абстрактных проблем не имеет для него смысла.

Что лучше — выходить на митинг за демократию или ходить по высоким кабинетам, выклянчивая какие-то положенные вроде бы по закону льготы? Вопрос этот для человека с мышлением традиционного общества выглядит примерно так же, как стоит ли мечтать о ковре-самолете или запрягать савраску в старую телегу. Нам ведь и самим ясно,

что демократию в нынешней политической системе быстро не построишь, что демократизация — процесс долгий, сложный и чреватый разного рода катаклизмами, возникающими на тернистом пути. Человек с абстрактным мышлением, свойственным современному обществу, понимает тем не менее, что нужно идти по этому пути ради детей и внуков, ради того, чтобы Россия изменилась в лучшую сторону, хотя бы и за пределами нашей жизни. Но для человека с традиционным мышлением такого рода проблемы не существует вообще. Ему требуется конкретный результат — здесь и сейчас. Запряг, поехал, привез дрова.

Почему нам так важно понимать, что подобное мышление — это не глупость, не зомбированность и не интеллектуальная лень? Потому что, как только вопрос о трансформации политической системы переходит из стадии абстрактных разговоров в конкретную плоскость, поведение многомиллионной массы с традиционным мышлением быстро меняется.

Неоднократно замечали уже, что прочные, казалось бы, авторитарные режимы рушатся за месяц, как только широкие массы начинают видеть конкретную альтернативу. Бесконечные и безнадежные митинги за демократию этим массам не привлекают, но стоит лишь появиться конкретному кандидату, способному оспорить позиции автократа во власти, множество «зомбированных людей» мигом прозревает и переходит на противоположную сторону. Подобный поворот, конечно, не гарантия демократизации (это тема отдельного разговора), но яркая иллюстрация того факта, что миллионы людей вполне способны к принятию рациональных решений в своих интересах, если только видят в этом реальный смысл.

Такого же рода проблема порождает нашу сегодняшнюю изоляцию от развитого мира. Казалось бы, не так уж трудно понять, что экономические провалы России связаны с внешнеполитическими действиями последних лет. Нарушение международных норм порождает санкции. Санкции влекут за собой плохую репутацию. Плохая репутация

страны негативно влияет на инвестиции. Отсутствие инвестиций — это отсутствие современных предприятий с высокооплачиваемыми рабочими местами. А если нет рабочих мест, то нет зарплат и налогов, нет поступлений в бюджет, нет средств для пенсий, для поддержки культуры, образования, здравоохранения.

Интеллектуальная цепочка, включающая всего лишь пяток звеньев, позволяет объяснить, почему мы живем значительно хуже, чем хотелось бы. Однако традиционное мышление, склонное к конкретике, не способно строить даже такие простенькие интеллектуальные цепочки абстрактного свойства. Они ему ни к чему. При этом непосредственно на своей работе человек вполне способен приходить к гораздо более сложным умозаключениям, поскольку от них зависит его зарплата. Все, что связано с производством, с продажей товаров, с умением угодить клиенту или начальнику, российское общество освоило в пореформенную эпоху достаточно быстро, хотя еще в начале 1990-х годов хватало пессимистических прогнозов насчет того, что русские не смогут адаптироваться к рынку и будут лишь водку жрать да мечтать о молочных реках с кисельными берегами.

Конкретика во внешнеполитических сферах предполагает цепочку из одного лишь звена: Запад не уважает — нам обидно. Обида эта сродни той, что чувствует человек, болеющий за проигрывающую футбольную команду. И вся внешняя политика превращается для россиянина, не обладающего абстрактным мышлением, всего лишь в большой футбольный матч. Нам забili — обидно: мы вроде как слабые. Мы забili — приятно: мы вроде как сильные. При этом выражение эмоций оказывается никак не связано с реальной жизнью. Болельщик проигравшей команды может, несмотря на испытываемое им чувство обиды и горечь поражения, быть в реальной жизни вполне успешным человеком. Ведь футбол на экране с этой жизнью не связан. Точно так же наш «внешнеполитический футбол», который зритель наблюдает на экране в новостных и аналитических программах, никак не связан для него с реальной жизнью. Зритель болеет за

наших в Крыму, в Сирии и в других горячих точках, и в его голове «зрелище» оказывается не связано с реальностью.

Выяснение отношений в связи с обидой на соседа — очень характерная для традиционного общества картина. Беседа за стаканом на тему «Ты меня уважаешь?» может быстро привести к мордобою. Однако из этого не следует, что человек, подравшийся сегодня с соседом, завтра сочтет его своим врагом. Если люди живут в одной общине и должны совместно решать конкретные задачи по выживанию, то, протрезвев, они, скорее всего, забудут про вчерашние конфликты.

Сегодня ты враг, завтра ты друг. Все очень конкретно и ситуативно. Выработать абстрактное понятие «враг» человеку традиционного общества довольно сложно, поскольку это предполагает абстрактные размышления о том, почему некоему человеку нужно всегда строить против тебя козни. В действительности чужак, которого ты не понимаешь, с большой степенью вероятности становится врагом, но, как только у тебя с ним появляется общее дело (совместная оборона, торговля, строительство дамбы и т.д.), враг исчезает.

Это, в частности, объясняет, почему европейские страны, веками воевавшие друг с другом, смогли довольно быстро (по историческим меркам) перейти к сотрудничеству в Евросоюзе. Это же объясняет, почему Россия тоже сможет довольно быстро наладить отношения со своими соседями, когда политические решения властей перестанут нас искусственно разводить по разным лагерям и сформируют базу для экономического сотрудничества. Превращение внешней политики из «футбола», за которым следят по телевизору, в сферу реальных хозяйственных взаимоотношений, касающихся миллионов российских граждан, будет способствовать усложнению логических цепочек и превращению проблем, которые нынче кажутся обывателю совершенно оторванными от жизни, в проблемы реальные, влияющие на его доходы, на благосостояние семьи, на уровень жизни.

Что впереди?

Говоря о необходимых нам переменах, мы обычно имеем в виду преобразования институтов. Но в теории модернизации выделяется еще один важный момент, без которого преобразования невозможны: способность общества адаптироваться к переменам, в том числе к тем, которые произойдут в ходе будущих реформ.

Если с институтами у нас благодаря длительному игнорированию властями проблемы реформирования экономики дело обстоит плохо, то с адаптацией граждан к переменам — более-менее нормально. Еще трудные девяностые показали, что народ перемены проклинает, но вымирать упорно отказывается — адаптируется несмотря ни на что. Как справедливо отмечал тогда Егор Гайдар, «люди повзрослели. Они готовы ради нормальной жизни не митинговать, не бунтовать, а работать... Люди проявляют повышенную социально-экономическую и трудовую активность. Одно из главных завоеваний этих лет — с сонной одурью на работе, характерной для брежневского и предыдущего периодов, покончено»¹.

В те годы адаптация была самой что ни есть примитивной, но вполне работоспособной. Сразу после гайдаровской реформы люди, потерявшие привычный заработок, бросились подхалтуривать. Вчерашние инженеры становились челноками. Вчерашние люди в погонах — бандитами, крышующими новоявленных предпринимателей. Простые мужички калымили на своих машинах, развозя днем и ночью пассажиров. Простые бабульки высыпали в людные места с продуктами, продавая батоны тем самым калымящим мужичкам, у которых не было времени найти магазин. Поначалу бабульки стояли с одним батонem (поскольку на второй уже не было «оборотного капитала»), но со временем превращались в «акул капитализма». Русский капитализм тогда был диковатым, но адаптивным.

¹ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М. : Евразия, 1995. С. 177–178.

Понятно, впрочем, что такая адаптация не слишком хороша. Она характерна для уходящих поколений. Для тех, кто выросли в старой системе и не обрели навыков адаптации. К возникшей в пореформенное время сложной ситуации эти люди стали приспосабливаться не потому, что умели жить по-новому, а лишь благодаря своей жизненной силе, не дававшей им забиться в угол и скулить от жалости к себе.

Новые поколения стали адаптироваться иначе. Они с самого начала привыкали к мысли, что ничего гарантированного в этом мире нет, а потому надо обладать навыками, которые позволят временами менять работу и место жительства, да, возможно, и привычный образ жизни. Надо улыбаться клиенту и начальству. Надо работать там, где есть деньги. Надо исходить из имеющихся возможностей, а не следовать механически раз и навсегда избранной жизненной цели.

Подобная адаптация новых поколений к рынку идет и сейчас, несмотря на всю застойность нынешней авторитарной системы. Прогрессивные реформы власть остановила, чтобы не осложнить себе жизнь, и тем самым затормозила модернизацию. Но остановить склонность молодых людей адаптироваться к реальности совершенно невозможно. Это все равно что остановить саму жизнь — переменчивую, нестабильную, склонную то бить ключом, то бить по голове.

Правда, нынешняя адаптация тоже не без греха. В искаженной экономике рационально мыслящий человек и адаптируется с искажениями. Наукой, на которую власти махнули рукой, занимается все меньше людей, а в госкомпаниях и в силовиках, как отмечалось выше, устремляется все больше. Минусы этого поведения очевидны. Но так бы вели себя при похожем авторитарном режиме и немцы, и англичане, и американцы — представители наиболее модернизированных обществ. В стране с уродливыми правилами игры игра неизбежно будет уродливой. Поэтому нам нужны реформы. Плохая новость состоит в том, что их при нынешней политической системе мы уже, наверное, не дождемся. Но хорошая новость в том, что молодые люди, которые рано или

поздно окажутся в ситуации перемен, будут к ним готовы лучше, чем поколения, столкнувшиеся с преобразованиями в 1990-х годах.

Что это означает для будущих реформаторов? К тому времени, когда в России откроется наконец окно политических возможностей для осуществления перемен, у нас сложится ситуация, с одной стороны, похожая на ту, что сложилась к началу 1990-х годов, а с другой — совершенно непохожая.

Похожей она будет в том смысле, что многие рабочие места придется ликвидировать, поскольку нормально развивающаяся страна не может нести столь большого бремени ВПК, армии, правоохранительных органов, неэффективных госкомпаний, коррумпированного чиновничества. Конечно, масштабы структурной перестройки будут значительно меньше, чем в прошлом. Но все же некоторые люди неизбежно станут терять работу.

Непохожей ситуация окажется в том смысле, что по своим взглядам «жертвы» новых реформ будут людьми иного типа, чем их дедушки. И, оказавшись в похожем положении, желать они будут совсем иного, чем «жертвы» реформ минувших лет.

Парадоксальность положения страдальца 1990-х годов, состояла в том, что он не знал и не мог знать, как правильно ему адаптироваться к новым условиям, но при этом в большинстве случаев не склонялся к левой идеологии. Возвращения к социализму основная часть населения не желала, слишком еще свежи в памяти были товарные дефициты и унылое идеологическое давление. То, что люди не хотели возврата к прошлому, показали и результаты апрельского референдума 1993 г., и голосование (через не хочу) за разочаровавшего уже к 1996 г. президента Бориса Ельцина, и отсутствие искренних симпатий к КПРФ, которую хоть и поддерживала значительная часть населения, но все же без особых надежд.

Люди той эпохи были деморализованы сложными и непонятными им обстоятельствами. Они в равной степени не хотели и левого поворота, и тех реформ, которые

приходилось терпеть. Отсюда проистекает, кстати, быстрое увлечение в нулевые годы Владимиром Путиным, при котором и доходы подросли, и возврата к пустым прилавкам не случилось.

Парадоксальность положения будущих страдальцев состоит в том, что они смогут гораздо легче адаптироваться к новым обстоятельствам, но при этом склонны будут, по всей видимости, к левому повороту в политике. Необходимость адаптации к переменам станет для них неприятным, но вполне понятным сюрпризом, поскольку они выросли уже в мире, где все постоянно меняется. А склонность к левизне станет определяться тем, что нынешний режим, с его правоконсервативными ценностями, клерикализмом идеологов, цинизмом правителей и очевидной несправедливостью социального устройства, будет к тому времени вызывать примерно такое же моральное отторжение, какое в свое время вызывал брежневский режим.

В принципе, это не такая уж плохая ситуация для реформ. Если в 1990-е годы российские власти при сохранявшейся долгое время либеральной риторике быстро перешли к довольно левой по своей сути социально-экономической политике (уровнительные пенсии, государственные подачки неэффективным предприятиям для бессмысленного сохранения трудового коллектива, денежная эмиссия, обесценивающая честно заработанные сбережения), то в новых условиях подобная политика вряд ли будет восприниматься «жертвами» структурной перестройки с удовлетворением. Люди, умеющие адаптироваться к трудностям, скорее пожелают, чтобы им дали возможность найти себя на новом месте, чем захотят получить подачки, позволяющие доживать свою жизнь в нищете, ничего толком не желая и кляня судьбу за внезапно свалившиеся с неба перемены. Таким образом, реформы будущего для адаптации к ним населения потребуют на практике скорее либеральных мер, чем популизма. Но вот в риторике симпатии к левым идеям, к мерам по снижению неравенства, к проведению антиолигархической политики постепенно начнут доминировать.

ТАТЬЯНА ВОРОЖЕЙКИНА
РАЗВИЛКИ ИСТОРИИ:
БЫЛ ЛИ (ЕСТЬ ЛИ)
У РОССИИ ВЫБОР?

Четверть века, прошедшая с октября 1993 г., времени, когда была пройдена решающая развилка в постсоветской истории России, заставляет вновь и вновь возвращаться к вопросу, был ли возможен иной результат процессов трансформации, начатых в 1985 г., или же та социально-экономическая ситуация, тот политический режим, то состояние общества, в котором Россия находится сегодня, были предопределены ее предшествующей историей, исторической колеей, зависимостью от траектории предшествующего развития (path dependence). Можно ли извлечь уроки из прошлого, которые позволили бы избежать или минимизировать «эффект колеи» в будущем?

Предпосылки перестройки:
государство и общество

Перестройка была порождена кризисом традиционной для России государственно-центричной модели развития¹, в рамках которой государство (власть) играло центральную роль в формировании экономических, социальных и политических отношений. При этом государства в западном (либеральном) смысле этого понятия — как системы публичных институтов — в России не сложилось. Публичный характер государственных институтов предполагает их безличный характер, независимость от частных интересов

¹ См.: Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // Общественные науки и современность. 2001. № 6.

носителей власти, а также общеизвестные и одинаковые для всех правила игры. Напротив, государство в России на протяжении последних 500 с лишним лет — это структуры патримониальной власти, подчиненной частным экономическим и политическим интересам ее носителей, суть которой составляет самодержавие. Самодержавие в принципе исключает сколько-нибудь устойчивые публичные институты, независимые от воли высшего властителя или правящей группы и представляющие интересы, которые присутствуют в обществе. Таким образом, возникла очень устойчивая, воспроизводящая себя в разные исторические периоды система отношений господства, основанная на практически не ограниченном произволе и насилии со стороны власти, ее институтов и персонифицирующих ее групп. Эта система господства, основанная на «оголенных, неинституционализированных властных отношениях»¹, в течение российской истории неоднократно воссоздавалась после краха и распада государства.

Непубличный, неинституционализированный характер власти обуславливал две важнейшие особенности российского развития. Во-первых, это *единство власти и собственности*. Именно власть является в России наиболее надежным источником личного благосостояния ее носителей, которые стремятся в принципе исключить возможность появления независимых от власти центров экономического влияния. Коррупция в этих условиях носит системный характер — она представляет собой важнейший, несущий элемент всей конструкции власти-собственности. Во-вторых, это *подчинение общества и индивида государству*, то есть системе частной власти. Российская власть справедливо видит для себя угрозу в автономизации общества и систематически стремится разрушать механизмы социальной интеграции и самоорганизации общества.

¹ O'Donnell G. Delegative Democracy // Counterpoints: Selected Issues on Authoritarianism and Democratization. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1999. P. 164.

Речь идет о государстве всепроникающем и одновременно подавляющем самостоятельное развитие общества. Эта модель развития сложилась в XVI веке, и последующие столетия ее истории лишь акцентировали господство государства над обществом и, соответственно, отсутствие или крайнюю слабость собственно социальных механизмов самоорганизации общества. Это в особенности относится к периоду петровских реформ, тридцатилетнему правлению Николая I и сталинскому этапу советской истории. В более спокойные периоды тяга власти к тотальной регламентации, мобилизации и полицейскому контролю над обществом ослабевала или же власть начинала — по собственной инициативе или под давлением снизу — либеральные реформы, дарующие части общества определенные права или оставляющие ему возможности и пространство для самоорганизации. Однако даже в такие периоды власть с большим трудом воспринимала человека, общество вне их государственного бытия как подданных, рассматривая народ главным образом в качестве пассивного (или враждебного) материала для реализации начальственных идей и распоряжений. Реформы в России заканчивались, как правило, или контрреформами, или всеобщим кризисом и распадом государства. Самодостаточность государства в России, его центральная роль в формировании, кристаллизации всех общественных отношений закономерно приводили к тому, что российская государственная машина на протяжении своей истории не могла адекватно адаптироваться к меняющимся внешним условиям, трансформироваться изнутри.

Важнейшая причина постоянного воспроизведения на протяжении российской истории одного и того же типа власти — ее *отношения с обществом*. Государство, власть, политический режим традиционно выступали в России фактором, препятствовавшим самостоятельному структурированию общества и подавлявшим его самоорганизацию. Чем более аморфным и несамостоятельным было общество, тем большее число организационных и трансформационных задач ложилось на государство. Складывался порочный

круг: чем более всеобъемлющим и проникающим становилось государство, тем более рахитичным и неструктурированным оставалось общество. Такое общество не только не в состоянии было осуществлять контроль над государством, но и не могло обеспечивать ему сколько-нибудь эффективную обратную связь. Между государством и обществом не возникало динамического равновесия и эффективных институциональных каналов взаимодействия, которые позволяли бы своевременно решать возникающие противоречия как внутри государства и общества, так и между ними. В итоге российское государство обладало очень слабой внутренней трансформационной способностью (или не обладало ею вообще) и периодически разрушалось под гнетом собственного всемогущества и одновременно бессилия, как это было в начале и в конце XX века.

При этом на протяжении пяти веков своей истории российское государство выступает по-преимуществу как *слабое государство*. Громоздкое, дорогостоящее, пронизанное коррупцией, оно было слабым и неэффективным в решающем институциональном измерении любого государства, а именно в способности проникать в общество и осуществлять там какие-либо стратегии, кроме тех, что основаны на насилии и устрашении. Такое государство было способно только разрушать общественную ткань, но не модернизировать общество, поскольку само это государство во всех его конкретно-исторических формах оставалось глубоко традиционалистским и патримониальным.

В таких условиях общество в России имело аморфный, неструктурированный, слабо дифференцированный характер¹. По сути дела, общество всегда принимало у нас ту форму,

¹ Л.Д. Гудков подчеркивает, что становление современного общества предполагает «непрерывно идущие процессы *структурно-функциональной дифференциации социально-групповой и институциональной систем* и появление более сложных систем интеграции и обмена, коммуникации между отдельными подсистемами» (Гудков Л.Д. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1 (93). С. 9).

какую устанавливала для него власть, как тесто принимает форму квашни, или же кристаллизывалось вокруг «стержней», опущенных властью внутрь массы, которую вряд ли корректно называть «обществом». Это было результатом, с одной стороны, последовательного разрушения государством любых независимых от власти форм общественной самоорганизации, с другой — слабости, аморфности общества, всегда обращавшегося к власти в поисках вождя или спасителя. Иначе говоря, слабость государства и слабость общества в России взаимно усиливали друг друга, блокируя процессы социальной и политической модернизации, то есть создания структурированного саморегулирующегося общества и правового государства. Решающая роль в этой блокировке принадлежит власти, которая в любой самоорганизации общества — экономической, социальной, политической — всегда усматривает для себя угрозу. Как только общество демонстрирует, что оно способно существовать без постоянного контроля всепроникающего государства, последнее, как правило, начинает этому активно противостоять.

Более того, в течение последних трехсот с лишним лет все попытки осуществления таким государством экономической модернизации, несмотря на краткосрочные успехи, в долгосрочном плане были не только неудачными, но и усугубляющими именно те черты и особенности развития страны, которые препятствуют превращению ее в современное (модерное) общество. Форсированное *экономическое* развитие по европейским, казалось бы, образцам, как правило, приводило в России к очевидной демодернизации *социальных* отношений. Так, реформы Петра I, прорубившего «окно в Европу», привели не только к усилению крепостничества и его распространению на прежде независимые категории крестьянства¹, но и к подчинению государству, власти всех

¹ «Законодательство Петра... загнало в крепостную неволю целые разряды свободных лиц и уравнило все виды неволи близко к типу полного холопства. Так оно отбрасывало общество далеко назад, к знакомой на Руси исстари греко-римской норме: “Рабство неделимо; состояние рабов не допускает никаких различий; о рабе нельзя сказать, больше или меньше

остальных сословий общества. Ускоренная вестернизация образа жизни и культуры российского дворянства в начале XIX века происходила на фоне усиления крепостничества как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Первые появившись по инициативе государства в XVIII веке, промышленный труд на крепостной основе в XIX столетии проник в сферу вотчинного промышленного производства¹. По этой же модели происходила сталинская индустриализация: экономическое развитие и усиление военной мощи СССР осуществлялись за счет подневольного труда заключенных, фактического закрепощения крестьянства и тотальной несвободы всего населения.

Процессы модернизации очень мало затрагивали доминирующий в России тип человека и совсем не затрагивали механизмы общественной интеграции и взаимоотношений государства и общества. Между тем именно изменение общества и человека является центральным звеном успешных процессов модернизации в Европе и Северной Америке². Становление общества, обладающего собственными, внутренними (отличными от государственных и несводимыми к ним) механизмами интеграции, и появление автономного типа личности в развитых странах было не столько результатом рыночных отношений, сколько условием успешного развития капитализма³. Модернизация, несомненно,

он раб⁷». Но зато Петр положил податную таксу на право рабовладения, обложив всякую мужскую холопью душу государственным тяглом под ответственность владельца. Петр думал о своей казне, а не о народной свободе, искал не граждан, а тяглецов, и подушная перепись дала ему не одну сотню тысяч новых тяглецов, хотя и с большим ущербом для права и справедливости» (Ключевский В.О. Русская история : Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. М. : Мысль, 1997. С. 542–543).

¹ См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998, С. 517–527.

² См.: Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные : Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : АСТ, 2016.

³ См.: Novak M. Rediscovering Culture : (A review of Culture Matters: How Values Shape Human Progress, ed. by Lawrence Harrison and Samuel P. Huntington) // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12, N 2. P. 168–169.

комплексный процесс, с разной скоростью развивающийся в различных сферах: экономической, технологической, социальной, культурной, политической. Однако именно в социокультурной сфере совершается (или не совершается) та решающая трансформация, которая делает необратимой технологическую, экономическую и политическую модернизацию. Смысл этой трансформации заключается, по выражению Б.В. Дубина, в становлении *свободной социальности*, иначе говоря общества, где преобладают горизонтальные связи и отношения и где государство является «продолжением» общества и подотчетно ему. С этой точки зрения становление современного (модерного) общества и его отделение от государства является важнейшей предпосылкой и содержанием всех остальных модернизаций¹.

Советская система стала предельным выражением государственно-центричной модели; внутренняя эрозия и кризис советской системы свидетельствовали об исчерпании этой модели к середине 1980-х годов. Это выражалось в нарастающей экономической стагнации, в фактической утрате государством контроля над экономическим развитием (феномен «бюрократического рынка»); в повсеместном распространении системы частных патрон-клиентских отношений, вовлекавших значительную часть населения в разветвленную систему обмена товарами и услугами на личной основе, помимо формальных каналов государственного распределения; в обветшании механизмов социального и идеологического контроля государства над обществом. Если в сталинский период государство, применяя насилие, проявляло достаточно высокую степень способности проникать в общество, воздействовать на социальные отношения и перераспределять ресурсы, то в 1960–70-е годы разросшееся, неповоротливое и перегруженное функциями государство все в меньшей степени было способно достигать поставленных целей и успешно

¹ См.: Ворожейкина Т.Е. Перспективы и тупики российской модернизации // Пути России: культура — общество — человек / под ред. А.М. Никулина. М.: МВШСЭН, 2008.

осуществлять намеченные стратегии. Ключевая для данного типа взаимоотношений государства и общества проблема — управляемость общественным развитием — становилась все менее разрешимой. Это стало важнейшим фактором кризиса середины 1980-х годов.

Перестройка: возможные альтернативы

Перестройка стала самой значительной в XX веке попыткой вывести страну за пределы зависимости от траектории предшествующего развития, за пределы государственно-центричной модели. Политические преобразования, осуществленные в 1987–1991 гг. по инициативе и под руководством М.С. Горбачева: гласность, внутренняя демократизация правящей партии и, главное, проведение первых свободных и конкурентных выборов в высшие органы государственной власти, — создавали условия для формирования современных институтов, деперсонализации государства, разрыва с самодержавной моделью власти.

Начатая как *либерализация сверху*, перестройка разбудила общество, вызвала к жизни разнообразные тенденции самоорганизации и автономизации общества по отношению к государству. Гласность, разрушившая идеологическую монополию государства, растущая неэффективность, растерянность, а затем и кризис властных структур способствовали тому, что общество начало стремительно освобождаться от обветшавшей государственной оболочки; существовавшие в нем интересы, взгляды, мифы и фобии начали выходить на поверхность, все чаще принимая организованные формы. Будучи весьма пестрым по составу, неформальное движение второй половины 1980-х годов шло снизу, из общества, переплетаясь и взаимодействуя, иногда довольно причудливо, с идеологическим и политическим размежеванием в верхах. Возникла публичная арена, свободное пространство общественного диалога, которое постепенно превращалось в пространство зарождавшегося гражданского общества, где

формировались разнообразные гражданские инициативы — от экологических ассоциаций и организаций общественного самоуправления до объединений в поддержку гласности, защиты прав и достоинства человека. Это свидетельствовало о том, что российское общество, несмотря на крайне неблагоприятные условия своего исторического существования и развития, сохраняло, пусть и в латентном виде, потенциал самоорганизации. Тенденции к самоорганизации, к самостоятельному структурированию общества могли быть слабыми, разнонаправленными, плохо артикулированными, противоречивыми, но они существовали и неизбежно усиливались в условиях слабости или распада государственных механизмов контроля и управления.

Сопrotивление консервативной части советской номенклатуры, кризис властных структур, высвобождение общества из-под контроля государства не позволили осуществить перестройку как постепенную трансформацию советской системы изнутри. Этому в решающей мере препятствовал и экономический кризис, ставший результатом как полного исчерпания резервов старой административно-хозяйственной модели, так и половинчатых попыток ее реформирования. Попытки сочетать сохранение стабильных цен с расширением самостоятельности предприятий, быстрым ростом кооперативного сектора и либерализацией внешней торговли вели к ослаблению финансовой политики государства, устойчивому превышению доходов населения над расходами, к ускорению инфляции, расстройству денежного обращения и потребительского рынка. Включение отдельных элементов новых рыночных отношений в старую административно-хозяйственную систему привело к тому, что с конца 1988 г. эта система начала все больше и больше работать вразнос. Таким образом, путь постепенной эволюции экономической и политической системы в направлении ее либерализации и демократизации, без потери контроля и управляемости со стороны правящих групп путем последовательного смещения внутреннего баланса власти в пользу реформаторской части советской номенклатуры оказался закрыт.

Возможен был и иной вариант демократической трансформации советской системы, который опирался бы на союз реформаторской части номенклатуры и демократического движения. То, что этот союз не состоялся, связано не с историческим предопределением, не с отсутствием и слабостью демократического движения (хотя, несомненно, оно было слабым), а с субъектной недостаточностью лидеров как реформаторской части номенклатуры, так и демократического движения. С тем, что логика сиюминутной политической целесообразности заставляла обе стороны использовать советские средства политической борьбы, лишая тем самым возникавшие политические институты сколько-нибудь долгосрочной демократической перспективы. Причина этого заключается в том, что обе стороны относились к формировавшемуся массовому демократическому движению чисто инструментально, ни для кого из них оно не представляло самостоятельной ценности. Если М.С. Горбачев относился к этому движению как к силе поддержки перестройки, то лидеры демократического лагеря рассматривали его как средство давления в их борьбе за доступ к рычагам государственного управления.

Политические реформы 1988—1989 гг. (альтернативные выборы партийного руководства и в советские органы, демократизация избирательной системы) в сочетании с гласностью и активизацией общества разрушили вертикальную систему организации последнего и управления им. Перед партийной и советской номенклатурой встал вопрос: сопротивляться реформам, очевидно подрывавшим ее власть и экономическое могущество, или попытаться оседлать и возглавить этот процесс? Та часть партийной номенклатуры, которая не видела для себя возможности трансформации власти в собственность и личное обогащение, выступила против горбачевского курса, создав в 1990 г. собственную Коммунистическую партию Российской Федерации и приняв в августе 1991 г. попытку государственного переворота. Другая, несравненно более многочисленная и влиятельная часть номенклатуры, выбрала путь конвертации

власти в собственность. Для этого было необходимо не только удержать власть, но и отобрать ее у становившегося все более слабым союзного центра во главе с М.С. Горбачевым. Союз лидеров демократического движения и стремительно трансформировавшейся номенклатуры во главе с Б.Н. Ельциным оказался в этом столкновении победителем. Ему удалось объединить вокруг себя — под демократическими лозунгами — большую часть населения России.

В исторической ретроспективе победа «демократов» в 1990–1991 гг. во многих отношениях оказалась пирровой. Добрая воля и добрые намерения М.С. Горбачева, его стремление решать сложнейшие политические, экономические и национальные проблемы путем согласования интересов и поиска консенсуса очевидно противоречили исторической традиции, доминировавшей в стране: решать проблемы сверху, разрубая гордиев узел. Б.Н. Ельцин оказался гораздо более адекватен этой традиции, его решительность прекрасно вписывалась в нее, тем самым сохраняя и усиливая зависимость от предшествующей траектории безусловного доминирования власти над обществом. Анализируя теперь историю более чем четвертьвековой давности, следует признать, что подлинное, хотя и нереализовавшееся историческое обновление символизировал в этом конфликте М.С. Горбачев, стремившийся, по его словам, «создать конституционные механизмы, при которых отношения между социальными слоями и людьми выясняются не с помощью мордобоя и кровопролития, а через политику»¹.

Выбор девяностых

Решающая развилка в современной истории России была пройдена в 1991–1993 гг., когда альтернативность развития и шансы выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития были, как представляется,

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М. : Новости, 1995. Т. 1. С. 437.

наивысшими по сравнению как с предшествующим, так и с последующим периодом. Это было окно возможностей, и сегодняшнее положение в России в решающей мере определяется сделанным тогда выбором.

Это был выбор в пользу развития *капитализма «сверху»* путем конвертации власти в собственность, ускоренной приватизации крупной собственности людьми, связанными с властью и реально эту собственность контролировавшими, а не снизу, через предоставление режима наибольшего благоприятствования мелкой и средней собственности, которая развивалась бы параллельно государственному сектору, постепенно вытесняя его из наиболее прибыльных сфер экономической активности.

Этому соответствовал и *политический выбор* — ориентация на использование сложившихся управленческих структур для достижения экономических целей (либерализация рынка и приватизация госсобственности) в кратчайшие сроки. Политическая сфера рассматривалась группами, пришедшими к власти в России в 1991 г., чисто инструментально, как *сфера управления, а не участия*. Вопрос о демократической трансформации и институционализации этой сферы практически не ставился. Эта задача воспринималась как вторичная и производная от развития рыночной экономики, на основе которой, по мысли реформаторов, только и могли возникнуть демократические структуры власти. По сути дела, демократический проект в 1991–1993 гг. был сведен к рыночному.

В результате не произошло сколько-нибудь существенной трансформации системы власти в России — власть осталась самодовлеющей, самодостаточной и неподконтрольной обществу. Конституция 1993 г. закрепила колоссальный перекос в сторону исполнительной власти, единственной реальной власти, существовавшей в российской истории. Из двух опор советской власти первая — КПСС — рухнула в 1990–1991 гг., а вторую — структуры безопасности — решено было сохранить в качестве инструмента новой, «демократической» власти. Этот вариант развития опирался не только

на интересы советской номенклатуры, стремившейся трансформировать властные ресурсы в собственность без помех со стороны законодательных органов, но и на инстинкты и представления самих реформаторов, не видевших самостоятельной ценности представительной власти и неспособных к компромиссу как основе демократической политики¹.

Теория «разумного авторитаризма», авторитарной модернизации: сначала переход к рынку, затем возникновение на его основе среднего класса и гражданского общества и только потом становление демократической политической системы — овладела либеральным сознанием начала 1990-х годов (и, к сожалению, владеет им по сию пору). Впервые опубликованная в интервью А. Миграняна и И. Клямкина в «Литературной газете» в 1989 г.², идея об объективной обусловленности авторитарных методов преобразования командно-административной экономики в рыночную была растиражирована в десятках статей и выступлений и стала общим местом сначала либерального сознания, а потом и нового демократического истеблишмента. Избранный в 1991 г. президентом РФ Б.Н. Ельцин оказался вполне подходящей фигурой для того, чтобы возглавить и олицетворять собой такой вариант развития.

Существовала в начале 1990-х годов демократическая альтернатива такому варианту развития? На мой взгляд, иной, низовой вариант развития капитализма в России, помимо нараставшего кооперативного движения, мог опереться в то время на силы, непосредственно с рынком не связанные — на гуманитарную и научно-техническую интеллигенцию, квалифицированных рабочих — всех тех, кто участвовал в демократическом подъеме конца 1980-х годов

¹ 9 октября 1991 г. Геннадий Бурбулис, в то время государственный секретарь РСФСР, а затем первый заместитель председателя Совета министров, выступая в программе РТВ «Без ретуши», заявил, что «представительные органы в большой мере стали тормозом наших реформ. Эти органы нужны были для разрушения тоталитарной системы, и эту задачу они выполнили. Теперь территории России жаждут властной вертикали».

² См.: Клямкин И., Мигранян А. Нужна железная рука? // Литературная газета. 1989. 16 авг.

и был заинтересован в становлении демократических каналов воздействия на власть и тем самым в отделении общества от государства. Экономически такой путь предполагал опережающее развитие мелкой и средней собственности, поддержку и помощь тем, кто в начале девяностых начал мелкий бизнес главным образом с целью выживания. Челночная торговля, огороды в городской черте, мелкое производство и сервис — все эти вынужденные формы выживания были одновременно и формой становления рыночной экономики снизу.

Этот путь развития капитализма близок к тому, который осуществился в Польше (и в меньшей мере в Украине). 40% современного польского бизнеса, производящего 70% ВВП, было основано в 1990-е годы рабочими старых социалистических предприятий. Именно они стали основой массового слоя мелких предпринимателей¹, нового бизнес-класса, вышедшего из рабочего класса и интеллигенции социалистического периода. Старые социалистические предприятия на этом фоне тихо умерли, «большая приватизация» остатков старой государственной собственности осуществлялась со второй половины 1990-х годов, после того как была либерализована экономика и началось развитие мелких промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Это был «народный капитализм», укорененный в обществе, хотя и бедный ресурсами. Именно на его основе возникло современное польское гражданское общество. Оно, по словам Анджея Рыхарда, директора Института философии и социологии Польской академии наук, было «рукотворным» и тысячами нитей связанным с местными сообществами². Этим, среди прочего, объясняется и устойчивость демократических институтов в Польше, которая, при всех перипетиях, может служить историей успеха эко-

¹ В 1992 г. в Польше в среднем приходилось 1,8 рабочих на одно предприятие.

² См.: Рыхард А. Трудности перехода от социализма к капитализму и демократии: Опыт Польши: Лекция в Сахаровском центре 20 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=f_lyMKG0pZA/

номической и политической трансформации, а не провала ее, как это произошло в России.

В России, как уже говорилось, первоочередной стала «большая приватизация», иначе говоря конвертация старых советских форм власти в собственность. Между тем становление современного (модерного) общества в России в начале 1990-х годов в гораздо большей мере зависело от демократической трансформации системы власти и ее отделения от собственности, чем от скорости либерализации рынка и приватизации крупной государственной собственности. Политическая слабость социального субъекта, заинтересованного в развитии капитализма «снизу»: советской интеллигенции, квалифицированных рабочих, мелких предпринимателей, работавших в секторе производства и обслуживания, — была очевидна уже тогда, в начале 1990-х годов. При ретроспективном анализе она представляется бесспорной большинству исследователей, которые считают, что был избран единственно возможный путь. Польский опыт показывает, что этот путь не был единственно возможным. Следует сказать также, что формирование такого субъекта в значительной мере зависело от политической воли демократических лидеров (точнее, тех, кто назвал себя таковыми в начале 1990-х годов), от их готовности создать представительные институты и отстаивать их властные полномочия.

Это было несовместимо с фактическим отождествлением демократии с защитой исполнительной власти, ведущей борьбу против контролируемого оппозицией парламента. В такой ситуации, особенно в условиях экономического кризиса начала 1990-х годов, неизбежным было массовое разочарование в демократических институтах, поскольку люди не связывали с ними возможность защищать свои социальные права. Огромная часть населения, которая несла основные издержки и экономического кризиса, и экономических реформ как таковых (эти люди потеряли работу, сбережения, социально-экономический статус), не получила демократических каналов отстаивания собственных

интересов, как это произошло в Польше или Бразилии, где после трансформации авторитарных режимов такие каналы сформировались. Иначе говоря, демократия существует, если демократические институты, партии, выборы являются эффективными средствами для того, чтобы большинство населения через них могло защищать свои реальные жизненные интересы. В России такие политические институты созданы не были. Как уже говорилось, политика рассматривалась людьми, находившимися тогда у власти, исключительно как сфера управления, а не участия, а демократия — как власть демократов. Это важнейшая причина того, что российское общество так легко отказалось на рубеже 1990–2000-х годов от демократических институтов: они ничего не стоили и были скомпрометированы как орудия борьбы за власть между различными олигархическими группами.

Глубокое разочарование в демократических институтах положило начало тому повороту в ценностной ориентации российского общества, с последствиями которого мы сталкиваемся с начала 2000-х годов. Исследования ценностей, проведенные в ВШЭ под руководством Л.И. Полищука, показывают, что «накануне посткоммунистических преобразований идеи свободы, рынка и демократии пользовались в российском обществе значительной популярностью. “Моментальные фотографии” (опросы общественного мнения) начала 1990-х отражают оптимизм в России относительно нового экономического и политического порядка. Опрос 1990 г. выявил терпимость к различным мнениям, ценность свободы, необходимость защиты политических прав и свобод (слова, ассоциаций, культурной автономии, равенства перед законом), необходимость конкурентных выборов и открытости власти обществу. Более того, этот опрос продемонстрировал высокое совпадение отношения к рынку жителей Москвы и Нью-Йорка. Первые годы рыночных реформ травмировали российское общество и привели к резкому падению доверия друг к другу и государству, разочарованию в идеях свободы и контроля

общества над властью, росту цинизма и распространению ценностей выживания»¹.

В России девяностых не получилась не только демократия — не получился и свободный рынок, на алтарь которого были положены такие институциональные и социальные жертвы. Для того чтобы рынок функционировал эффективно, необходимо государство как система публичных институтов, а не как система частной власти. Нужен независимый суд, нужны гарантии прав собственности. Предприниматель должен иметь сколько-нибудь длительный горизонт, чтобы на этом рынке работать. Такая система у нас не сложилась, и это также связано с тем выбором, который был сделан в начале девяностых.

Отказ — во имя глубины и быстроты экономических преобразований — от медленного пути демократической трансформации власти, который потребовал бы постоянного согласования различных социальных интересов путем политических компромиссов, решающим образом сказавшись на судьбе крупной частной собственности в России. Приватизация у нас не сопровождалась становлением института частной собственности, который функционировал бы по публичным, единым для всех правилам, гарантируемым независимым судом. Напротив, реальное право собственности в России, надежность положения собственника с самого начала зависели не от эффективности его экономической деятельности, а в первую очередь от близости к власти и характера отношения с ней.

Эта система отношений, воспроизводящая традиционное для России единство власти и собственности, хотя и сложилась под влиянием предыдущего типа развития, не была, однако, предопределена им. В гораздо большей мере ее сформировала та стратегия приватизации, которая была реализована в России в 1990-е годы. Не безальтернативное

¹ Полищук Л., Габер Е., Стукал Д. Культурное эхо реформ: опыт эмпирического анализа // XVII Международная научная апрельская конференция ГУ ВШЭ, Москва, 19–21 апреля 2016.

«предопределение», а сознательный выбор правящих групп поставил крупную частную собственность в России в зависимость прежде всего от сохранения традиционной системы власти в лице ельцинского режима. Именно на нем и только на нем держалась так называемая олигархическая система. Даже в тот период, в середине девяностых, когда казалось, что экономические интересы крупных собственников подчинили себе политическую власть, их центральной задачей стало переизбрание Ельцина на пост президента в 1996 г. любой ценой.

На сохранение этой власти с 1993 г. были направлены основные усилия реформаторов. Ради этого был разогнан Верховный совет в сентябре — октябре 1993 г., ради этого была начата в 1994 г. чеченская война, ставшая одним из важнейших факторов деградации и государства и общества в России. Ради этого с 1996 г. правящие и господствующие группы отказываются от выборов в их демократическом понимании — как игры по известным правилам с неизвестным результатом — и заменяют их имитацией, в которой правила все время меняются в интересах властей предрержащих, а результат всегда известен заранее. С 1993 г. (Указ № 1400 от 21 сентября 1993 г.) простые силовые решения сложных проблем утверждаются в качестве основного способа воздействия власти на общество.

Это означало, помимо прочего, что в 1990-е годы не произошло качественных, необратимых изменений в структуре и, главное, в правовом статусе собственности в России. Способ, которым была создана крупная частная собственность, — путем конвертации власти в собственность под «крышей» государства или путем сделки с отдельными его представителями — оказался гораздо важнее для судьбы этой собственности, чем скорость ее создания или объемы активов. Легитимность этой собственности в глазах общества оказалась ничтожной, большинство населения считало крупные состояния в России продуктом сговора или воровства государственных активов. В результате такой приватизации самым ликвидным товаром на формирующемся

«рынке» стал властный, административный ресурс. Все это облегчило последующую реконвертацию крупной собственности в России — переход ее к середине 2000-х годов под контроль тех групп, которые окончательно приватизировали российское государство, поставили под свой контроль не только исполнительную власть, но и все наиболее прибыльные экономические ресурсы¹.

Возвращение к самодержавию

С 2000 г., с приходом к власти В.В. Путина, в стране начинается контрреформа, суть которой в попытке восстановления традиционной модели взаимоотношений государства и общества, механизма вертикальной организации последнего, расшатавшегося за полтора десятилетия кризисного развития. Резко усиливается экономический контроль государственных и особенно псевдогосударственных структур, за которыми реально стоит частный интерес узкой группы людей, контролирующей политическую власть. В политической сфере происходит последовательное выхолащивание представительных институтов, сложившихся в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов, и установление полного контроля исполнительной власти над законодательной. Механизм передачи высшей исполнительной власти полностью выведен из зоны неопределенности, связанной с демократическими выборами. По сути дела, страна вернулась к самодержавной модели правления, где все важнейшие решения принимаются одним человеком и где не создано институциональной системы преемственности власти, выводящей ее за пределы властного горизонта этого человека.

В 2000-е и особенно в 2010-е годы политическая система России вернулась к традиционному, привычному состоянию

¹ См.: Ворожейкина Т.Е. Было ли возможно иное: альтернативы пройденные и непройденные // Вестник общественного мнения. Данные. Дискуссии. Анализ. 2006. № 4 (84). С. 15–16.

монополизации власти одной политической силой и исключения компромисса. Баланс различных интересов внутри правящих и господствующих групп достигается путем последовательного подчинения единственному центру, из которого проистекает реальная власть (вертикаль власти). Реформа регионального и муниципального управления — отмена прямых выборов губернаторов и мэров городов — фактически ликвидировала те зачатки вертикального разделения властей, которые сложились в первой половине 1990-х годов, а заодно и сам принцип федеративной организации власти, подразумевающий раздельную легитимность органов власти разного уровня и отсутствие соподчинения между ними.

На протяжении своего почти двадцатилетнего правления режим Путина выхолостил и разрушил сложившуюся в 1990-е годы партийную систему, одновременно полностью блокировав возможности неконтролируемого возникновения новых партий из общества. Политика подавления, псевдоюридического преследования и вытеснения все более жестко осуществляется и в отношении независимых общественных организаций. Власть полностью подчиняет себе телевидение и большую часть печатных СМИ, пытается установить и расширить контроль над интернетом. Все более активизируется деятельность репрессивных структур, как легальная, так и «экстраофициальная», направленная на восстановление социального, экономического и политического контроля над обществом. Фактической частью репрессивных структур становится судебная система: она является как орудием «избирательного правосудия» в отношении непослушных членов правящих и господствующих групп, так и в растущей мере орудием подавления политического и социального протеста.

Несмотря на последовательный и всеобъемлющий характер контрреформы в России, с самого начала было очевидно, что попытка восстановить исчерпавшую себя государственно-центричную модель развития была обречена. Прежде всего потому, что государство в России больше не

обладает административными, политическими и идеологическими ресурсами, достаточными для осуществления подобной стратегии. Оно полностью разложено изнутри доминирующими в нем партикуляристскими интересами. Можно с полным основанием утверждать, что государство как система публичных институтов в современной России практически отсутствует. После непродолжительного перерыва, связанного с горбачевскими реформами, на место государства в России снова вернулась система частной власти, единственным ограничителем в которой выступает право сильного, или, как уже говорилось, оголенные, неинституционализированные властные отношения. При этом экономическое и политическое господство, по сути, сливаются, поскольку группы, контролирующие исполнительную власть в России, одновременно контролируют все наиболее прибыльные сферы экономической активности. Иначе говоря, экономические интересы наиболее влиятельной части правящих и господствующих групп полностью персонифицированы на политическом уровне.

Разрушение политических и социальных институтов, опосредующих частные интересы носителей государственной власти, резко ускорилось после 2012 г. Столкнувшись при возвращении Путина на президентский пост с открытым недовольством наиболее образованной, урбанизированной и независимой от государства части общества, власть предприняла попытку тотального сворачивания пространства гражданского общества, законодательного ограничения и криминализации всех форм независимой гражданской и политической активности. В этих условиях самосохранение власти очевидно для всех становится главной и единственной целью политического режима. Отсутствие внешней по отношению к самой власти легитимации (власть ради власти) в 2014 г. толкнуло режим на захват и аннексию Крыма и развязывание войны на востоке Украины. Насилие вновь, как и в годы чеченской войны, утверждается в качестве главной национальной ценности и базового элемента социальных отношений. Захватом Крыма, нарушившим

международные обязательства России, и неприкрытым вмешательством в Восточной Украине российская власть послала обществу ясный сигнал: «Кто сильнее и наглее, тот и прав. Держите сторону сильного, и все у вас будет в порядке». Значительная часть общества этот сигнал восприняла: политика Путина в Украине стала символом тех аморальных отношений и внеправовых практик, которые традиционно регулировали и регулируют российский социум.

С 2014 г. резко усилилась репрессивная составляющая российского авторитаризма. На мой взгляд, существуют все основания для того, чтобы говорить о наличии полицейского государства в России. Формальные и неформальные полномочия ФСБ были существенно расширены, в 2015 г. она получила право на применение оружия в ходе массовых беспорядков, на обыски в жилищах, на сбор биометрической информации о гражданах. В 2016 г. была создана еще одна мощная репрессивная структура — Национальная гвардия, напрямую подчиненная лично президенту и возглавленная бывшим начальником его службы безопасности. Произвольные аресты, пытки подследственных и заключенных стали рутинным явлением в российской пенитенциарной системе. Страх, ежедневный произвол и насилие выходят за пределы собственно репрессивной системы и все больше распространяются на ежедневную жизнь граждан. Все больше людей зависит от государства и вынуждено соблюдать диктуемые им правила и подстраиваться под самые бессмысленные распоряжения его чиновников — на работе, в школе, университете, больнице, доме престарелых. Власть последовательно сокращает пространство независимого действия в культуре и образовании. «Правильные», общественно одобряемые образцы поведения в значительной мере диктуются телевизионной пропагандой, которая становится все более циничной, лживой, агрессивной и ксенофобской.

Война в Украине стала кульминацией тех процессов, которые привели к окончательному разрыву с наследием демократической трансформации конца 1980-х — начала

1990-х годов и провозглашенных тогда ценностей свободы, демократии, правового государства, включения в правовую систему международных отношений. Эти процессы привели к международной изоляции страны и к экономическим санкциям, резко усугубившим нараставшие с начала 2010-х годов застойные явления в экономике, к экономическому кризису и последующей стагнации. Политический режим, исходя из корыстных целей людей, его возглавляющих, может привести страну к экономической, социальной, политической и военной катастрофе. Полное отсутствие институциональных механизмов обновления власти может вновь вызвать обрушение политической системы и социально-экономический хаос. Дважды, в начале и в конце XX века, такое крушение оказывалось контрпродуктивным для становления устойчивой демократической системы и успешного социально-экономического развития. Трансформация «старого режима» до сих пор происходила в России только путем его радикальной ломки, обстоятельства которой приводили к столь глубокому общественному кризису, что каждый раз единственной альтернативой распаду и хаосу становилось возвращение к монополярной власти и государственно-центричной модели.

Есть ли выход?

Существует ли выход из этого порочного круга, из «исторической колеи», снова и снова возвращающей Россию к бесписьменному обществу, к всеподавляющему, хотя и слабому государству, к неэффективному экономическому развитию? Каким путем может быть решена важнейшая модернизационная задача — становление саморегулирующегося общества и его отделение от государства, уход от традиционной для страны государственно-центричной модели развития, в которой власть является главным и единственным вертикальным структурообразующим фактором, подавляющим самостоятельное развитие общества и его горизонтальное

структурирование? Возможна ли в нынешних условиях демократическая трансформация сверху («Перестройка-2»)?

Опыт последних 20 лет, с моей точки зрения, достаточно убедительно свидетельствует об исчерпанности ресурсов авторитарной модернизации сверху. Сложившийся в России авторитарный режим, использующий реставрацию традиционной системы власти и господства в собственных, в том числе экономических, интересах, является главным фактором, блокирующим структурно-функциональную дифференциацию общества и, как уже говорилось, появление автономных центров активности и влияния в экономике, политике и социальной жизни. Вертикальная система власти, в которой только и может функционировать нынешний политический режим, воспроизводит и консервирует в качестве сущностного отношения две важнейшие характеристики традиционной российской системы, препятствующие модернизации общества.

Первая из них — *неразделенность власти и собственности* — именно в годы путинского правления достигла невиданных ни в советский, ни даже в ельцинский период масштабов и глубины. В результате процессов перераспределения собственности (часто прямого ее захвата) основная часть наиболее прибыльных экономических активов оказалась под контролем одной, крайне узкой группы людей, или непосредственно занимающих высшие государственные должности, или коротко с ними связанных. Доступ к собственности через власть является не только наиболее надежным, как и прежде, но и теперь фактически единственным. Уход от власти в такой ситуации ведет к неизбежной утрате не только собственности, но и связанного с ней общественного статуса, а часто личной безопасности и свободы. Институциональное разделение власти и собственности, без которого невозможно создание современного общества в России, означало бы разрушение основ той системы, на которой базируется личное благополучие правящих и господствующих групп нынешней России. Надежды на то, что именно *эта* власть, *этот* режим (или

его производные), *эти* правящие группы смогут, проникнувшись модернизационными настроениями, обеспечить гарантии частной собственности, конкуренции, свободы предпринимательства и т.п., предполагают веру в эффективность того способа, которым барону Мюнхгаузену удалось извлечь себя из болота.

Вторая характеристика — *слабость публичного измерения государственной власти*, — также доведенная до крайности в путинский период, ведет к тому, что любой раскол в правящих группах, в том числе в высшем эшелоне власти, в таких условиях происходит не в институциональных (партийных или фракционных) формах, а как противостояние кланов и клик внутри исполнительной власти. Лидеры противостоящих группировок заинтересованы в том, чтобы подчинить исполнительную власть своему личному контролю. Рассчитывать на то, что из такого раскола может вырасти потребность в государственно-правовой институционализации или тем более в подотчетности власти обществу, по-моему, малореалистично. Маловероятно, что в условиях последовательного отрицательного отбора в высших и средних эшелонах власти, мафиозных принципов организации системы власти-собственности и вертикального контроля властной группировки¹ в ней могли сохраниться люди, способные, подобно Горбачеву, начать разрушать ее изнутри по собственной инициативе.

Шансы на раскол в верхах, на который надеется большинство российских либералов, связаны, на мой взгляд, в первую очередь с давлением снизу. Без такого давления, в отсутствие влиятельного демократического движения даже маловероятное (прижизненное) отстранение Путина от власти обернется верхушечным сговором и сохранением того же типа режима и его отношений с обществом.

Есть ли в обществе силы, заинтересованные в демократической трансформации системы власти? Каков потенциал

¹ См.: Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства : На примере Венгрии. М. : НЛО, 2016.

модернизации снизу? Следует сразу сказать, что ситуация приватизированного государства, слабость институциональной структуры власти обуславливает и слабость мотивов и побуждений к коллективному действию: большинство россиян склонно решать свои проблемы с представителями власти неформальным способом и на неформальном уровне. Формирование социальных акторов, способных добиваться подотчетности государственной власти обществу, в таких условиях крайне затруднено.

Тем более ценными и интересными, на мой взгляд, представляются те попытки коллективного действия и самоорганизации снизу, которые существуют и развиваются в России начиная с 2005 г. Речь идет о многообразных протестных движениях и гражданских инициативах: движениях в защиту жилищных прав и экологической среды обитания, выступлениях против поборов со стороны власти и сращенного с ней бизнеса, протестах против пыток и милицейского произвола. Новые социальные движения и ассоциации появляются в наиболее массовых слоях, среди людей, «чьи доходы позволяют им сводить концы с концами до тех пор, пока в их ситуации не случаются существенные перемены (внезапное лишение социальных гарантий, риск потерять свое жилье, свое малое предприятие и т.д.). Эти люди, ежедневно сталкивающиеся с социальными рисками, составляют большинство населения, по меньшей мере, в больших и средних городах»¹. Отстаивая свои непосредственные жизненные интересы от угроз, так или иначе связанных с властным произволом, эти люди защищают и свои *права*. Защищая свои права, участники этих движений в большинстве случаев апеллируют к закону, требуя от государства соблюдения им самим установленных правил и норм. Мне это представляется очень важным шагом вперед в становлении правовой культуры

¹ Клеман К. Подъем гражданских протестных движений в закрытой политической системе: потенциальный вызов господствующим властным отношениям? [Электронный ресурс]. URL: <http://ikd.ru/node/78/>

российского общества. Наряду с правозащитниками эти организации и объединения являются фактически единственными, кто отстаивает в России закон и право. Именно они утверждают в нашем обществе такие ценности, как «права граждан», «равенство всех перед законом», «достоинство», и все больше формулируют свои цели именно в этих терминах.

История последнего десятилетия показывает, что социальное движение снизу по большей части слабо и фрагментированно, подвержено краткосрочным приливам и гораздо более продолжительным отливам. Не удастся пока добиться главного — включения в демократическую повестку дня социальных требований большинства населения, и прежде всего зависимых от государства слоев: государственных служащих, бюджетников, пенсионеров, без представительства интересов которых в гражданских и политических структурах оппозиции демократическое движение будет обречено на то, чтобы оставаться верхушечным и потому — слабым. Однако, с моей точки зрения, путь к демократии и современному обществу в России в любом случае проходит через создание массового демократического и социального движения. Чем более сильным и влиятельным будет это движение, тем более вероятной будет возможность мирного, постепенного возвращения к демократии. Только организованное демократическое и социальное движение может предотвратить спонтанные, разрушительные выбросы народного недовольства, которое в отсутствие такого движения может открыть дорогу нацизму.

Эти рассуждения кажутся самоочевидными, но обычный ответ на них: «У нас нет на это времени, катастрофа надвигается, и только изменение ситуации наверху может предотвратить ее. Сейчас не до того!» Хочется напомнить, что у нас никогда нет времени. Его не было в начале девяностых для того, чтобы создавать демократические институты, — надо было срочно захватывать власть и создавать рынок, используя в качестве подручных орудий структуры того самого государства и той самой власти, которую

собирались разрушить. Не было времени и в конце девяностых: пришлось прибегнуть к помощи Путина, от которого ждали, что он обеспечит единство и управляемость страны и опять-таки создаст условия для расцвета рынка. Так, в постоянной спешке и под давлением краткосрочной целесообразности, прошло более четверти века, которые не только были потеряны для демократии в России, но и отбросили ее в социальном, культурном и человеческом отношении далеко назад по сравнению с тем, где она находилась на рубеже 1980–90-х годов. Может быть, нам следует наконец перестать спешить и строить демократическое движение независимо от того, какой нам отпущен срок?¹

¹ См.: Ворожейкина Т.Е. Что будет после Путина? : Бразильский сценарий // Republic. 2015. 1 апр. URL: <https://republic.ru/posts/49946/>

Книги издательств
«Социум», ИРИСЭН и «Мысль»
можно купить в интернет-магазине
sotsium.ru

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОССИИ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Под общей редакцией В.Л. Шейниса

Ответственный за выпуск *М. Ледовский*
Редактор-корректор *Е. Абоева*
Дизайн и верстка *Д. Зотов*

Подписано в печать 20.03.2019. Формат 84×108/32
Объем 5,00 усл. п. л. Заказ № .

ЗАО «Мысль»
тел. (495) 330-51-98 ; sotsium.ru

Людвиг фон МИЗЕС
ВСЕМОГУЩЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
Тотальное государство и тотальная война
(Челябинск: Социум, 2013. 472 с.)

В книге представлена неотразимая критика политических, социальных и экономических идеологий, определявших историю Западной Европы и США в течение последних 200 лет. Автор подробно анализирует, как в специфических исторических и географических обстоятельствах в Германии эти идеологии (этатизм и национализм) породили стремление к автаркии и завоеванию требующегося для этого «жизненного пространства», став причиной Второй мировой войны, а также как те же самые идеологии помешали другим западноевропейским странам предотвратить надвигающуюся общеевропейскую катастрофу.

Мизес первым показал, что нацизм и фашизм представляют собой тоталитарные коллективистские системы, имея гораздо больше общего с коммунизмом, чем с капитализмом свободного рынка. Более того, они являются логическим следствием необузданного этатизма и милитаризма фашистских обществ. В пропитанной марксизмом интеллектуальной атмосфере 1940-х годов установленная Мизесом связь фашизма с марксистским социализмом стала настоящим шоком.

Последняя глава содержит пророческую критику идеи мирового правительства, включая всемирные торговые соглашения. Особую актуальность для нашего времени представляет объяснение автором природы современного протекционизма как необходимого следствия вмешательства государства в экономику вообще и социального законодательства в особенности.

Введение

**Часть I. Крах либерализма
в Германии**

- I. Либерализм в Германии
- II. Триумф милитаризма

Часть II. Национализм

- III. Этатизм
- IV. Этатизм и национализм
- V. Опровержение ряда ошибочных объяснений

Часть III. Немецкий нацизм

- VI. Характерные черты немецкого национализма

- VII. Социал-демократы в императорской Германии
- VII. Антисемитизм и расизм
- IX. Веймарская республика и ее крах
- X. Нацизм как общемировая проблема

**Часть IV. Будущее западной
цивилизации**

- XI. Иллюзии всемирного планирования
- XII. Проекты мирного урегулирования